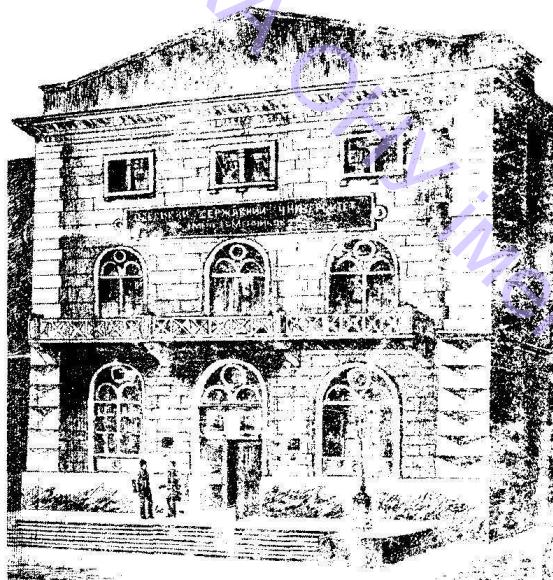

ВІСНИК

ОДЕСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

Том 10. Випуск 11

Соціологія і політичні науки

2005

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова

Odessa National University Herald

Вестник Одесского
национального университета

•

**ВІСНИК
ОДЕСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

Том 10. Випуск 11
Соціологія і політичні науки

2005

Редакційна колегія журналу: **В. А. Смінтина** (головний редактор),
О. В. Запорожченко (заступник головного редактора), **Є. А. Стрельцов** (заступник головного редактора), **Я. М. Біланчин**, **В. М. Білоус**, **А. С. Васильєв**, **Л. М. Голубенко**, **Е. Г. Каретников**, **І. М. Коваль**, **В. Є. Круглов**, **В. І. Нікітін**, **В. Н. Станко**, **В. М. Тоцький**, **Г. Г. Чемересюк**, **Н. М. Шляхова**

Редакційна колегія випуску: **І. М. Коваль**, д-р політ. наук (науковий редактор); **О. Р. Личковська**, канд. соціол. наук (відповідальний секретар); **В. В. Аніщук**, д-р іст. наук; **Е. А. Гансова**, д-р філос. наук; **Є. Є. Камінський**, д-р іст. наук; **С. М. Наумкіна**, д-р політ. наук; **В. М. Оніщук**, д-р соціол. наук; **Н. О. Побєда**, д-р філос. наук; **І. М. Попова**, д-р філос. наук; **Н. М. Якупов**, д-р іст. наук

Свідоцтво про державну реєстрацію друкованого засобу масової інформації: серія КВ № 11464-337р від 07.07.2006 р.

Затверджено до друку Вченою радою Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.

Адреса редколегії: 65026, м. Одеса, вул. Дворянська, 2, Одесський національний університет ім. І. І. Мечникова

ЗМІСТ

СОЦІОЛОГІЯ.

СОЦІАЛЬНІ МЕХАНІЗМИ СУСПІЛЬСТВ, ЩО ТРАНСФОРМУЮТЬСЯ: ТЕОРІЯ І МЕТОДОЛОГІЯ ДОСЛІДЖЕНЬ

Н. Б. Отрешко

Суб'єкт дії у просторі соціальних полів П. Бурд'є 9

О. В. Лісєнко

Соціально-політичні перетворення в пострадянській Україні
та їх відображення у масовій свідомості 18

Д. І. Акімов

Демократична орієнтація як чинник трансформаційного процесу
українського суспільства (теоретико-методологічний і практичний
аспекти) 27

С. С. Ветрова

Відтворення населення України: регіональний вимір 34

Н. Т. Гізатова

Соціальне партнерство і характеристика різних підходів
щодо його дослідження (проблеми інтерпретації) 47

О. А. Панков

Феномен соціального в інтерпретації Ф. Достоєвського 55

О. Р. Личковська

Візуальні комунікативні мас-медійні практики сучасної
молодіжної аудиторії 63

Д. О. Дубіцька

Функції кінематографу у період суспільних
трансформацій 74

С. В. Романенко

Про натовп, флешмоб та завдання соціології 80

Т. І. Кривошея

Мода як предмет у соціогуманітарних штудіях 88

Є. Я. Москвичова

Інтернет-товариства як простір групових взаємодій 95

Л. В. Стоянова

Соціальне здоров'я: багаторівневий аналіз факторів впливу 104

ПОЛІТИЧНІ НАУКИ.

ПОЛІТИЧНІ ПРОЦЕСИ І СОЦІАЛЬНА ДЕРЖАВА

Ю. А. Немченко

Політична реформа в Україні в контексті конституціоналізму 117

О. Ю. Хорошилов

- До питання про визначення місця політичної етики в системі суспільствознавства 125
Н. А. Латигіна
Демократія: деякі роздуми з приводу виникнення 133

УКРАЇНА І СВІТ:

МІЖНАРОДНИЙ ВІМІР ТРАНСФОРМАЦІЙНИХ ПРОЦЕСІВ

О. І. Брусилюська

- Політична трансформація Угорщини та Чехії в другій половині 90-х рр. ХХ — на початку ХХІ ст.: порівняльний аналіз 147

Л. Л. Рассоха

- Виміри зовнішньої політики північноєвропейських держав у постбіполлярний період 156

М. В. Войтенко

- Європейська регіоналізація: процес та проблеми 165

О. В. Петкова

- Міжнародно-політичний інформаційний простір та імідж України 175

Ю. М. Іванова

- Еволюція зовнішньополітичної думки РФ: концепції та реалії 185

В. Ю. Богатий

- Еволюція зовнішньої політики країн Перської затоки в період Ірано-Іракської війни 194

А. Г. Задорожня

- Особливості українсько-польських відносин у 90-х роках ХХ — початку ХХІ ст. 202

В. В. Сокур

- Формування концепції безпеки у Франції 209

Ю. С. Касатонов

- Еволюція аргентино-радянських відносин у період правління президента Р. Альфонсина 217

КРУГЛИЙ СТІЛ

Болонський процес:

- Соціальний діалог про реформування освіти і проектування варіативних національних програм 227

ПЕРЕКЛАДИ

- “Соціальна політика Канади” за редакцією Дж. К. Тернера і Ф. Дж. Тернера (Пер. В. Б. Гапуренко) 265

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ ОБЩЕСТВ: ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Б. Отрешко

Субъект действия в пространстве социальных полей П. Бурдье 9

Е. В. Лисеенко

Социально-политические преобразования в постсоветской
Украине и их отражение в массовом сознании 18

Д. И. Акимов

Демократическая ориентация как фактор трансформационного
процесса украинского общества (теоретико-методологический
и практический аспекты) 27

С. С. Ветрова

Воспроизводство населения Украины: региональное измерение 34

Н. Т. Гизатова

Социальное партнерство и характеристика различных подходов
к его исследованию (проблемы интерпретации) 47

А. А. Панков

Феномен социального в интерпретации Ф. Достоевского 55

О. Р. Лычковская

Визуальные коммуникативные масс-медийные практики
современной молодежной аудитории 63

Д. О. Дубицкая

Функции кинематографа в период общественных трансформаций 74

С. В. Романенко

О толпе, флешмобе и задачах социологии 80

Т. И. Кривошея

Мода как предмет социогуманитарных исследований 88

Е. Я. Москвичева

Интернет-сообщества как пространство группового
взаимодействия 95

Л. В. Стоянова

Социальное здоровье: многоуровневый анализ факторов влияния ... 104

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Ю. А. Немченко

Политическая реформа в Украине в контексте
конституционализма 117

О. Ю. Хорошилов

- К вопросу об определении места политической этики в системе обществоведения 125

Н. А. Латыгина

- Демократия: некоторые размышления по поводу возникновения 133

УКРАИНА И МИР:

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

О. И. Брусиловская

- Политическая трансформация Венгрии и Чехии во второй половине 90-х гг. XX — начале XX в.: сравнительный анализ 147

Л. Л. Рассоха

- Измерения внешней политики североевропейских государств в постбиполярный период 156

М. В. Войтенко

- Европейская регионализация: процесс и проблемы 165

О. В. Петкова

- Международно-политическое информационное пространство и имидж Украины 175

Ю. М. Иванова

- Эволюция российской внешнеполитической мысли России: теория и реалии 185

В. Ю. Богатый

- Эволюция внешней политики стран Персидского залива в период Ирано-Иракской войны 194

А. Г. Задорожная

- Особенности украино-польских отношений в 90-х годах XX — начале XXI века 202

В. В. Сокур

- Формирование концепции безопасности во Франции 209

Ю. С. Касатонов

- Эволюция аргентино-советских отношений в период правления президента Р. Альфонсина 217

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Болонский процесс:

- Социальный диалог о реформировании образования и проектирование вариативных национальных программ 227

ПЕРЕВОДЫ

- “Социальная политика Канады” под редакцией Дж. К. Тернера и Ф. Дж. Тернера (Пер. В. Б. Гапуренко) 265

**СОЦІОЛОГІЯ.
СОЦІАЛЬНІ МЕХАНІЗМИ СУСПІЛЬСТВ,
ЩО ТРАНСФОРМУЮТЬСЯ:
ТЕОРІЯ І МЕТОДОЛОГІЯ
ДОСЛІДЖЕНЬ**

УДК 316. 3

Н. Б. Отрешко, канд. соц. наук, доц. МСУ
Международный Соломонов университет, факультет социологии
кв. 253, ул. Милославская, 31Б
г. Киев-97, 02097, Украина
e-mail:nata19710612@yandex.ru

СУБЪЕКТ ДЕЙСТВИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ П. БУРДЬЕ

В данной статье автор анализирует концепцию “субъект действия в пространстве социальных полей П. Бурдье”. Особое внимание уделяется объективным и субъективным факторам, которые ограничивают возможности социального действия.

Ключевые слова: субъект действия, пространство, социальное поле, габитус

Постановка проблемы

Понятие субъекта действия является одной из тех категорий, которые чаще всего встречаются в социологическом анализе. В современной социологии все большее внимание уделяется не просто описанию типов действия, соответствующих определенной социальной ситуации, а тем ограничениям, которые социальное пространство налагает на действия субъектов.

Современные исследования проблемы

Обобщение теорий социального действия как интерпретативных теорий и концепций практической рациональности дается в работе Девятко И. Ф. [1]. В ней с позиции американского неофункционализма критикуется концепция практики, предложенная П. Бурдье. Отдельные позиции концепции пространства социальных полей и места в них субъекта действия можно найти в работах [2;3;4], однако следует отметить, что обобщенной картины позиции субъекта в социальном пространстве П. Бурдье и возможных в связи с этим ограничений его действий в этих работах мы не находим. Данная статья является попыткой восполнить этот пробел.

Задачи исследования:

описать, каким образом пространство социальных полей формирует и одновременно ограничивает субъектов действия; проследить связь габитуса актора со структурами социальных полей; проанализировать, в какой мере существует возможность преодоления ограничений социального действия.

Материал исследования

Концепция социального пространства П. Бурдье является сложным теоретическим построением, поскольку он не только пытается ввести в него многомерность, но и динамичность образа. Отсюда возникает неоднозначная для восприятия картина социальной реальности, где в рамках социальных полей ведется борьба за различные виды капитала.

Во многом понятия актора и социального пространства должны в концепции П. Бурдье заменить понятийную дилемму индивида и общества, традиционную для классической социологии. С этой точки зрения особый интерес для исследователей представляет вопрос об ограничениях активности агентов, действующих в социальном пространстве. Условно можно разбить все виды ограничений на две группы — объективные и субъективные. Ограничения пространства-времени могут выступать в роли объективных, физических, в то время как субъективные факторы можно определить как чувство социальной дистанции, ощущение границ возможности собственной биографии как части социального мира.

Социология, с точки зрения П. Бурдье, должна руководствоваться в своих теориях следующим тезисом: “человеческие существа являются в одно и то же время биологическими индивидами и социальными агентами” [5, с. 36], это означает, что они одновременно располагаются как тела в физическом пространстве, которое налагает на них свои естественные ограничения, и как акторы занимают определенные позиции в пространстве социальном. В физическом пространстве они локализуются, в пространстве социальном их позиция может существовать не сама по себе, а только в соотношении с другими социальными позициями. “Физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство — по взаимоисключению (или различию) позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций” [5, с. 45]. В физическом пространстве человек может существовать безотносительно к другим локальностям, в пространстве социальном актор соотносит себя, идентифицирует с определенной позицией, которая приобретает свое значение только в сравнении с другими позициями социального поля.

Отсюда структура социального пространства всегда будет иерархизированной, другой же важной его чертой является то, что социальное пространство “посредством действия натурализации, вызывает устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир” [5, с. 47]. Иначе говоря, одной из существенных черт социального пространства является то, что оно стремится принять вид пространства физического, т. е. естественного порядка, рожденного природой вещей. Такова скрытая логика любого социального мира, исполнение которой часто не зависит от степени осознанности или чье-то злой воли. “В иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном и, в особенности, замаскированном виде”

[5, с. 45]. Так, под влиянием социальной магии, любое пространство, завоеванное человеком, автоматически приобретает социальные черты некоего порядка.

Социальное пространство П. Бурдье может быть представлено в виде различных полей, которые, пересекаясь, создают устойчивую макросеть взаимодействий. Это, прежде всего, поля сил, точнее совокупности объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим акторам и “несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям” [5, с. 43]. Отсюда, с точки зрения П. Бурдье, проблема свободы действия индивидов состоит не в том, как они могут избавиться от социального давления, а в том, каким образом, осознавая объективно существующие ограничения, занимая осознанную позицию, акторы могут выбрать оптимальную стратегию поведения в рамках существующих социальных полей.

Практики социальных агентов представляют собой результат адаптации габитуса к постоянно возникающим новым обстоятельствам. Габитус обеспечивает активное присутствие прошлого опыта в современности, обеспечивает преемственность социальных форм (схемы восприятия, мышления и действия) “более верным способом, чем все формальные правила и все явным образом сформулированные нормы, дает гарантию тождества и постоянства практик во времени” [6, с. 105]. Понять, что есть габитус можно только при соотнесении социальных условий, в которых он формировался (производя при этом условия своего формирования), с теми, где он был приведен в действие. “В качестве инкорпорированной истории, ставшей натураой, и тем самым забытый как таковой, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является, следовательно, он есть то, что придает практикам их относительную независимость по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего” [6, с. 109]. Таким образом, наличие прошлого в индивидуальном сознании обеспечивает некую независимость субъекта от внешнего воздействия, делает его инертным по отношению к возможным резким изменениям социального поля.

Практика является непосредственным пространством полей, где протекают социальные действия. Данное пространство, по П. Бурдье, есть объективированный и инкорпорированный продукт практической истории, структуры и габитуса.

Социальные действия происходят в пределах полей — более или менее автономных сфер деятельности, обладающих специфической внутренней логикой. Поля иерархически организованы, то есть существуют более общие, глобальные поля, охватывающие всю социальную реальность. Таковы, прежде всего, поля экономической и политической власти, и частные поля (а внутри них и субполя) религии, образования, искусства, спорта, философии, науки и т. д.

П. Бурдье выделяет четыре основных вида капитала:

— экономический капитал — понимаемый традиционно;

- социальный капитал — положение в социальной иерархии, знаки ства, “связи”;
  - культурный капитал — легитимные знания и навыки, в том числе уровень и структура образования (“образовательный или академический капитал”); культурный код, позволяющий адекватно воспринимать приведения “высокой культуры”; степень владения “престижной” — культурной — формой речи и ее функциональными разновидностями (“лингвистический капитал”);
  - символический капитал — престиж, признание, “имя”, “отличность” — степень канонизации, включенность в антологию, школьные программы
- “Социальное поле можно описать как такое многомерное пространство позиций, в котором любая существующая позиция может быть определена, исходя из многомерной системы координат, значения которых коррелируют с соответствующими различными переменными: таким образом агенты в них распределяются в первом измерении — по общему объему капитала, которым они располагают, а во втором — по сочетаниям своих капиталов, т. е. по относительному весу различных видов капитала в общей совокупности собственности” [6, с. 234].

Структура любого поля является состоянием соотношения сил между агентами или институтами, вовлеченными в борьбу и распределение специфического капитала, который, являясь результатом предшествующей борьбы, направляет последующие стратегии акторов, участников практики данного поля. Эта структура, в свою очередь, сама оказывается постоянно вовлеченной в практику. Основной ставкой борьбы, местом которой является поле, выступает монополия на легитимное насилие (специфическую власть). Таким образом, основной ставкой борьбы служит сохранение или разрушение структуры распределения специфического капитала. Специфичность капитала поля состоит в том, что он имеет ценность лишь находясь в отношении с данным полем и только в определенных условиях его можно обратить в капитал другого поля.

“Очень существенна для П. Бурдье принципиальная несводимость логики частного поля к логике глобального поля власти и, соответственно, заведомая неадекватность любой формы экономического редукционизма” [4, с. 10]. Участие в практике предполагает заинтересованность, “вовлеченность в игру”, экономическая заинтересованность — лишь одна (хотя и доминирующая в современном обществе) из многих ставок в игре поля.

Большинство действий являются объективно экономическими, не будучи субъективно экономическими, не будучи продуктом рационального экономического расчета. Они суть продукт встречи между габитусом и полем, т. е. между двумя историями, более или менее полностью подходящими.

“Именно здесь следует поставить вопрос о *субъекте* расчета. Габитус, являющийся порождающей основой реакций, более или менее адаптированных к требованиям поля, есть продукт целой индивидуальной истории, но также — через опыт воспитания в раннем детстве — всей коллективной истории семьи и класса” [7, с. 153]. Субъект формируется как часть

того поля, где происходит его социализация. С этой точки зрения особую значимость приобретает тот символический капитал, который накоплен в данном социальном поле и борьба за право легитимного господства в нем.

П. Бурдье говорит о том, что “символическая борьба по поводу восприятия социального мира принимает разные формы. С объективной стороны, она может проявляться через действия представления, индивидуальные или коллективные, направленные на то, чтобы заставить увидеть и заставить оценить определенные реалии” [6, с. 156]. На индивидуальном уровне все стратегии представления себя, очень хорошо проанализированные И. Гофманом, есть повседневные стратегии самопрезентации. Для повышения статуса той группы, к которой принадлежит актор, он может предпринимать попытки изменить категории восприятия и оценивания социального мира, когнитивные и оценочные структуры: категории перцепции, системы классификации.

Символическая борьба — как индивидуальная, за ежедневное существование, так и коллективная, организованная, в политической жизни, — имеет специфическую логику, придающую ей реальную автономию по отношению к структурам, в которых она берет начало. Поскольку символический капитал есть не что иное, как экономический или культурный капитал, когда тот становится известным и признанным, когда его узнают по соответствующим категориям восприятия, поскольку отношения символической силы стремятся воспроизвести и усилить отношения сил, конституирующих структуру социального пространства. Легитимация социального порядка не является продуктом сознательно направленного действия пропаганды или символического внушения, как в это верят некоторые; она вытекает из того, что агенты применяют к объективным структурам социального мира структуры восприятия и оценивания, произошедшие от этих объективных структур, потому существует тенденция воспринимать социальный мир как должное.

“Самыми типичными стратегиями конструирования являются те, которые нацелены на ретроспективное реконструирование прошлого, применяясь к потребностям настоящего, или на конструирование будущего через творческое предвидение, предназначеннное ограничить всегда открытый смысл настоящего” [5, с. 50].

В действительности, в обществе всегда есть конфликт между символическими властями, стремящимися внедрить свое видение легитимных делений, т. е. конструировать группы. “Символическая власть в этом смысле есть власть *worldmaking*. *Worldmaking* — конструирование мира заключается, по Нелсону Гудмену, в том, чтобы “делить и объединять, часто одним и тем же действием”, производить декомпозицию, анализ и композицию, синтез, что часто совершается одним наклеиванием ярлыка” [5, с. 46]. Социальные классификации оперируют, главным образом, бинарными противопоставлениями. Тем самым, в рамках лингвистических структур повседневного языка, “они организуют восприятие социального мира и при определенных условиях реально могут организовать сам этот мир” [5, с. 48].

П. Бурдье утверждает, что особенность символического капитала любого поля состоит в том, что “символический капитал идет к символическому капиталу, и что реальная автономия поля символического производства не препятствует тому, что оно остается подчиненным в своем функционировании принуждению, которое господствует в социальном мире, и что соотношение объективных сил стремится воспроизвести себя в соотношении символических сил, в видении социального мира” [6, с. 345]. Таким образом утверждается неизменность этих соотношений сил.

В борьбе за навязывание легитимного видения социального мира, в которую неизбежно вовлечена и наука, агенты располагают властью, пропорциональной их символическому капиталу, т. е. тому признанию, которое они получают от группы. П. Бурдье считает, что символическая власть, чьей образцовой формой служит власть образовывать группы, базируется на двух условиях. Во-первых, как всякий вид перформативного (производительного) дискурса символическая власть должна быть основана на обладании символическим капиталом. “Власть внедрять в чужой ум старое или новое видение социального деления зависит от социального авторитета, завоеванного в предшествующей борьбе” [5, с. 35]. Символический капитал — это доверие, это власть, предоставленная тем, кто получил достаточно признания, чтобы быть в состоянии внушать признание.

Таким образом, власть конституирования, власть формирования новой группы с помощью мобилизации или формирования ее “по доверенности”, говоря от ее имени, являясь ее официальным выразителем, может быть получена лишь в результате длительного процесса институционализации, в итоге которого учреждается доверенное лицо, получающее от группы власть формировать группу.

Во-вторых, символическая эффективность зависит от степени, в которой предполагаемый взгляд основан на реальности. “Очевидно, что конструирование групп не может быть конструированием из ничего. Оно может быть тем более успешным, чем в большей степени базируется на реальности, т. е. на объективных связях между людьми, которых предстоит объединить” [5, с. 47]. Эффект теории тем сильнее, чем теория более адекватна. Символическая власть есть власть творить вещи при помощи слов. В этом смысле символическая власть есть власть утверждения или проявления, возможность утвердить или проявить то, что уже существует.

П. Бурдье считает, что агенты, стоящие в подчиненной позиции в социальном пространстве, занимают ее также и в поле производства символической продукции. Поэтому инструменты символического производства, необходимые для выражения их личной точки зрения на социальное, они могут получить только от представителей интеллектуальной элиты, которые в силу ряда причин соглашаются выступать от лица подчиненных групп, хотя, как правило, занимают высокостатусные позиции в обществе. Такой причиной может стать личное недовольство существующим порядком вещей, осознание того, что социальный мир, организованный в символическом поле власти, требует пересмотра. П. Бурдье пишет: “Чтобы изменить

мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, т. е. видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы” [5, с. 45].

Результаты исследования

Концепция субъекта действия в пространстве социальных полей П. Бурдье относится к теориям практической рациональности. В данной традиции исследователи объясняют действие “в терминах объективно идентифицируемых целей-интересов индивидуального актора и способов практического исполнения, задаваемых внешней по отношению к актору ситуацией действия” [1, с. 204]. Быть практически рациональным актором означает действовать так, чтобы выбирать наилучший способ действий из нескольких альтернативных, максимизировать свою прибыль и минимизировать убытки. Социальное взаимодействие характеризуется в этом случае как “последовательность сделок, переговоров-“торгов” или соревновательных игр, направленных на увеличение контроля акторов над социальными благами” [1, с. 207]. В случае успешного результата подобных взаимодействий акторы накапливают ресурс власти — возможности контролировать и при нуждать других участников игры. Правила социальных игр устанавливаются в силу стабильности основных интересов, существующих в обществе, что дает возможность сформироваться достаточно устойчивым паттернам обмена и взаимодействия.

Модель практической рациональности служит метафоретическим фундаментом всех концепций “экономического человека”, т. е. человека, стремящегося к получению максимальной выгоды от собственных действий. Исходя из этого, П. Бурдье считает, что большинство действий такого практического рационального игрока определяется габитусом, полученным от социального поля, где специфическим образом распределяются различные виды капитала. П. Бурдье утверждает, что как статус актора, так и габитус, который им порождается, являются историческими продуктами, что они склонны в большей или меньшей степени меняться с течением истории.

Таким образом, социологическое исследование, которое имеет целью определить место субъекта действия в социальном пространстве, должно учитывать как объективно существующие связи между различными позициями социальных полей, так и необходимые связи, установленные через опосредование габитуса тех, кто занимает позиции в данном поле. Речь идет о связях между позициями и соответствующим видением позиций со стороны актора, т. е. “между точками, занятymi в данном пространстве, и точками зрения на это же пространство, участвующими в действительности и в становлении этого пространства” [5, с. 47].

Социология, считает П. Бурдье, должна включать в себя социологию восприятия социального мира, т. е. социологию конструирования воззрений на мир, которые, в свою очередь, участвуют в конструировании этого мира. “Таким образом, исследование инвариантных форм восприятия или

конструирования социальной реальности скрывает различные вещи: во-первых, это конструирование не происходит в социальном вакууме, но подвергается структурному давлению; во-вторых, структурирующие структуры, когнитивные структуры сами являются социально структурированными, поскольку имеют социальный генезис; в-третьих, конструирование социальной реальности — это не только индивидуальное предприятие; оно может стать и коллективным” [6, с. 76].

В целом следует сказать, что различие между субъективными и объективными факторами ограничений социальных действий становится очень размытым, если иметь в виду то, что сознание действующего в рамках социальных полей неизбежно формируется, исходя из материальных и символических ресурсов данного поля.

Принятие правил игры на уровне личностной стратегии является своеобразным проявлением диалектики свободы выбора поступка, которая является извечной темой философии и по-новому ставится в современной социологии. Неизбежным становится рассмотрение социальных действий не только с позиции их pragматического смысла, но как этической составляющей, обусловленной и оказывающей влияние на процессы социального поля.

Литература

1. Девятко И. Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. — М: “Аванти Плюс”, 2003. — 336 с.
2. Карсенти Б. Социология в пространстве точек зрения /Поэтика и политика. Альманах Российской-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. — М.: Институт экспериментальной социологии, С.-Пб.: Алетейя, 1999. — С. 271-291.
3. Шматко Н. А. “Габитус” в структуре социологической теории. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. I. — вып. 2. Сайт www.soc.ru/publications/jssa/1998/2/5chmat.html
4. Гронас М. “Чистый взгляд” и взгляд практика: Пьер Бурдье о культуре // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 45. — С. 6-21.
5. Бурдье П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение/ Бурдье П. Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 33-53.
6. Бурдье П. Практический смысл: Пер. с фр. / Общ. ред. Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; С.-Пб.: Алетейя, 2001. — 562 с.
7. Бурдье П. Интерес социолога /Бурдье П. Начала. Choses dites: Пер. с фр. Шматко Н. А. — М.: Socio-Logos, 1994. — С. 147-155.

Н. Б. Отрешко

Міжнародний Соломонів університет, соціологічний факультет,
вул. Шолуденка, 1Б, м. Київ, 01021, Україна

СУБ'ЄКТ ДІЇ У ПРОСТОРІ СОЦІАЛЬНИХ ПОЛІВ П. БУРД'Є

Резюме

У цій статті авторка аналізує концепцію суб'єкту соціальної дії у просторі соціальних полів П. Бурд'є. Особлива увага приділяється об'єктивним та суб'єктивним чинникам, що обмежують можливості дії.

Ключові слова: суб'єкт дії, простір, соціальні поля, габітус

N. Otreshko

International Solomon University, Sociological department
Sholudenko Street, 1B, Kiev, Ukraine, 01021

POSITION OF ACTOR IN THE SOCIAL REALITY BY P. BOURDIEU

Summary

In this article the author analyses the conception of Actor in the social reality by P. Bourdieu. The “gabitus” is the main notion of this conception. The social reality is analyzed not as groups of substances, but as the relationships of different social resources.

Key words: actor, social reality, gabitus

УДК 316.334.3:321.022(043.2)

Е. В. Лисеенко, канд. соц. наук,
доп. кафедры философии и социологии
Южноукраинского государственного педагогического
университета им. К. Д. Ушинского,
65020, г. Одесса, ул. Старопортофранковская, 26, тел. (048)732-09-52,
e-mail: helen-odessa@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ УКРАИНЕ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Статья посвящена анализу влияния осуществления социально-политических преобразований в постсоветской Украине на изменения массового сознания. Автором выделены и проанализированы три фазы в проведении социально-политических преобразований в украинском обществе в разрезе содержания важнейших политических изменений и их отражения в массовом сознании.

Ключевые слова: социально-политические преобразования, массовое сознание, политическое доверие

Актуальность исследования сущности, направленности, институализации социально-политических преобразований в постсоветской Украине и их отражения в массовом сознании обусловлена необходимостью теоретического осмысления специфики украинского политического процесса, определённого как традиционным устройством социальных институтов, амбивалентным характером развития украинского социума, так и традициями, менталитетом народа.

В современной отечественной социологической науке сложилось несколько вариантов парадигмальной интерпретации социально-политических изменений в украинском обществе. Концепции модернизации, применяемые к объяснению преобразований в социально-политической сфере Украины, объясняют глубину проникновения модернизационных изменений в социальные, политические, культурные институты и эффективность политической модернизации в целом в зависимости от соответствия друг другу уровня технологического производства, типа социальной организации и типа культуры [1]. Транзитивная парадигма, которая преимущественно работает в плоскости создания критериев и рецептов осуществления социально-политических преобразований в "посткоммунистической" Украине, анализирует переход украинского политического режима от тоталитаризма к "нормальной" демократии, акцентируя внимание на влиянии внешних факторов: процессов глобализации, европеизации и пр. [2]. Трансформационная парадигма рассматривает социально-политические преобразования в современном украинском обществе как непрерывные процессы изменений,

происходящие под влиянием различных как объективных, так и субъективных факторов [3].

Одним из наиболее влиятельных проектов теоретического осмысливания социально-политических трансформаций в постсоветской Украине является социокультурный подход, который обращает внимание на такие важные условия эффективности преобразований в политической сфере, как использование исходного стартового культурного потенциала, ментальную предрасположенность и готовность элиты и народа к преобразованиям, формирование новой геополитической и гражданской идентичности и др.

В понимание сущности, особенностей, легитимности в массовом сознании социально-политических преобразований в постсоветской Украине существенный вклад внесли такие учёные, как Е. Головаха, В. Бакиров, С. Макеев, Н. Михальченко, И. Бекешкина и др. В данной связи отметим работу С. Макеева и А. Гараня “Политико-государственные преобразования в Украине”, в которой даётся оригинальная интерпретация сущности, особенностей, тенденций развития, проблем эффективности политико-государственной системы в Украине [4].

Целью данной статьи является анализ влияния осуществления социально-политических преобразований в постсоветской Украине на изменения массового сознания.

В начале 90-х годов XX века в политической сфере украинского общества произошли качественные перемены. По существу изменились основные принципы построения власти. Партийное государство, основанное на поглощении общества государством и жёсткой идеологической доктрине, уступило место новой политической модели. По мнению А. Гарань и С. Макеева, сложностью осуществления социально-политических преобразований в постсоветской Украине явилось то, что “украинское государство и общество оказались перед необходимостью проводить не только посткоммунистическую, а и “постимперскую” трансформацию, то есть осуществлять одновременный переход к демократии и рынку, преобразование /создание государственных структур и формирование украинской политической нации. На Западе на это ушли столетия” [4, с. 181].

Противоречиво, трудно, через острое противоборство политических сил в 90-е годы XX столетия в Украине начала складываться современная политическая система: многопартийность, полноценный парламент, институт выборов, свобода слова и деятельность оппозиции. В обществе сформировались новые политические институты, нацеленные на обеспечение проведения социально-политических преобразований, однако они, получив легальность, не получили легитимности в массовом сознании.

Решающей предпосылкой более или менее нормального функционирования политической системы общества является делегирование институтам политической власти и руководящим ими лицам определённой суммы полномочий, позволяющей реализовать властные функции. Делегируя её, общество признаёт тем самым право политических институтов принимать обязательные решения, осуществлять различные, в том числе принуди-

тельные действия, необходимые для их реализации. Иными словами, общество оказывает власти политическое доверие. На его базе основываются такие феномены политического процесса, как легитимность (нелегитимность) политической системы (режима), согласие (несогласие), подчинение (неподчинение), законопослушание (аномия) и т. д.

Если сумма политического доверия превышает необходимый минимум, то система институтов, обеспечивающая функционирование и развитие государственной системы, эффективно осуществляет свои функции. Если доверие падает ниже критического уровня, при котором начинает доминировать недоверие, механизмы общественного управления и регулирования пробуксовывают и их способность принимать действенные управленческие решения минимизируется.

Политическое доверие к новым политическим институтам и возглавившей их элите в 1991 году было весьма значительным. Об этом свидетельствовали результаты проведённых одновременно референдума о создании независимого украинского государства и выборов первого президента Украины Л. Кравчука.

Однако упущенные, как выяснилось позднее, возможности политической модернизации общества, которые объяснялись не только осторожным политическим стилем Л. Кравчука и его принадлежностью к коммунистической номенклатуре, но и поведением политической элиты, оказавшейся не на уровне задач, требовавших безотлагательного решения, привели к уменьшению политического доверия уже в 1992-1993 годах. В дальнейшем доверие населения к институтам новообразованного государства стало катастрофически падать. По данным всеукраинских социологических опросов, в марте 1994 года наименьший индекс доверия имело правительство. По мнению 84% опрошенных, ответственность за нынешнее состояние экономики несут органы власти. В то же время 73% респондентов считали, что у власти в Украине находятся те самые политики, что и до провозглашения её независимости.

Как свидетельствуют результаты социологического мониторинга, проведённого Институтом социологии НАН Украины, с 1994 по 1998 года доверие украинских граждан Верховной Раде, правительству и президенту постоянно падало. Так, полное доверие правительству в вышеупомянутые годы оказывали от 1,6 до 4,1% респондентов [5]. Даже правительство В. Ющенко, на которое как на “наибольшую надежду общества за годы независимости” возлагались большие ожидания, через полгода своей деятельности вызвало полное доверие лишь у 6,2% опрошенных, а противоположное чувство — у 30,1% граждан Украины.

К 1998 году стало очевидным, что недоверие населения институтам власти не только сохранилось, но даже усилилось. Согласно опросам общественного мнения, на июнь 2000 года обращались за помощью в Верховную Раду и в правительство 3% граждан Украины [6]. Таким образом, годы независимости не добавили населению уверенности в том, что власть представляет её интересы и потребности, поэтому ей можно доверять.

С 1999 года по 2003 год доверие к президенту уменьшилось с 28,6% в 2000 году (13,8% (2001г.), 13,1% (2002г.), 11,6% (2003 г.) до 15% в 2004 году. В то же время полностью и в основном недоверие президенту у населения увеличилось с 37,1% в 2000 году (54,1% (2001 г.), 59,2% (2002 г.), 60% (2003 г.) до 58,1% в 2004 году.

Как свидетельствуют результаты социологического исследования, прошедшего Киевским международным институтом социологии, в октябре-ноябре 2005 года, президенту Украины В. Ющенко доверяли только 28,3% населения, а 59,1% населения не доверяли. При этом, исходя из данных данного исследования, год назад В. Ющенко доверяли 52,7% населения. Основной причиной, которая подорвала доверие населения к президенту, 44% респондентов назвали “невыполнение обещаний и неоправдание надежд”. Большинство населения (58%) считает, что “во власти недостаёт новых личностей”, и 45% опрошенных убеждены в том, что новых лиц не хватает и оппозиции [7]. Это означает, что общество не довольно постсоветской политической элитой и видит необходимость в появлении нового поколения политических лидеров страны, которые соответствуют требованиям времени и масштабам задач.

Таким образом, перспективы социально-политического развития Украины в условиях постсовременного мира зависят, прежде всего, от преодоления нынешнего политического кризиса и обеспечения политической эффективности на основе солидарности власти и общества.

При этом, по мнению Н. Михальченко, возможны две модели реформ и создания политических систем.

1. “Сакрально-коллективистская” (мобилизационная) модель, связанная с персонифицированным лидерством харизматической личности или гегемонией массовой партии.

2. “Секулярино-либертианская” (плюралистическая) модель, когда политическая система модернируется на основе компромисса, соглашений основных политических сил [8].

По мнению автора статьи, для Украины вторая модель более предпочтительна. Анализируя вторую модель политической модернизации, Д. Альтер отмечает, что она является преобразованием традиционной, закрытой, авторатической системы в открытую, демократическую, “согласовательную” модель системы современного типа, в которой начинают работать иные политические институты и механизмы — плюралистическая партийная законодательная и исполнительная власть” [9].

В этом случае в Украине может быть сформирована политическая система с такими характеристиками:

1) усиливается и централизуется государственная власть на национальном уровне;
2) регионы не получат чрезмерных полномочий, угрожающих расколом страны, но получат достаточные полномочия для реализации демократических принципов местного самоуправления;

3) будет усиливаться специализация политических институтов, их дифференциация в системе “законодательная-исполнительная власть”;

- 4) активизируется политическая активность украинских граждан;
- 5) стимулируется развитие украинской политической ментальности, формирование новых политических ценностей, норм и принципов.

В настоящее время, основываясь на исследованиях социально-политического развития украинского общества в 1990-х- начале 2000 годов, автором статьи были выделены, по крайней мере, три фазы в осуществлении социально-политических преобразований в Украине [10].

Первая фаза — демократизация общественной жизни и качественного преобразования политического устройства страны (с 1991 по 1998 гг.) была связана с созданием структур демократической политической власти, рождением и становлением многопартийности, партийного плюрализма, обеспечением базисных гражданских свобод.

При этом в украинском обществе было достигнуто обеспечение необратимости демократических и политических преобразований. Многочисленные опросы общественного мнения в 1994 — 2004 годах свидетельствуют о значительной степени декоммунизации установок и ожиданий большей части населения Украины. В то время как политический процесс в обратном направлении был заблокирован, политико-экономические механизмы качественного (гражданское общество, обеспечение прав и свобод) и количественного роста были не сконструированы, частично недееспособны.

Вторая фаза (с 1999 г. до 2004 г.) была связана с проявлением элементов авторитарности в функционировании исполнительной власти, доминированием исполнительной ветви власти (президента) над законодательной (Верховная Рада) и судебной, интеграцией партий и финансово-политических группировок.

Опросы общественного мнения в 1994-2004 годах свидетельствуют о том, что в массовом сознании произошло дистанцирование как от ценностей политической системы советского типа, так и от идеалов политической системы демократического типа. Не произошло и европеизации массового сознания.

Третья фаза (с 2005 года по настоящее время) связана с созданием новых демократических институтов власти, развитием института выборов, расширением свободы слова, мобилизацией политической активности граждан страны.

Однако на уровне массового сознания социально-политические преобразования в украинском обществе привели к тому, что, как показывают данные социологических исследований, проведённых Институтом социологии НАН, за четырнадцатилетний период не только не улучшилось, а даже ухудшилось отношение среднестатистического украинца к власти, к политике вообще. Наблюдается нарастание неверия граждан страны в возможность конструктивных решений политических проблем [11]. Так, до сих пор геополитическое развитие Украины не имеет чётко прописанной траектории и научно не обосновано: должна ли концепция современной украинской геостратегии иметь такие императивы и векторы, как принцип многовекторности, внеблоковый статус государства и европейский выбор, связи с Россией, региональная политика [12].

Результаты социологического мониторинга, проведённого Институтом социологии НАН Украины, позволяют констатировать значительное уменьшение части населения, которая отдает предпочтение СНГ как модели организации для международного сотрудничества с участием Украины, и увеличение граждан Украины, которые считают, что страна должна развиваться на пути создания восточнославянского блока бывших советских республик (России, Белоруссии, Украины). Достаточно стабильными остаются группы сторонников развития Украины по западному пути и развития Украины своим собственным путём, ориентируясь на собственные ресурсы и укрепляя независимость страны.

Распределение ответов респондентов на вопрос:

“Какому пути развития Украины Вы отдаёте предпочтение?”

	1994	1996	1998	2000	2002	2004
В первую очередь расширять связи в рамках СНГ	40,5	31,8	23,8	15,4	13,4	13,1
Развивать отношения преимущественно с Россией	17,5	14,4	5,0	4,1	8,6	11,4
Укреплять прежде всего восточнославянский блок (Украина, Россия, Беларусь)	-	-	23,7	22,8	34,0	34,3
Устанавливать связи прежде всего с развитыми странами Запада	13,3	15,9	12,8	16,5	12,7	14,4
Опираться прежде всего на собственные ресурсы, укрепляя независимость	13,3	18,5	17,7	26,1	22,2	17,1
Затруднились ответить	9,5	12,2	9,3	10,1	8,0	8,2

Практика показала, что либеральная модель политической модернизации (по сути, вестернизация), которой придерживаются некоторые чиновники украинского правительства, во многом себя исчерпала. Ошибочность этой модели заключалась в том, что она исходила из априорного посыла: рыночные отношения определяют демократию. На самом деле рынок не должен определять политическую систему и такие институты демократии, как многопартийность, свобода слова, политическое участие и другие. Напротив, процессы экономической модернизации, как показывает опыт, во многом определяются успехами демократизации общества.

Однако Украина является частью мирового сообщества и, безусловно, в процессе социально-политических преобразований необходимо учитывать общеевропейские политические тенденции. Социология и другие общественные науки угадывают в социально-политических отношениях признаки новых закономерностей, определяющих мировые процессы в XXI столетии — идёт процесс открытия новых мировоззренческих горизонтов, меняется парадигма политической деятельности и восприятия политической власти, форм и видов её деятельности.

Всё более отчётливым становится стремление перейти от демократии к иноакратии (от греческого — разум и власть), от репрессивного подавления сверху к “совместному созиданию”, от партийно-политического идеологи-

заторства — к верховенству Закона, от безраздельного могущества экономики и финансов — к господству духовно-нравственных, политических систем.

Украинская линия в контексте развития мировой цивилизации пока не выглядит как самостоятельная и равноправная. Оптимизация выбора социального прогресса Украины как раз и зависит от того, насколько власть разума (ноократия) будет востребована политической элитой, способной придать национальным интересам Украины статус эволюционного выбора развития.

В заключение можно сделать следующий вывод: для дальнейшего эффективного осуществления социально-политических преобразований в Украине необходим чёткий выбор вектора развития, на определение которого должны повлиять учёт политической культуры, менталитета населения страны, активизация политической активности граждан и мобилизация нового поколения политической элиты. Социально-политические преобразования, как демонстрирует мировой опыт, должны обязательно исходить из способности и готовности общества к соответствующим социально-политическим и культурно-политическим преобразованиям, при этом скорость изменений должна быть скорректирована с потребностями сохранения целостности социума, того, что Т. Парсонс называет социальной интеграцией общества.

Литература

1. Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1996, p. 1; Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven, 1970. P. 266; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. — М., 1996; Турен А. Способы ли мы жить вместе. Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999; Турен А. Что означает демократия сегодня? // Антология политической мысли: В 5 т. — М., 1997, — Т. 2. — С. 732; Руе L. W. The Non-Western Political Process // Journal of Politics 20. — 1958. — № 3. — Р. 469; Крозье М. Современное государство — скромное государство. Другая стратегия изменения // Антология мировой политической мысли: В 5 т. — М., 1997. — Т. 2. — С. 709.
2. Станицкис Я. Посткоммунизм — явление тайны // Социологические исследования, 2002. — № 1. — С. 17-25; Stark D. Path Dependency and Privatization Strategies in East-Central Europe// Economic Institution, Actors and Attitudes: East-Central Europe in Transition. — Budapest, 1992; Illner M. Post-Communist Transformation Revised // Czech Sociological Review. — 1996 — № 4. — Р. 153-159.
3. Гайденс Э. Третий путь — обновление социальной демократии. — М., 1998; Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О. Д. Куценко; соредактор С. С. Бабенко. — Харьков: Изд. центр Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, 2004. — 418 с.; Михальченко М. І, Журавський В. С., Танчев В. В. Соціально-політична трансформація України: реальність, міфологеми, проблеми вибору. — К., 1997.
4. О. Гарань, С. Макеєв. Політико-державні перетворення в Україні // Політичні і економічні перетворення в Росії і Україні. — М., 2003. — С. 177- 214.
5. Українське суспільство—2003. Соціологічний моніторинг / За ред. д. е. н. В. Ворони, д. с. н. М. Шульги. — К.: Інститут соціології НАН України, 2003.
6. Українське суспільство на порозі третього тисячоліття. Колективна монографія / Під ред. М. О. Шульги. — К.: Ін-т соціології НАН України, 1999.
7. Зеркало недели. — № 45. — 19-25 ноября 2005 года. — С. 1-4.

8. Михальченко Н. И. Украинское общество: трансформация, модернизация или лимитроф Европы? — К.: Институт социологии НАНУ, 2001. — С. 58.
9. Apter D. Politics of Modernization. — Chicago, 1965. — Р. 67.
10. Головаха Е. И. Трансформирующееся общество. Опыт социологического мониторинга в Украине / Ин-т социологии НАН Украины. — К., 1996. — 143 с.; Посткоммунистические трансформации: векторы, направления, содержание / Под ред. О. Д. Куценко; со-редактор С. С. Бабенко. — Харьков: Изд. центр Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, 2004. — 418 с.; Михальченко М. И., Журавський В. С., Танчев В. В. Соціально-політична трансформація України: реальність, міфологеми, проблеми вибору. — К., 1997.
11. Українське суспільство 1994-2004. Моніторинг соціальних змін / За ред. д. е. н. В. Ворони, д. с. н. М. Шульги. — К.: Інститут соціології НАН України, 2004. — С. 635.
12. Василенко С. Д. Європейський вибір України, — Одеса, 2003. — 212 с.

**О. В. Лісеєнко, кандидат соціологічних наук, доцент,
Південноукраїнський державний педагогічний університет (м. Одеса)
ім. К. Д. Ушинського, 65020, м. Одеса, вул. Старопортовій, 26.**

СОЦІАЛЬНО-ПОЛІТИЧНІ ПЕРЕТВОРЕННЯ В ПОСТРАДЯНСЬКІЙ УКРАЇНІ ТА ЇХ ВІДОБРАЖЕННЯ У МАСОВІЙ СВІДОМОСТІ

Резюме

Стаття присвячена аналізу впливу здійснення соціально-політичних перетворень в пострадянській Україні на зміни масової свідомості. Автором відзначено та проаналізовано три фази в здійсненні соціально-політичних перетворень в Україні в розрізі змісту важливіших політичних змін та їх відображення у масовій свідомості. Зроблено висновок, що для ефективного здійснення соціально-політичних перетворень в пострадянській Україні потрібен чіткий вибір вектору розвитку, активізація політичної активності громадян та мобілізація нового покоління політичної еліти.

Ключові слова: соціально-політичні перетворення, масова свідомість, політична довіра, політична еліта

E. V. Liseenko

The South Ukrainian State (Odessa) K. D. Ushynsky Pedagogical University,
65020, Odessa, Staroportofrankovskaya str. 26.

THE SOCIAL-POLITICAL TRANSFORMATION IN THE POST-SOVIET UKRAINE AND THEIRS REFLECTION IN MASS CONSCIOUSNESS

Summary

The article is devoted to the analysis of the influence of realization of social and political modernization in the post-soviet Ukraine to the change of mass consciousness. The author distinguishes and analyzes three phases in realization of the social and political modernization in Ukraine into the section of matter of the important social and political modernization and theirs reflection in mass consciousness. The author makes the conclusion that for the effective realization of the social and political modernization in Ukraine it is necessary the clear choice the vector of the development, activization of political activity of citizens, mobilization of new generation of political elita.

Key words: social and political modernization, mass consciousness, political trust political elita

УДК: 316(075.8)

Д. И. Акимов, канд. соц. наук,
председатель Генеральной дирекции центра социально-психологических
исследований МАРТИС "Золотая фортуна", ул. Аистова, д. 3, г. Киев-10,
01010, Украина, тел. (38044) 254-57-00, fortuna@org.ua

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

В статье охарактеризованы основные противоречия демократической трансформации Украины, связанные с трудностями развития гражданского общества. Аргументирована необходимость создания специализированной институциональной системы стимулирования индивидуальных и коллективных форм гражданской активности.

Ключевые слова: демократия, социальная трансформация, гражданская активность

Постановка проблемы

В настоящее время стало достаточно очевидным, что современный научный подход к изучению трансформационных тенденций украинского общества оказывается объективно связанным с поисками ответов на весьма непростые вопросы. Можно ли рассматривать процессы демократизации и либерализации общественной жизни исключительно как факторы гармонизации и гуманизации социальных отношений? Оправдано ли однозначно связывать процессы углубления демократических реформ с задачами реального повышения уровня жизни населения, углубления социального равенства? Наконец, обладает ли украинское общество необходимыми материальными ресурсами для организации демократического правопорядка и реализации ориентационной стратегии в направлении интеграции с развитыми постиндустриальными государствами?

В поиске содержательных ответов на эти вопросы украинскими учеными достаточно явно осознается значимость анализа внутренних материальных, человеческих и интеллектуальных ресурсов в контексте происходящих глобальных изменений, необходимых для обеспечения оптимальной ориентационной стратегии. В этой связи важно учитывать, что ориентационные процессы в значительной степени являются обусловленными реальными противоречиями, тенденциями трансформации социальной структуры общественных систем постсоветского типа, а, следовательно, и характером социальных неравенств как определенных напряжений в социальной иерархии. Поэтому вполне очевидной становится потребность в исследова-

нии как общих, так и специфических идентификационных факторов, определяющих: во-первых, базисные ресурсные условия жизнедеятельности украинского общества, во-вторых, ключевые параметры социальной дифференциации, выражающие своеобразие образующегося комплекса социальных неравенств как важнейшей движущей силы трансформационного процесса.

Теоретико-методологический и практический аспекты анализа проблемы демократической ориентации украинского общества

Следует отметить, что суть проблемы в содержательном аспекте достаточно четко отражена учеными Института социологии НАН Украины в коллективной монографии “Социальные идентификации и идентичности”: “Какой бы набор терминов для описания современной ситуации в Украине ни избрать (примерами тут могут быть наборы, группирующиеся вокруг центральных понятий типа “социальные изменения”, “радикальные общественные трансформации”, “кризис” или даже “катастрофа”), в фокусе подобного описания будет в принципе одно: происходящее с социальной структурой общества в целом и ее отдельными элементами, т. е. состояние и динамика процессов дифференциации и стратификации. При этом основной проблемой, подлежащей разрешению, становится идентификация субъектов действия и поведения, их ориентаций и устремлений, проблема предсказуемости их отношения к другим субъектам и социальным институтам, а также проблема самоидентификации индивидов и групп — отнесение и причисление себя к определенным социальным образованиям” [1, с. 4].

Поддерживая и учитывая позитивные стороны данной теоретико-методологической стратегии, тем не менее, важно подчеркнуть, что при смещении исследовательских приоритетов, главным образом, на анализ процессов социальной стратификации, по сути, объективно остается в стороне изучение процесса демократического реформирования институциональной системы украинского общества. Социальные институты как субъекты общественной жизни, как известно, в существенной мере выражают ресурсные возможности того или иного социума. Именно поэтому с институциональными изменениями и преобразованиями, как мы полагаем, можно связывать наиболее существенные качественные трансформации украинского общества в направлении его демократизации.

В то же время следует также указать на действие определенных кризисных тенденций, которые выражают противоречия и трудности формирования в Украине развитой институциональной системы гражданского общества, которая призвана создавать важнейшие ориентационные стимулы демократического развития.

Весьма характерным в этой связи является то, что в ныне действующей Конституции Украины нет даже упоминания о гражданском обществе. Это,

несомненно, сдерживает научную разработку политico-правовых проблем, с которыми можно было бы связывать создание демократических стимулов развития этих стран в направлении гуманизации общественных отношений, гармонизации социальных неравенств через демократические механизмы самоорганизации и самоуправления и стимулирования гражданской активности.

Следует отметить, что недостаточная научная разработка концептуальных проблем гражданского общества на практике приводит к тому, что не только среди широких слоев населения украинского общества, но даже среди интеллектуалов и политиков-управленцев довольно настойчиво культивируется стереотип, утверждающий, что формирование в Украине гражданского общества является только перспективной тенденцией. Поэтому о гражданском обществе в Украине, скорее всего, оправдано говорить в координатах будущего времени. Данный стереотип достаточно наглядно можно было обнаружить в проекте правительенной Программы "Украина-2010", получившей широкую известность в среде научной общественности. В разделе данной Программы, который назывался "Развитие гражданского общества" примечательным представляется следующий тезис. "С принятием Конституции украинское государство сделало окончательный выбор в пользу построения демократического, правового, политически стабильного и экономически развитого общества, в котором человек ощущает себя защищенным и имеет возможности воплотить в жизнь собственные намерения и достичь желаемого уровня благосостояния. Поэтому главным результатом демократических преобразований должно стать формирование гражданского общества, которое на основе правовых норм устанавливает оптимальные соотношения интересов отдельных личностей, социальных общностей и общества в целом. Социальной базой такого общества должен стать средний класс, интересы которого тесно связаны с национальными интересами государства" [2, с. 28].

Нетрудно заметить, что формирование гражданского общества в Украине рассматривается скорее в качестве перспективной цели, для достижения которой в настоящее же время важно "создание благоприятных условий для развития необходимой социальной базы".

Такая позиция в теоретико-методологическом отношении, на наш взгляд, в целом связана с весьма характерным односторонним рецептурно-нормативным истолкованием и использованием самого термина "гражданское общество". В этой связи мы считаем оправданным поддержать позицию английского ученого Дж. Кина, который указывает, что в большинстве случаев категория "гражданское общество" используется либо в *прагматическом* плане, т. е. как рецепт формулирования общественной, политической стратегии или плана конкретных действий, либо в *нормативном* — т. е. в целях подчеркивания более высокого экономико-политического статуса гражданского общества относительно других типов режимов. Однако гораздо более конструктивным, как считает ученый, является *аналитико-интерпретативное* использование теоретико-методологического и эврис-

тического потенциала данной категории — т. е. “для того, чтобы *анализировать и интерпретировать* эмпирические контуры социально-политических отношений и институтов прошлого и настоящего, а также тех, которые еще только возникают сейчас” [3, с. 43].

Такой подход, как нам представляется, позволяет более точно и критично оценивать реальную степень развитости гражданского общества в той или иной стране. Однако следует констатировать, что концептуальная разработка данной проблемы в контексте анализа трансформационной и ориентационной специфики государств бывшего СССР по сути находится на начальном этапе. И это несмотря на то, что данная проблема имеет очевидную особую научную актуальность и практическую значимость. Учитывая это обстоятельство, имеет смысл остановиться на характеристике наиболее перспективных исследовательских подходов.

В Украине, как и любой другой европейской стране, как справедливо считает видный украинский ученый И. Курас, реально сложились, функционируют и развиваются многие базисные элементы гражданского общества, и сам процесс этого функционирования и развития должен интенсифицироваться в пределах “европейского выбора” как приоритетной ориентационной стратегии. “В то же время, в классическом западном варианте гражданское общество развивалось параллельно с государством, что в целом обусловливало их органичное взаимодействие. Одна из особенностей посткоммунистических трансформаций заключается в том, что государство существенно опережает общество по уровню дееспособности и де-факто угнетает его. В Украине в первые годы независимости также осуществлялось фактическое огосударствление демократии. Очевидно, это является неизбежным в условиях, когда недостаточно развитыми являются экономическая, социальная и культурная сферы. Переход к новой системе начинается с надстройки, новое государство выявляется практически единственной силой, осуществляющей задачу коренного слома и перестройки старого экономического, социального и духовного способа жизнедеятельности общества. В результате происходит инверсия функций государства и гражданского общества. Общество оказывается не в состоянии самостоятельно формулировать и ставить на повестку дня проблемы, которые требуют эффективных решений, а государство берет на себя не только собственные функции, но и функции общества. Таким образом, государство ~~как бы~~ “поглощает” общество. Возникает специфическая ситуация, когда государство должно целенаправленно содействовать, или по меньшей мере не мешать становлению гражданского общества, то есть проводить в определенных сферах во многом не свойственную ему политику самоограничения” [4, с. 26-27].

В приведенном выше фрагменте И. Курасом достаточно четко охарактеризованы по сути главные специфические противоречия и сложности процесса утверждения гражданского общества в Украине как функционально автономного инициативного субъекта.

Следует отметить, что другие исследователи в своих работах придержи-

ваются сходных точек зрения, стремясь аргументировать позицию, согласно которой “слабый” и “низкий” субъектный статус гражданского общества в Украине непосредственно выявляется в реально недостаточных возможностях осуществления его институциональными структурами независимого гражданского контроля, а также в явно ограниченных формах участия этих структур в принятии различных политических решений.

Интересные суждения в этом плане, как нам представляется, содержатся в работе В. Степаненко, который отмечает, что кардинальной причиной, тормозящей процесс развития гражданского общества в Украине, является традиционно авторитарный способ функционирования властных отношений в обществе, отсюда — критически низкий ресурс доверия властным институтам со стороны общества. Наиболее значимым стимулом конструктивного разрешения данных противоречий, по мнению социолога, должен быть “отказ от пренебрежительного “менторско-терапевтического” стиля функционирования власти и традиционного режима ее “закрытости” и внедрение режима “прозрачности” проблемы независимого гражданского контроля за деятельность всех ветвей власти (включая центральную исполнительную), ее подотчетности общественности и, шире, привлечение общественности к процессам принятия политических решений — все эти проблемы являются как никогда актуальными” [5, с. 16].

Данное обстоятельство, как мы считаем, является весьма серьезным, поскольку оно реально выражает назревшие практические потребности поиска эффективных стимулов формирования гражданского общества в Украине. Однако важно также в полной мере учитывать и то обстоятельство, что само гражданское общество формируется прежде всего деятельными усилиями как отдельных индивидов, так и различных социальных групп, которые занимают весьма различные статусные позиции в социальной структуре.

Данные многочисленных социологических исследований убедительно свидетельствуют о том, что главные сложности и трудности демократических преобразований в Украине обусловлены стихийным развитием институтов гражданского общества, слабым ростом социальной базы демократических реформ. Достаточно слабым является и интеграционный потенциал институтов гражданского общества, в работе которых принимает участие 5-7% граждан. Как показали специальные исследования, несмотря на то, что в 2003 году в Украине насчитывалось более 30 тысяч общественных организаций и объединений граждан, активно и постоянно из них действовало только около 3 тысяч [6, с. 279].

Кроме того, со стороны государства явно недостаточно внимания уделяется вопросам поддержки и развития конструктивных гражданских инициатив. Поэтому актуальной теоретической и практической проблемой является поиск и создание эффективных механизмов стимулирования процессов самоорганизации в экономической, политической и духовной сферах общественной жизни. Важным аспектом данной проблемы является решение задачи реабилитации ценностей социальной ответственности, гу-

манизма и ненасилия, честного и высокоэффективного производительного труда, демократического правопорядка.

Следует также признать, что в Украине и других государствах бывшего СССР в настоящее время еще не сформировалась специализированная институциональная система, которая была бы функционально ориентирована на решение задач непосредственного стимулирования индивидуальных и коллективных форм гражданской активности. Более того, остро дискуссионными и не решенными продолжают оставаться вопросы о принципах социального проектирования данной системы, а также не вполне ясны технологические особенности ее функционирования в обществе.

В то же время, научный поиск эффективных технологий стимулирования индивидуальных и коллективных форм гражданской активности является важным фактором успешного осуществления демократических реформ. Данные технологии по своему функциональному назначению предназначены усиливать механизмы самоорганизации и творческой активности граждан. Разработка новых технологий стимулирования гражданской активности является актуальной и для развитых демократических государств. Главные же истоки нынешнего кризиса системы политического управления в современных постсоветских странах, как уже отмечалось в наших работах [7], коренятся в существенной недооценке значимости создания специализированных институциональных механизмов стимулирования гражданской активности, а также в культивировании патерналистских технологий социальной политики, которые в ситуации острого дефицита материальных ресурсов попросту оказываются неэффективными.

Литература

1. Макеев С. А., Оксамитная С. Н., Швачко Е. В. Социальные идентификации и идентичности. — К.: Институт социологии НАН Украины. — 1996. — 185 с.
2. Програма "Україна-2010" (Проект). — К., 1999. — 96 с.
3. Кін Дж. Громадянське суспільство. Старі образи, нове бачення. — К.: К. І. С., 2000. — 192 с.
4. Курас І. Ф. Українське суспільство на рубежі століття: утвердження реформаторського курсу // Україна на порозі ХХІ століття: Матеріали наук.-практ. конф. — К.: НТТУ КПІ, 2001. — С. 23-28.
5. Степаненко В. Соціологічна концепція громадянського суспільства в пострадянському контексті // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2000. — № 3. — С. 5-20.
6. Підлуська І. Корені трави. Громадянське суспільство в Україні: стан та перспективи розвитку. — К., 2003. — 112 с.
7. Акимов Д. Україна на пути к демократии (социологический анализ тенденций демократического развития) // Соціальні виміри суспільства: Зб. наук. праць. — Вип. 5. — К., 2002. — С. 56-66.

Д. І. Акімов

Центр соціально-психологічних досліджень МАРТІС “Золота фортуна”,
вул. Аїстова, д. 3, г. Київ-10, 01010, Україна

**ДЕМОКРАТИЧНА ОРІЄНТАЦІЯ ЯК ЧИННИК
ТРАНСФОРМАЦІЙНОГО ПРОЦЕСУ УКРАЇНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА
(ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГІЧНИЙ І ПРАКТИЧНИЙ АСПЕКТИ)**

Анотація

У статті охарактеризовані основні суперечності демократичної трансформації України, пов'язані з труднощами розвитку цивільного суспільства. Аргументовано необхідність створення спеціалізованої інституційної системи стимулювання індивідуальних і колективних форм цивільної активності.

Ключові слова: демократія, соціальна трансформація, цивільна активність

D. I. Akimov

Center of social and psychological researches IARTS “Golden Fortune”,
Aistova str. 3., Kyiv-10, 01010, Ukraine

**DEMOCRATIC ORIENTATION AS FACTOR OF TRANSFORMATION
PROCESS OF UKRAINIAN SOCIETY (THEORETICAL,
METHODOLOGICAL AND PRACTICAL ASPECTS)**

Summary

Basic contradictions of democratic transformation of Ukraine, related to difficulties of development of civil society, are described in the article. The necessity of creation of the dedicated институциональной system of stimulation of individual and collective forms of civil activity is argued.

Keywords: democracy, social transformation, civil activity

УДК 316.74:314.145

С. С. Ветрова, канд. соц. наук

доц. кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова, к. 40,
Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, isn_sociolog@ukr.net

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Глобализационные тенденции современного мира и движение к децентрализации — разнонаправленные процессы, суммарное влияние которых выражается ранее не актуализированными факторами социальной жизни. Процессы воспроизведения населения выступают как индикаторы результативности воздействия данных факторов. Статья представляет выводы статистического анализа показателей движения населения как доказательство региональной специфики демографических процессов.

Ключевые слова: децентрализация, воспроизводство населения, регионализм, интеграция.

Региональное измерение социальной жизни, как минимум, двумерно: представлено на социетальном (или транснациональном) и социальном (субнациональном) уровнях социологического анализа. “Возрождение регионов и усиление их роли в общественной жизни на рубеже ХХ-ХХІ столетия рассматривается как доминирующая тенденция социетального уровня... как реакция на жесткую политику наиболее развитых стран, рассматривающих “малые государства” в качестве инструмента geopolitики” [1, с. 24]. На социальном уровне “новое” понимание регионализма обусловлено переструктурацией взаимоотношений территориальных образований внутри государства, децентрализационными тенденциями возросшей самостоятельности органов местного управления. В данном смысле, соглашаясь с Шаповаленко М., представим регионализм как процесс “инкрементальных изменений территориального деления общества и их законодательное закрепление на основе исторически существующих социально-экономических и этнокультурных общностей” [2, с. 17]. Семантический неологизм “регионализм”, оправдывая свое окончание, реализует некое процессуальное начало, указывает на тенденцию, интеллектуальное течение или доктрину. В отличие от “регионалистики” (свод знаний о регионах), “регионализм”, отмечают Гладкий Ю. Н. и Чистобаев А. И., есть “политика государства, идеология его вмешательства в жизнь отдельных территорий” [3, с. 26].

В условиях планово-распределительной системы экономического хозяйствования регионализм выступает как подход к решению развития районов страны с точки зрения производственных возможностей, специфики

их географического положения по отношению к центру. В Советском Союзе принцип “демократического централизма” определял вторичный, подчиненный характер жизнедеятельности населения периферии. Сегодня это движение общества к децентрализации социальной жизни, основанное на признании неравномерного развития регионов Украины, существующих в общенациональном поле равных законодательных, правовых, административных институциональных практик.

На социальном уровне регионализм представляется обратной стороной глобализации. Емким смыслом обладает определение Баранова А. В.: “Регионализм можно назвать естественным откликом человеческих сообществ на пространство” [3]. Усиливающаяся международная экономическая интеграция, кризисы национальных государств, передел geopolитического пространства, господство релятивистских ценностей, ситуативного прагматизма спровоцировали “возмущающееся действие пространства” (Ионин Л. Г.). Процессы социального и политического регионализма не ослабевают, а усиливаются. В конце XIX века существовало только 60 из иынешних примерно 200 государств, “пройдет 25-30 лет — предсказывает Коэн С. — и число государств в мире увеличится процентов на пятьдесят. Более трехсот независимых государств окажется на глобусе” [4, с. 7]. Интеграция невозможна без регионализма: невозможно полное отрицание или “отмирание” государственных структур (Маркс К.), как невозможно достижение “соборности и всечеловечности” мира.

Другими словами, интеграция возможна лишь при постоянном воспроизводстве самобытности, специфичности культур и народов, целостности и устойчивости территориально закрепленных “культурных субстанций”. В отличие от частей света и общественно-политических регионов, они характеризуются стационарностью, то есть их расположение не меняется в зависимости от местоположения и социально-политической позиции исследователя. “Святыни и ценности, составляющие устои повседневного общежития этнических сообществ, обладают статусом порядка социальной исключительности, — подчеркивает в концепции этногенеза Гумилев Л. Н., — это значит, что люди выбирают их для себя один раз и на всю жизнь. Ценности и святыни не подлежат обмену, купле или продаже, унификации или универсализации, то есть не конвертируются, не взаимозаменяются аналогичными, казалось бы элементами “демократического” порядка, то есть региональная дифференциация социума неизбежна, и попытки ее или устраниить в принципе не могут привести к успеху” [5].

Устойчивость социальной “исключительности” социокультурных региональных представлений доказывает дискредитация идеи “новой исторической общности — советского народа” или идеи “плавильного котла” (ассимиляции разных этнических образований в американский народ). Обращение к теме территориальной идентичности как совокупности религиозных, духовных, этнических черт ментальности, подчеркивающих специфичность способа реализации жизни территориальной общности, выраже-

но в идее возрождения суверенных государств (СНГ) и в идее “лоскутной одеяла” — относительной автономии штатов Северной Америки [6].

Конфликтный потенциал процесса становления территориальных интересов в исследовательской литературе ассоциируется с проявлениями гипертроированной “исключительности” по признаку этнической, религиозной, расовой принадлежности (особенно в случае территориально-административной организации по критерию компактного проживания определенных групп населения). Критические оценки подобных высказываний апеллируют к эклектическому совмещению критерии районирования, суженному методологическому истолкованию основных принципов регионализма, основанному на совместности проживания, территориальных интересах, единых нормативных практиках и ценностных приоритетах.

Позитивные оценки специфики территориальной идентичности связаны с отнесением данного к интегративным практикам социума. Консолидирующий потенциал так называемой “исключительности” социально-территориальных общностей противостоит социальной унификации мира выступает в качестве “атома единения” поликультурного социума. Процесс “дробления” политической карты мира, усиления социально-региональной стратификации обусловлен комплексом взаимообусловленных причин и факторов, основание которых одно — усиление факторов конфликтности (явной, скрытой, потенциальной) социальных общностей. В качестве таковых могут, по мнению исследователей, выступать следующие: движение этносов к самоопределению; следование принципам тождественности государственных и этнических границ; экономическая борьба за землю и природные ресурсы; экологические трагедии; негативная демографическая ситуация в отдельных районах страны; ассимиляционные процессы; старение населения и чувство страха перед депопуляцией, оказывающие воздействие на психический склад, материальную и духовную культуру социальных образований людей [7].

Социальная регионализация: место Украины на демографической карте мира

Демографический потенциал Украины 2000 (2004) года составляет 6,73% (6,17%) европейского и 0,81% (0,73%) общемирового демографического потенциала; в ранжированном ряду стран мира по численности населения страна на 24 позиции. К 2025 году жители Украины будут составлять 5,79% европейского населения и 0,49% населения планеты. Через 45 (к 2050 году) лет, при условии сохранения существующего режима воспроизводства населения, численность украинского народа составит уже 4,9% населения Европы и 0,32% населения мира. Сравнивая структуры размещения населения на описываемые даты, отметим следующие тенденции:

– Азия сохранит свое преимущественное положение: ее доля в численности населения мира постепенно снижается, тем не менее, составляя порядка 60%;

- при сохранении современного темпа воспроизведения населения, Африканский регион значимо укрепит свои позиции в демографической структуре планеты — от 13,1% до 21,46%;
- доля стран Латинской Америки, Океании и Северной Америки существенно не изменится: разница долевого участия не превысит 3%.
- Европа утратит почти половину своей демографической “убедительности”: ее доля в структуре населения мира будет составлять 6,47% против 12,01%;
- Украина на фоне структурных общеевропейских тенденций выглядит менее плачевно. Ее долевой внос, как было отмечено выше, сократится к 2025 году менее чем на один процент, а к 2050 — менее чем на 2%. В населении мира аналогичные потери составят 0,31% и 0,49%. Однако в абсолютном выражении прогнозы численности населения страны менее оптимистичны. Согласно ООН, Украина через 20 лет будет “располагать” менее 40 миллионами граждан, а через 50 лет — менее 30 миллионами человек (убыль составит 61,23%).

Величина и динамика естественного прироста зависит от особенностей возрастной структуры и ее изменений. Причем указанная зависимость “как бы удваивается одновременным влиянием возрастной структуры на уровня рождаемости и смертности в противоположных направлениях” [8]. По числу населения возраста 60 лет и старше Украина занимает 11 место в мире после демографически “наи старейших” стран — Италии, Греции, Германии, Японии, Швеции и др. Для сравнения отметим, что РФ занимает в данном ряду 27 место [9]. В целом, ситуация сопоставима с общеевропейской, где рост демографической нагрузки составит 1,64 раза (от 466 человек в 2000 году до 766 человек в 2050 году). Вывод подтверждается прогнозом Института экономики НАНУ: доля когорты трудоспособных граждан будет (до 2025 года) оставаться приблизительно на стабильном уровне — 55-60%. Если перенести эту цифру на прогноз ООН, то получаем 21,6 млн. человек трудоспособного возраста (в 1999 году — 28,2 млн. чел.).

Следует отметить, что процесс постарения населения развивается в нашей стране довольно давно. Переломным для естественного движения населения был 1979 год. Именно тогда началась депопуляция в сельской местности. Следующие двадцать лет интенсивных сельско-городских миграций “обеспечили” вовлечение городского населения в этот процесс. Таким образом, возрастная структура населения Украины является регрессивной, а процессы постарения населения обнаруживают закономерности нарастания. Это значит, что Украине потребуется существенное усиление социальной (профессиональной, трудовой, политической и т. д.) активности лиц 15-65 лет. Следует ожидать повышение социальной активности со стороны лиц пенсионного возраста: средний возраст смерти мужского населения не превышает граница трудоспособности.

Отмеченные тенденции носят прогнозный характер и базируются на предположении о стабилизации существующего режима воспроизводства

населения анализируемых стран, в том числе Украины на уровне 2000 года. Отследим динамику показателей естественного и миграционного движения населения Украины в разрезе десятилетий и попытаемся спрогнозировать их развитие до 2025 года.

Воспроизведение населения определяется характером естественного и миграционного движения населения. Динамический ряд распределений коэффициентов естественного прироста (убыли) населения Украины (1940-2004 гг.), и его аппроксимирующая кривая свидетельствуют о четкой тенденции нарастающего ступенчатого падения с отдельными периодами стабилизации и роста. В 1991 году кривая “преодолела” нулевой рубеж, то есть естественный прирост трансформировался в естественную убыль. Прогнозные построения по методу полиномиальной аппроксимации (с коэффициентом достоверности 0,958), демонстрируют закономерности сохранения данного положения на период до 2025 года.

В исследовательской практике имеет место иное мнение. В меньшем временном масштабе (за 14 лет 1990-2004 гг.) динамические ряды коэффициентов естественного и миграционного прироста (убыли) свидетельствуют об обратных тенденциях. График распределения в прогнозе на 25 лет принимает вид нарастающей кривой. С достоверностью аппроксимации 0,979 доказывается, что к 2013-2014 гг. произойдет трансформация естественной убыли в естественный прирост. Графики распределений общих коэффициентов рождаемости и смертности населения, построенные на данных того же временного периода (1990-2004 гг.), подтверждают этот вывод. Аппроксимирующие кривые пересекаются в точке 2005-2006 гг. Затем, в 2005-2006 гг. миграционная убыль переходит в миграционный прирост (начиная с 2001 года — устойчивое снижение убыли от (-3,18) промилле до (-0,18) промилле).

Подобное несовпадение прогнозов логично. Исследуемый период демонстрирует недолговременный этап относительной стабилизации воспроизведения населения вследствие имевшего место увеличения естественного прироста 1985-1987 гг. (от 2,9% до 4,4%). Учитывая инерционный характер развития воспроизведения населения, данная ситуация недолговременна и, вероятно, продолжится по “сценарию”, развивающемуся в населении на протяжении более чем полувековой истории.

В доказательство рассмотрим интегральные показатели воспроизведения населения. Коэффициент суммарной рождаемости (2003 год) женщин Украины составляет в городской местности от 1,01 до 0,97, причем уже более 14 лет отмечается его снижение. В 2003 году потенциально, вне влияния возрастной структуры населения, женщины на 45% менее плодовиты, чем в 1990 году (1,848). В сельской местности картина более удручающая: здесь соотношение составляет 2,15:1. В то же время отмечается возрастание доли суммарной рождаемости в городской местности по отношению к сельской. В 1990-1998 гг. данная величина снизилась от 72% до 62%. Однако в 1999-2004 гг. ситуация изменилась: наблюдался рост от 64% к 89%. “Рост” происходил не за счет повышения рождаемости в городской местности, а

за счет ее падения в сельской местности и постепенного “выравнивания” уровней рождаемости населения.

Беспрецедентно низкий уровень рождаемости населения Украины, не наблюдавшийся ни в одной стране мира (ближе всего по этому показателю к Украине только три страны — Чехия, Болгария и Гонконг), означает фактически нулевую степень удовлетворения потребности населения в детях, которая сама по себе (потребность) более чем два десятилетия существует на уровне 1-2 детей. Уровень рождаемости населения определяется целым комплексом факторов (каких — в науке нет однозначных суждений).

Мнение, широко распространенное в общественном сознании, отождествляет снижение рождаемости исключительно с трудностями материального обеспечения населения. В то же время результаты социально-демографических исследований свидетельствуют о том, что уровень благосостояния семьи прямо не воздействует на желаемое число детей в семьях и его повышение не гарантирует повышения рождаемости населения. Как доказывает оценка эффективности государственных дотаций по материнству и детству, проведенная канадской исследовательницей О. Экерт на основании экономико-статистических расчетов, если бы семьи вообще избавили от затрат на рождение и воспитание детей, рождаемость могла бы повыситься только на 5 детей на 10 женщин [8, с. 16]. В таком случае суммарный коэффициент рождаемости мог бы в нашей стране измениться с 1,1 до 1,6, что также не обеспечивает уровня простого воспроизведения населения страны (когда количество рождающихся граждан покрывает собой количество умерших). Таким образом, проблема повышения рождаемости населения не может быть ограничена финансово-материальными дотациями государства социального института материнства и детства.

Другая сторона проблемы связана с недоумением определенной части населения по поводу причин негативных оценок депопуляции. Зачем дискутировать в связи со снижающейся численностью населения страны, когда даже живущим сегодня не обеспечивается гарантированный Конституцией Украины “ прожиточный минимум”, а тенденции естественного движения населения внешне сопоставимы с общеевропейскими? Обратимся к содержательным последствиям настоящего этапа развития депопуляционных процессов в Украине.

В развитых странах уменьшение численности населения сопровождается улучшением качественных характеристик жизни, увеличением продолжительности жизни и снижением уровня заболеваемости. Продолжительность жизни среднестатистического европейца на 12 лет больше, чем украинца (62,2), и на 7,3 года, чем украинки (73,6). Среди стран Европы меньше, чем в Украине, живут люди только в России (66,1), Молдове (66,6) и Румынии (69,8). В целом по продолжительности жизни Украина на 120 месте среди 198 стран, то есть на уровне таких стран как Таджикистан, Турция, Иордан, Алжир, Перу, Гондурас.

Кроме того, отмечается ежегодное нарастание разницы средней продолжительности жизни женщин и мужчин. Если в 1989 году женщины в сред-

нем жили на 9,98 лет больше, то в 2000 году — на 11,11 лет, а в 2004 году — на 11,41 лет больше, чем мужчины. Показательно, что, несмотря на это, общая численность мужского и женского населения стала более сбалансированной. Так, если в период 1991-2001 годов численность женщин на 1000 лиц мужского пола ежегодно снижалась — от 1160 до 1153 человек, то в период 2001-2004 годов данный показатель увеличился и составил 1163 человека. В абсолютном выражении сегодня в Украине женщин на 3 588 500 человек больше, чем мужчин (в 1991 году — 3 842 700).

Динамика заболеваемости населения Украины также существенно отличается от общемировых тенденций. В структуре причин смертности населения нашей страны “уверенно лидируют” болезни систем кровообращения (58%), онкологические заболевания (13%), несчастные случаи и травмы (10%), самоубийства, психические расстройства вследствие алкоголизма (в 3-5 раз выше, чем в развитых странах). У нас почти в два раза выше заболеваемость туберкулезом. Согласно выводам ПРООН, “сьогодні (2003 р.) в Україні туберкульоз є головною причиною смертності від інфекційних захворювань, яка складає 70–90% смертей серед чоловіків, та 40–70 % — серед жінок” [10, с. 35].

Заболеваемость венерическими болезнями в 2,5 раза превышает среднеевропейский уровень, более чем в 10 раз больше случаев заболеваемости СПИД. Как свидетельствует прогноз до 2016 года, выполненный Отделом демографии и воспроизводства трудовых ресурсов Института Экономики НАН Украины, вследствие эпидемии СПИД наша страна потеряет 0,9-2,1 миллиона человек [9, с. 38]. Подобных выводов придерживаются и специалисты ООН. “По оценкам международных и отечественных экспертов, в Украине проживает приблизительно 400 тысяч человек, больных ВИЧ/СПИД, — отмечается в ежегодном докладе ПРООН “Звіт з людського розвитку” за 2003 год, — тогда как официально зарегистрировано 48 тысяч человек” [10, с. 44].

Суммируя изложенные факты, свидетельствующие о неблаговидном положении Украины в системе воспроизводства населения мира, проследим динамику показателей жизненности населения за период 1990-2004 гг. Обнаруживается варьирование коэффициента жизненности населения Украины от 104 в 1990 году до 50 в 2001 году и к концу 2004 года. Констатируем: на протяжении десятилетий количество рождающихся вполовину меньше, чем число ежегодно умирающих граждан. Это подтверждает вывод о том, что население Украины переживает состояние, которое правомерно определять как демографический кризис.

Распределение показателей воспроизводства населения более показательно в региональной перспективе в связи с определенной неоднородностью геополитического положения регионов страны и специфики их социального развития.

Социальная регионализация: специфика воспроизведения населения

За межпереписной период (1989–2001 гг.) наличное население Донецкой области сократилось на 491,3 тысячи человек. Днепропетровская, Луганская и Харьковская области сократились в численности населения на 313,6 тыс., 316,5 тыс. и 280,8 тыс. человек соответственно. В то же время возросла абсолютная численность населения западных областей Украины. Численность населения Ровенской и Закарпатской областей увеличилась на 3,6 тысячи человек и 6 тысяч человек соответственно. Остальные административные районы сократились в численности в различных масштабах — от 10 до 200 тыс. человек. Составим схему анализа состояния воспроизведения населения в региональном разрезе и попытаемся типологизировать области страны по специфике развития его подпроцессов (естественного и миграционного движения населения). Анализ данных государственного статистического комитета Украины об источниках формирования населения страны в региональном разрезе за период 1994–2004 гг. осуществлен в 3 этапа.

На первом этапе¹ отобраны статистические данные за период 1990–2004 гг. и произведен расчет относительных показателей естественного и миграционного движения — коэффициентов прироста (убыли) — общей, естественной и миграционной. Определены доли (%) каждого из видов движения населения как источников формирования населения в целом. Распределив полученные данные по убыванию доли естественного прироста и возрастанию миграционного в общем приросте (убыли) населения, получили возможность выделения трех регионов, относительно однородных по источникам формирования населения.

К первому региону — “региону наименьшего влияния естественной убыли на формирование населения” отнесены административные области Украины, миграционная убыль которых составляет свыше 75% общей убыли населения. В порядке возрастания — Запорожская (75,19%), Днепропетровская (75,35%), Херсонская (80,31%), АР Крым (82,27%), Ровенская (83,07%), Львовская (87,65%), Ивано-Франковская (90,6%) и Закарпатская области (97,7%). Особое положение здесь занимают Закарпатская и Ивано-Франковская области: ежегодный миграционный отток населения настолько существенен, что практически неощутимо позитивное (на фоне общенациональных показателей) соотношение процессов рождаемости и смертности населения (отмечается естественный прирост населения).

Второй регион — “регион фактически равномерного влияния естественного и миграционного движения населения” (в диапазоне 35–45% — доля естественной убыли и 65–55% доля миграционной убыли). В порядке увеличения доли миграционной убыли составляющие его области расположились следующим образом: Винницкая (56,68%), Черниговская (57,35%), Черновицкая (59,16%), Луганская (62,07%), Черкасская (64,51%), Житомирская (66,05%), Николаевская (64,66%) области.

Третий — “регион преимущественно естественной убыли” представлен Донецкой (37,59%), Сумской (49,78%), Полтавской (49,57%), Одесской (44,92%), Тернопольской (44,2%), Хмельницкой (43,29%) областями. Так же данная совокупность включает две области, в которых в 2001 году отмечен миграционный прирост населения, позволивший компенсировать естественную убыль и, в результате, достичь общего прироста численности населения региона — Волынская область (миграционный прирост — 6,6%, что в общем приросте населения составило 67,92%) и Киевская область (соответственно — 12,3% и 56,9%).

На втором этапе нами реализована перегруппировка полученных регионов с привлечением интегрального показателя воспроизводства населения. Распределение областей страны по величине среднегодового нетто-коэффициента воспроизводства населения за период 1990-2003 гг. позволило допустить наличие “компактных зон” их размещения или регионов по следующей схеме.

В первый регион, условно названный “восточный”, объединены административные области, расположенные на востоке и юго-востоке Украины, нетто-коэффициент воспроизводства которых составляет порядка 50 детей на 100 женщин репродуктивного возраста. Это — Донецкая (46,7), Луганская (46,9), Харьковская (48), Запорожская (50,1), Днепропетровская (50,4) области и Автономная Республика Крым (50,4).

Второй регион, названный “центральный”, представлен областями, расположенными в центральной части Украины. Нетто-коэффициент воспроизводства населения от 50 до 70 детей на 100 женщин репродуктивного возраста отмечен в Сумской (55,4), Полтавской (56,3), Николаевской (58,3), Кировоградской (60,6), Черкасской (61,6), Винницкой (67,1), Черниговской (56,2), Одесской (57,1), Киевской (58) и Херсонской (61) областях.

Третий регион — “западный”, составили административные области, нетто-коэффициент воспроизводства в которых превышает 70 детей на 100 женщин. Сюда вошли области, географически расположенные на западе Украины: Львовская (69,1); Хмельницкая (69,5); Житомирская (71,5), Черновицкая (72,2), Тернопольская (73,6), Закарпатская (74,8), Ивано-Франковская (75,2), Волынская (79,4) и Ровенская (86,1) области.

Третий этап в схеме классификации областей страны по специфике воспроизводства населения заключался в обобщении показателей движения населения и региональных индексов человеческого развития. Региональный индекс человеческого развития (РИЧР) — интегральный показатель, который рассчитывается на основании 5 стандартизованных показателей социального развития региона (демографическая ситуация, занятость и безработица, материальное благополучие, условия жизни, здравоохранение) и используется в международной практике в сравнительных исследованиях для оценки уровня развития территорий. Прежде, избрав в качестве типологизирующих факторов влияние естественного или миграционного движения населения на сокращение или рост абсолютной убыли насе-

ления определенной области, составили матрицу источников формирования населения за период 1990–2003 гг.

В результате, сформированные на первых этапах анализа регионы были пересмотрены (с учетом динамики общего прироста (убыли) численности населения). Первый из них объединяет области Украины, занимающие приграничное положение со странами Восточной Европы (Румыния, Польша) и СНГ (Беларусь): Карпаты (Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская, Черновицкая области); Западное Полесье (Ровенская, Волынская области).

Общая убыль населения, размещенного на данной территории, увеличивается за счет ежегодно прогрессирующей миграционной убыли. Трансформация geopolитического пространства Украины в связи с общеевропейской интеграцией вызывает интенсивное развитие приграничного сотрудничества, активизирует международную миграцию. Возможно, формирование хозяйствственно-экономических еврорегионов, “прозрачность границ”, с одной стороны, и невостребованность потенциалов населения данных областей, отличающегося более высокими показателями рождаемости (чем в среднем по стране), с другой стороны, определяет его эмиграционную подвижность. Характерно, что по уровню человеческого развития данный регион вполне успешен. В период 1999–2002 гг. (по состоянию на конец 2004 года ПРООН не были опубликованы новые данные) в Львовской, Волынской, Ивано-Франковской, Ровенской областях индекс уменьшился. Остальные области данного региона — Закарпатская и Черновицкая — напротив, оцениваются экспертами ООН как регионы возрастающего индекса человеческого развития. К 2001 году Карпаты и Западное Полесье составили (в структуре областей Украины) регион высокого человеческого развития. Среднегодовые региональные индексы — в диапазоне [0,51;0,54] — от 0,511 (Волынская) до 0,542 (Закарпатская).

Второй регион на карте Украины сосредоточен в центральной, восточной (частично) и южной (частично) частях страны: Левобережное Приднепровье (Полтавская, Сумская области); Промышленное приднепровье (Днепропетровская, Запорожская, Кировоградская области); Подolia (Винницкая, Хмельницкая области); Николаевская область; Черкасская область; АР Крым. Численность населения здесь ежегодно снижается в основном за счет прогрессирующей естественной убыли населения и сохранения высокого уровня эмиграционной активности населения. Данное положение характерно для Украины в целом, где, как было отмечено выше, естественная убыль в два раза превосходит миграционную убыль населения. По индексу регионального человеческого развития названные области также различаются несущественно. Несмотря на то, что все области (кроме Автономной Республики Крым), составившие данный регион, в течение 1999–2001 гг. “потеряли” в уровне человеческого развития, их среднегодовые региональные индексы отмечены первыми в рейтинге регионов Украины. Так, АР Крым, Полтавская, Винницкая, Хмельницкая, Черкасская области отмечены как области с РИЧР в диапазоне [0,6; 0,55]. Запорожье, Кировоград, Сумы, Днепропетровск, Николаев — в диапазоне [0,5; 0,45].

Третья группа областей, выделенная как регион, располагается на юге Украины, в центральной части — вокруг крупных столичных городских агломераций, и на востоке, в приграничной зоне с Россией: Киевское Приднепровье (Киевская, Черниговская, Житомирская области); Донбасс (Донецкая, Луганская области); Причерноморье (Одесская, Херсонская области); Харьковская область; Тернопольская область. Направленность воспроизводства населения здесь существенно отличается от первой и второй групп. Общая убыль жителей данного региона сокращается, причем сокращается за счет снижения темпов миграционного выбытия населения (постепенной стабилизации населения). Подчеркнем, что в 4 административно-территориальных единицах, входящих в данный регион, в 2003 году наблюдался миграционный прирост населения: в Киеве (8,4%), Севастополе (5,0%), в Харьковской (1,4%) и Киевской (0,8%) областях. Показательно, что области третьего региона существенного отличаются по среднегодовым индексам человеческого развития: от 0,55-0,54 для Тернопольской, Киевской, Харьковской, Черниговской областей до 0,45-0,43 для Донецкой и Луганской областей. Житомир, Херсон и Одесса занимают “срединное положение”, отмечая РИЧР в диапазоне 0,5-0,49. Характерно, что в отличие от первой выделенной нами группы, территории данного региона обладают собственными более высокими возможностями и внутренними интегральными потенциалами развития. Возможно, это один из факторов сдерживания населения, способствующий его относительной стабилизации.

Изложенные представления о природе и сущности регионализации и уровнях развития данного процесса позволяют заключить следующее.

Культурная типизация и унификация мира и процессы его регионализации существуют во взаимной обусловленности. Региональная дифференциация неизбежна. Она обусловлена тем, что совместность человеческих обществ немыслима вне социальной исключительности. Особенности этнической, религиозной, профессиональной, территориальной идентичности проявляются в языке, характере хозяйствования, формах искусства, техники, а также формах и нормах повседневной организации труда, быта, отдыха. Региональная воспроизводственная система определяется как жизнеспособное социальное образование только в случае сохранения собственного единства, целостности и способности устойчивого воспроизводства всей совокупности социальных отношений. Воспроизводство жизненных сил и реализация стратегий жизни обществ, обеспечение их оптимального взаимодействия обусловлено территориально закрепленными условиями жизненной среды, традиционно воспроизводящимися в локально закрепленном пространстве социокультурными нормами и образами социальности. Основным признаком развитости региональной социальной системы является локально-территориальная идентичность как интегральный показатель позитивных мотиваций сохранения собственных ценностных представлений в соотнесении с общенациональными нормами и правилами.

В совокупности территориально-административных областей Украины в определенной степени оправдано выделение трех регионов, обладающих

спецификой воспроизводства населения. Дифференциация регионов по основным источникам формирования населения и основным показателям воспроизводства населения в целом соотносится с распределением регионов по интегральным рейтинговым показателям человеческого развития. Кроме того, описанные группы обладают исторически-объективной обусловленной разностью географических, geopolитических и социокультурных условий. Региональная специфика воспроизводства населения есть, одновременно, и основание, и следствие региональной специфики воспроизводства жизни. Особенности реализации жизненных стратегий, отмечаемые в территориальных границах данных социальных образований, определяют меру деятельностных, адаптационных, а также интегративных потенциалов территориальных общностей, характер общенациональной сплоченности украинского народа, его жизненных сил в целом.

Примечание

¹ Подробнее о построении матрицы районирования административных областей Украины по характеру формирования населения — см. Ветрова С. С. Интенсификация реализации жизненного потенциала населения как возможная детерминанта мирового интеграционного процесса // Вісник Академії праці та соціальних відносин профспілок України — 2004. — № 1 (25). — С. 320-327.

Литература

1. Победа Н. А. Мультикультуральное общество и региональные стратегии конструктивного плюрализма // Вісник Одеського національного університету // Матеріали міжнародної науково-практичної конференції “Соціальна політика і механізми інтеграції українського суспільства”. — Одеса: ОНУ, 2003. — С. 13-31.
2. Шаповаленко М. Проблеми регіоналізації у процесі становлення консолідований демократії в Україні // Розвиток України в регіональній перспективі: політичні, економічні, соціальні проблеми регіоналізації: конференція українських випускників програм наукового стажування у США, Харків, 25-27 травня 2001 р. — К.: Стилос, 2002. — С. 17-28.
3. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: Учебник. — М.: Гардарики, 2002. — 384 с.
4. Мадисон В. В., Шахов В. А. Сучасна українська геополітика: Навч. посібник. — К.: Либідь, 2003. — 176 с.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — Л., 1990. — 419 с.
6. Горленко И. А., Руденко Л. Г., Лебедь Н. Н. Украина: трансформация пространства // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / Под общ. ред. Т. И. Заславской. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 421-436.
7. Бурак П. Региональные проблемы социального развития в условиях формирования рынка // Российский экономический журнал. — 1996. — № 4. — С. 18-24.
8. Рыбаковский Л. Л. Депопуляция — угроза выживанию // Почему вымирают русские? / Под общ. ред. И. В. Бестужева-Лады — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — С. 14-35.
9. Steshenko V., Irkina T. Some aspects of the Situation in Ukraine: Reproductive Health and Family Planning. — Kiev, United Nations Office in Ukraine, 1999. — 31 р.
10. Україна. Людський розвиток: Звіт. — К.: ПРООН, 2003 — 126 с.

С. С. Ветрова

кафедра соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету імені І. І. Мечникова, к. 40, Французький бул. 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

ВІДТВОРЕННЯ НАСЕЛЕННЯ УКРАЇНИ: РЕГІОНАЛЬНИЙ ВИМІР

Резюме

Глобалізаційні тенденції сучасного світу і рух до децентралізації — різноспрямовані процеси, сумарний вплив яких виражається факторами соціального життя, які раніше були не актуалізованими. Процеси відтворення населення виступають індикаторами результативності впливу цих факторів. Стаття представляє висновки статистичного аналізу показників руху населення як доказ регіональної специфіки демографічних процесів.

Ключові слова: децентралізація, відтворення населення, регіонализм, інтеграція

S. S. Vetrova

Sociology Department of Social Sciences Institute of Odessa Mechnikov National University, r. 40, 24/26 Frantsuzky boulevard, 65058, Odessa-58, Ukraine.

REPRODUCTION OF POPULATION OF UKRAINE: REGIONAL MEASURING

Summary

The globalization's tendencies of modern world and achievement to decentralization are the processes of different courses, the total influencing of which is not articulated by the actual factors of social life. The processes reproduction's population come advance as indicators of effectiveness of result of these factors. The article represents the results of statistical analysis of indexes of motion of population as proof of clear regional specific of demographics processes.

Keywords: the decentralization, the reproduction of population, the regionalism, the integration

УДК 316.74:33.008.8(045)

Н. Т. Гизатова, аспирантка

кафедры социологии Института социальных наук
Одесского национального университета им. И. И. Мечникова
к. 40, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
8-0482-68-60-92, e-mail: Gyzatova@ukr.net

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ К ЕГО ИССЛЕДОВАНИЮ (ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ)

В данной статье рассматривается проблема интерпретации понятия “социальное партнерство”, которое активно используется в отечественной научной литературе и содержит разные смысловые значения. На основании критериев “объект” и “субъект” социального партнерства автор выделяет интерпретации данного понятия в широком и узком смысле слова (социальное партнерство и трипартизм). Рассматриваются исследовательские подходы к изучению партнерских отношений с точки зрения соотношения социального партнерства и трипартизма.

Ключевые слова: социальное партнерство, трипартизм

Изучение социального партнерства в Украине стало весьма популярным в начале 90-х годов XX в., что в значительной мере обусловлено кардинальными изменениями общественной системы в целом, а также появлением новых социально-экономических и политических реалий, связанных с ориентацией на развитие демократии в Украине и переходом к рыночным отношениям. Одним из следствий произошедших изменений явилось возникновение отечественного “мира капитала”. Таким образом, ученых появилась возможность рассматривать складывающийся собственный опыт отношений между “ миром труда” и “ миром капитала” под различным углом зрения и в разных областях знания (социальное партнерство исследуют такие науки, как социология, политология, экономика, правоведение, философия и др.), в перспективе рассчитывая на их взаимодействие по образцу развитых стран или стран “первого” мира, накопивших значительный опыт успешного функционирования социально-партнерских отношений в обществе [см. напр. 1; 2; 3].

Следует отметить, что спустя более чем десятилетие, прошедшее с момента актуализации исследования *партнерских отношений в украинском обществе*, основной проблемой в изучении социального партнерства является отсутствие комплексных и систематизированных знаний по данной проблеме, так как имеющиеся сведения достаточно разобщены и представлены в основном исследованиями отдельных компонентов социального партнерства — его организационной структуры, коллективно-договорной практики, законодательства и нормативно-правовых актов о социальном парт-

нерстве, роли органов государственной власти, состояния субъектов социального партнерства и т. д. Во-вторых, в отношении практики приходится констатировать тот факт, что в Украине в настоящий момент "...по имеющейся информации, успешных примеров социального партнерства на уровне города или области крайне мало" [4, с. 354].

Проблемы теории партнерских отношений в украинском обществе, в первую очередь, связаны с неоднозначным отношением к понятию "социальное партнерство", когда не учитывается исторически сложившаяся многозначность и разные смысловые значения данного термина. Например, наряду с понятием социальное партнерство употребляются понятия "договорные трудовые отношения", "социальный институт найма", "трипартизм", "бипартизм", "социальный диалог" и т. д., зачастую при этом речь идет об одних и тех же явлениях и процессах. Такая нестрогость и произвольность употребления понятия "социальное партнерство" порождает проблему теоретического обоснования и определения социального партнерства как категории, применяемой для научного исследования и анализа.

Для того чтобы наглядно проиллюстрировать обозначенную проблему, обратимся к одному из определений социального партнерства, которое приведено в словаре-справочнике [5, с. 192-194]. Авторы отмечают, что социальное партнерство — это, во-первых, специфический *тип общественных отношений*, присущих цивилизованному обществу рыночной экономики; во-вторых, оно выступает как *метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов* и содержит в себе механизм достижения социальной стабильности общества; в-третьих, социальное партнерство — это *идеология цивилизованного общества рыночной экономики*. Приведем еще несколько толкований социального партнерства, например, в проекте Закона Украины "О социальном партнерстве" (на данном этапе это законопроект, не вступивший в силу) оно трактуется как "система отношений между работниками, работодателями и исполнительной властью, которые являются сторонами социального партнерства в процессе реализации их социально-экономических прав и интересов" [6]. Имеется также определение социального партнерства как "*социальной технологии*, воплощение в жизнь которой создаст крепкие основания гражданского общества и стабильного общественного развития" [7]. Социальное партнерство определяется и как "*социальное действие*, основанное на чувстве человеческой солидарности и ответственности за проблему" [4, с. 355] и др.

Всю многозначность современного использования понятия "социальное партнерство", однако, можно свести к двум его пониманиям, условно обозначив первое как широкое понимание, а второе — как трактовку социального партнерства в узком смысле слова. При этом в том и другом случае используются различные критерии, лежащие в основе фиксируемых характеристик социального партнерства. Последние разграничиваются, во-первых, по сфере действия (или по объекту), во-вторых, по субъектам (кто участвует в партнерских отношениях). В результате получаем следующую

классификацию признаков, фиксируемых в определении социального партнерства.

I. По объекту:

1. в широком смысле — различные общественные отношения;

2. в узком смысле — социально-трудовые отношения;

II. по субъекту:

1. в широком смысле — любые государственные структуры, коммерческие предприятия и некоммерческие организации (условно обозначаемые как первый, второй и третий сектор);

2. в узком смысле — организации наемных работников (профсоюзы), организации работодателей, органы государственной власти.

В первом случае социальное партнерство понимается в широком смысле как принцип отношений между различными субъектами и компонентами социальной структуры. Партнерские отношения выступают основой общественного договора и рассматриваются как вид общественных отношений, имеющий свои специфические особенности. В широком смысле социальное партнерство предстает как *идеология*, основанная на принципе согласования противоречивых интересов различных социальных групп, слоев, классов, которая может использоваться в любой сфере жизнедеятельности общества — политической, экономической, культурной и др.

Примером данного подхода к трактовке социального партнерства может служить работа украинских авторов Н. В. Балабановой, В. И. Жукова и В. Е. Пилипенко “Социальный диалог. Социальное партнерство. Социальное государство” [8]. Согласно мнению авторов, социальное партнерство в широком смысле становится возможным на основе социального диалога между различными субъектами диалоговых отношений, в качестве которых выступают социальные группы, элитные группы, политические партии, органы государственной власти, гражданские объединения и движения. Механизм социального партнерства, выступая в форме социального диалога, используется как при выработке социальной политики государства, так и при формировании социального государства.

В узком смысле социальное партнерство рассматривается применительно к социально-трудовой сфере и известно в мировой практике как социальный институт “трипартизма”. Другими словами, социальное партнерство предстает как определенный *тип* социально-трудовых отношений, как договорные отношения между наемными работниками, работодателями и властными структурами.

Следующий важный вопрос теоретического характера, который логически вытекает из вышеприведенного понимания социального партнерства в широком и в узком смысле слова — это вопрос о соотношении данных определений социального партнерства. Во избежание путаницы и необходимости постоянного уточнения и разъяснения сущности разных смысловых трактовок социального партнерства в дальнейшем для обозначения последнего в его широком понимании будем использовать термин “социальное партнерство”. Систему социального партнерства в сфере социаль-

трудовых отношений обозначим как “трипартизм” и подчеркнем, что введенные обозначения являются весьма условными.

Итак, что же представляет собой соотношение “социального партнерства” и “трипартизма”? Какие возможности и/или ограничения для исследователя представляет обращение к тому или иному понятию? Нам представляется необходимым обратить внимание на возможность существования нескольких подходов к вышеобозначенной проблеме соотношения социального партнерства и трипартизма. Кратко охарактеризуем их, акцентируя внимание на преимуществах и недостатках каждого из них.

Первый подход основывается на признании возможности отдельного изучения социального партнерства и трипартизма, и, следовательно, выделение их в качестве самостоятельных и независимых друг от друга областей научного исследования и анализа. В данном случае мы можем представить соотношение понятий социальное партнерство и трипартизм, применив для наглядности способ изображения соотношения объемов понятий, который используется в логике. Этот подход представлен на рисунке 1.

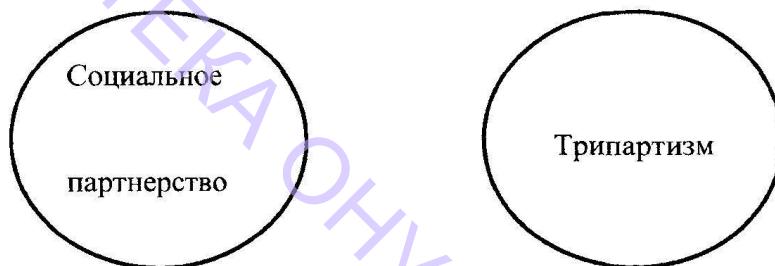

Рис. 1. Соотношение понятий “социальное партнерство” и “трипартизм”

Достоинство этого подхода заключается, на наш взгляд, в возможности полного и всестороннего описания таких параметров исследования, как, например, правовой механизм функционирования как социального партнерства, так и трипартизма, их законодательное обеспечение. Возможно также изучение организационной структуры субъектов партнерства и трипартизма, проведение сравнительного анализа выделенных параметров между странами, внутри страны по регионам, областям и т. д. Однако данный подход не учитывает влияние социального партнерства на трипартизм в современных обществах, основанных на разделении труда. Не учитывается также влияние стихийных факторов социальной жизни, а не только регулирующих воздействий социальной системы, которые в значительной степени изменяют как социальное партнерство, так и трипартизм.

Второй подход во многом противоположный первому, так как в отличие от него он основан на признании полной включенности трипартизма как понятия, имеющего более узкое значение, в социальное партнерство. Вследствие этого признается и невозможность самостоятельного и отдельного исследования трипартизма вне исследования социального партнерства в обществе. Соотношение между двумя вышеуказанными понятиями в данном случае может быть представлено как (со-)отношение общего и частно-

го, где общим является социальное партнерство, а трипартизм рассматривается как его “частный случай” (см. рис. 2).

Рис. 2. Соотношение понятий “социальное партнерство” и “трипартизм”

В отличие от первого, данный подход в большей степени учитывает принцип общественного разделения труда, который определенным образом структурирует общество и воздействует на него. В рамках второго подхода возможно также рассмотрение других проявлений социального партнерства, например, “бипартизм” (как взаимодействие между наемными работниками и работодателями), и эти проявления партнерских отношений могут рассматриваться не только в трудовой сфере.

Третий подход — это своего рода компромиссный вариант между первым и вторым подходами. Кратко его можно охарактеризовать как признание того факта, что социальное партнерство и трипартизм, с одной стороны, взаимосвязанные явления, т. е. содержат определенные общие черты и свойства. Но с другой стороны каждое из них (и социальное партнерство, и трипартизм) имеет свои особенные черты, не сводимые/не включенные друг в друга (т. е. обладают своей собственной спецификой). Аналогично первым двум подходам мы можем наглядно представить соотношение социального партнерства и трипартизма в данной ситуации (см. рис. 3).

Рис. 3. Соотношение понятий “социальное партнерство” и “трипартизм”

Данный подход, во-первых, предполагает признание влияния не только отношений социального партнерства на трипартизм и наоборот, но и позволяет учитывать воздействие других факторов и связей, которые выхо-

дят за пределы взаимодействия того и другого. Это, в свою очередь, существенным образом расширяет возможности исследования.

Во-вторых, за счет признания влияния множества разнообразных факторов на социальное партнерство и трипартизм данный подход делает возможным постановку и решение широкого круга исследовательских задач. Такой задачей, в частности, может быть следующая: какие факторы (или условия) и в какой мере, кроме успешно функционирующей системы трипартизма, способствуют формированию идеологии социального партнерства в обществе? Возможно фактор гражданского общества, наряду с трипартизмом, определяет этот процесс. Или следующая задача: становление трипартизма в области социально-трудовых отношений способствует совершенствованию общественного устройства на принципах партнерства, но и другие факторы способствуют этому в гораздо большей степени (например, неформальные и неправовые практики в сфере трудовых отношений также могут устанавливать партнерские отношения)?

Каждый из вышеобозначенных подходов имеет право на существование. Использовать ли понятие “социальное партнерство” или понятие “трипартизм”, а может быть обратиться к обоим понятиям одновременно — это, в первую очередь, зависит от целей и задач каждого конкретного исследования. Однако учет его различных смысловых значений является необходимым условием соблюдения такого важнейшего требования, как строгость использования научных терминов и понятий. В ситуации, когда рассматривается соотношение партнерства (как общественной идеологии или идеологии общества) и трипартизма (как системы в сфере труда), важным, на наш взгляд, является тот тезис, что современные общества основаны на общественном разделении труда. Это свидетельствует о непосредственной взаимосвязи и взаимообусловленности партнерства и трипартизма. Использование понятий “социальное партнерство” и “трипартизм” зависит также от того, как понимается “труд” и его роль в современном обществе. Так, современный американский социолог Лестер Туру считает, что на современном этапе развития общества речь идет об информационном обществе, основанном на знании и информации [9], а не на разделении труда. С другой стороны, немецкий социолог Ральф Дарендорф считает, что современные общества — это “общества труда, сконструированные на основе трудовой этики и профессиональных ролей” [10, с. 189], хотя он не отрицает возможность существования в перспективе “мира без труда” [10, с. 189]. Мы придерживаемся второй точки зрения и поэтому считаем, что следует наряду с понятием “социальное партнерство” использовать понятие “трипартизм”, которое характеризует сферу социально-трудовых отношений.

Однако для лучшего понимания природы социального партнерства и трипартизма укажем на следующие черты, которые являются общими и для одного, и для другого. Во-первых, они представляют собой идеологию и социальную практику, которые проявляются в наличие общей цели и/или направленности на ее достижение у сторон партнерских отношений или субъектов социального партнерства. Во-вторых, в качестве субъектов соци-

ального партнерства и трипартизма выступают социальные группы общества, имеющие собственные интересы, потребности, ценности и взаимодействующие между собой. В-третьих, взаимодействие данных групп должно основываться на принципе равного участия в процессе совместной выработки и принятия решений по наиболее актуальным проблемам общественного порядка.

В соответствие с приведенным пониманием становится очевидной цель исследования социального партнерства в украинском обществе. Ее можно обозначить как изучение взаимодействия "мира труда", "мира капитала" и "мира общества". При этом необходима не только всесторонняя теоретическая разработка указанных проблем, но и эмпирическое изучение конкретных ситуаций, свидетельствующих о реальных взаимодействиях и отношениях.

Литература

1. Геєць В., Чирков В. До соціального миру і злагоди через соціальне партнерство: система соціального партнерства в Австрії // Людина і природа. — 1994. — № 6. — С. 21-24.
2. Головко М. Л., Дубровський М. Л., Жуков В. І. Соціальне партнерство (сучасний міжнародний досвід). — К., 1994. — 57 с.
3. Осовий Г. В. Система соціального партнерства і механізм регулювання трудових відносин в Ірландії // Україна: аспекти праці. — 1999. — № 2. — С. 33-36.
4. Басанцов I. B. "Економико-правовая основа для социального партнерства" // Социально-экономические аспекты промышленной политики. Социально-трудовые отношения в современных экономических условиях: Сб. науч. трудов. — Том 1 / НАН Украины, Институт экономики промышленности: Редкол. Амоша А. И. (отв. ред.) и др. — Донецк, 2003. — С. 353-359.
5. Социальное партнерство: Словарь-справочник / Рук. авт. кол. В. Н. Киселев, В. Г. Смольков; АТиСО. — М.: ОАО "Изд-во "Экономика", 1999. — 236 с.
6. Указ Президента України "Про національну раду соціального партнерства" № 151/93 від 27. 10. 93 р.
7. Буздуган Ю. О. Правові засади соціального діалогу // Профспілки України. — 1997. — № 3. — С. 5-14.
8. Балабанова Н., Жуков В., Пилипенко В. Социальный диалог. Социальное партнерство. Социальное государство / Под ред. В. Е. Пилипенко. — К.: Академия труда и социальных отношений Федерации профсоюзов Украины, 2002. — 189 с.
9. Thurow L. Creating Wealth. The Rules for Individual Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy. — N. Y., 1999. — 325 р.
10. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы: Пер. с нем. — М.: "Российская политическая энциклопедия" (РОССПЭН), 2002. — 288 с.

Н. Т. Гізатова

кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова
к. 40, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна,
8-0482-68-60-92, e-mail: Gyzatova@ukr.net

**СОЦІАЛЬНЕ ПАРТНЕРСТВО І ХАРАКТЕРИСТИКА РІЗНИХ
ПІДХОДІВ ЩОДО ЙОГО ДОСЛІДЖЕННЯ
(ПРОБЛЕМИ ІНТЕРПРЕТАЦІЇ)**

Резюме

В статті розглянуто проблему інтерпретації поняття “соціальне партнерство”, що активно використовується у вітчизняній науковій літературі та містить різні змістовні значення. На підставі критеріїв “об’єкт” та “суб’єкт” соціального партнерства автор виокремлює інтерпретації поняття в широкому та вузькому розумінні слова (соціальне партнерство і трипартізм). Розглядаються дослідницькі підходи до вивчення партнерських відносин з точки зору співвідношення соціального партнерства та трипартізму.

Ключові слова: соціальне партнерство, трипартізм

N. Gyzatova

Department of sociology Institute of Social Sciences
I. I. Mechnikov Odessa National University
r. 40, Frantzuzskiy boul. 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine,
8-0482-68-60-92, e-mail: Gyzatova@ukr.net

**SOCIAL PARTNERSHIP AND CHARACTERISTIC DIFFERENT
APPROACHES TO ITS RESEARCHING (PROBLEMS OF READING)**

Summary

In the article is considered the problem of reading the concept “social partnership”, which is used in native scientific literature actively and it contains different semantic meanings. Basing on such criterions as an “object” and a “subject” of social partnership, the author emphasizes versions this concept in wide and narrow senses (social partnership and tripartism). Analyzes researching approaches to the relations’ partnership basing on viewpoint of correlation social partnership and tripartism.

Keywords: social partnership, tripartism

УДК 300.52.300.54

А. А. Панков, канд. соц. наук, доц., докторант
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии
Ул. Ген. Бочарова, 34, кв. 31, Одесса, 65111, Украина
Тел. 56-07-80, e-mail: pankova_L@ukr.net

ФЕНОМЕН СОЦІАЛЬНОГО В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена анализу особенностей интерпретации феномена социального в творчестве Ф. Достоевского. Связывая социальные противоречия с противоречиями внутренней жизни человека, Ф. Достоевский пришёл к выводу о необходимости взаимодополняющего сочетания социологического и метафизического методов в постижении этой жизни, а значит, и во многом обусловленных ею социальных реалий.

Ключевые слова: метафизика, социал-демократия, социальный персонализм, христианство

В основе статьи лежит доклад научной конференции “Ф. М. Достоевский и духовная культура: проблемы современной интерпретации”, проходившей в г. Одессе 28-29 сентября 2001 года. И хотя этот доклад не был в то время представлен к публикации, мысли, изложенные в нём, как нам представляется, нисколько не утратили своего значения. Более того, по нашему мнению, в последнее время они особенно актуализированы. Следует оговориться, что целью настоящей статьи не является попытка поставить Ф. М. Достоевского в ряд социологов. Конечно же, Ф. М. Достоевский не был социологом. Особенно если понимать социологию в том узкосхоластическом толковании, которое, похоже, окончательно утвердилось в современном научном сознании. Вслед за А. А. Галактионовым и П. Ф. Никандровым, писавшими о том, что “по-видимому, нет никаких оснований утверждать, что когда-либо Достоевский проявлял специальный интерес к философии и что его можно инвариантно отнести к последователям определённой школы или мыслителя. Но, с другой стороны, очевидно, что он был достаточно ориентирован в теоретических проблемах, составлявших предмет увлечения и противоборства различных направлений русской интеллигенции” [1, с. 440], мы можем всё то же самое сказать и об отношении Ф. М. Достоевского к совсем молодой тогда науке — социологии. Следует отметить и то, что один из наиболее страстных последователей Ф. М. Достоевского — Н. А. Бердяев говорил о том, что “глубоко поставлен у Ф. М. Достоевского лишь вопрос о человеке. Вопрос об обществе и государстве у него ставится не очень оригинально” [2, с. 63]. И, тем не менее, современная социология нуждается в Ф. М. Достоевском, как нуждается она и в самом на Бердяеве, и в В. С. Соловьёве, и в С. Л. Франке, и в

русской религиозно-философской традиции в целом, а если точнее, — в той метафизике, которая представлена в этой традиции. Анализ необходимости взаимосвязи метафизики и социологии является одной из основных задач данной статьи.

Следует отметить, что Ф. М. Достоевский в известном смысле — наш современник. Ведь он, так же как и мы, жил в переходную эпоху, давшую начало множеству неординарных, противоречивых событий, требующих своего осмысления. Ф. М. Достоевский реагировал на эти события как издатель журналов “Время” и “Эпоха”, как журналист, как автор “Дневника писателя”. Наконец, ряд героев его романов оказывается “стихийными социологами”, остро интересующимися общественными проблемами и обладающими способностью восходить от частных случаев к обобщениям и выводам. Как справедливо отмечает В. А. Бачинин, “Достоевский наделил своих героев тем, чем сам обладал с избытком — заинтересованным вниманием к “живой жизни” [3, с. 95].

Действительно, Ф. М. Достоевский сам был “стихийным социологом” и достаточно часто снабжал свои журналистские выступления социологическими зарисовками, а также, пусть и неосознанно, но использовал в своих художественных произведениях определенные социологические методы. В основе его т. н. “кriminalных романов” лежали, как правило, социальные факты, почерпнутые либо из газет (можно сказать, что писатель применял контент-анализ, внимательно выискивая такие факты), либо узнанные из непосредственного общения с людьми, которое имело особое значение для Ф. М. Достоевского (в данном случае можно говорить об использовании им метода интервью). Разумеется, интерес Ф. М. Достоевского к криминальной проблематике обусловлен его личными жизненными обстоятельствами. Ведь, как известно, он несколько лет провёл в остроге рядом с каторжниками, до этого чудом избежав смертной казни. Эту ситуацию вполне можно назвать “включённым наблюдением”. Впрочем, правильнее эту ситуацию в жизни Ф. М. Достоевского следовало бы назвать психологической травмой. Несколько лет назад на очередных “Харьковских социологических чтениях” автору данной статьи довелось услышать доклад психолога, утверждавшего, что научный интерес социологов к той или иной социальной проблеме обусловлен, прежде всего, их личностными психологическими проблемами и попытками эти проблемы “снять”. В отношении Ф. М. Достоевского это утверждение абсолютно верно. Последствия своей психологической травмы Ф. М. Достоевский пытался преодолеть всю оставшуюся жизнь.

Ф. М. Достоевский не только и даже не столько анализировал нравы каторги, типологизировал преступников (что является вполне социологической задачей), сколько пытался выявить первопричину криминального поведения. Такой первопричиной, по мнению Ф. М. Достоевского, явилось резкое падение нравов, связанное с тем, что после реформы 1861 года Россия вошла в полосу необходимых, но крайне болезненных социальных перемен. Подобные перемены, как показал несколько позже Э. Дюркгейм, сопровож-

даются социальной аномией — разрушением прежней ценностно-нормативной системы и отсутствием новой. В такой ситуации, в свою очередь, резко возрастает суицидальное поведение, которое также крайне интересовало Ф. М. Достоевского — практически в каждом его произведении мы сталкиваемся со случаем самоубийства. Можно сказать, что, рассматривая в качестве первоосновы определённых типов социального поведения нравственность, Ф. М. Достоевский становится на позиции идеологического детерминизма. “Трактовка социальных явлений как несущих определённый объективный смысл или идею была свойственна русской социальной философии практически с момента её зарождения” [4, с. 62]. Ф. М. Достоевский лишь придал этой трактовке особую остроту. Можно также сказать, что благодаря такой трактовке социальных явлений Ф. М. Достоевский становится в ряд представителей т. н. “понимающей социологии”, стремящейся изучать субъективный смысл, вкладываемый в то или иное социальное действие действующим субъектом. Разумеется, принципы “понимающей социологии”, связанной в первую очередь с именем М. Вебера, были сформулированы много позже того времени, когда жил и писал Ф. М. Достоевский, но со многими из этих принципов, как нам представляется, Ф. М. Достоевский вполне согласился бы.

Но с чем бы, несомненно, не согласился Ф. М. Достоевский в социологической концепции М. Вебера — это с требованием непредвзятости в науке. Любой учёный, занимающийся социальной или гуманитарной проблематикой, в логике рассуждений Ф. Достоевского обязан быть предвзятым. Непредвзятый учёный, по такой логике, нечестный учёный. Предвзятость эта заключается в правдоискательстве. Правдоискательство или, по словам Н. А. Бердяева, “жажда абсолютной правды”, было характернейшей “предвзятостью” русской гуманитарной мысли, важнейшей составляющей которой была и социальная мысль. Куда уж больше предвзятости: “Я мира Божьего не принимаю”. Вершина русского правдоискательства — Фёдор Достоевский, вне влияния которого были бы невозможны ни названные выше В. С. Соловьёв, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, ни русская религиозно-философская и литературная традиция “серебряного века” в целом, ни, наконец, русская социальная мысль, предельно точно передал в своих художественных произведениях то напряжение, которое характеризовало отечественную мысль и постоянно стимулировало её развитие, поскольку постоянно существовал и источник этого напряжения — разрыв между русской действительностью и русской мечтой. Русская действительность — “бесчестье и нечеловеческая пошлость”, связанные, по словам всё того же Н. А. Бердяева, “с неразвитостью и нераскрытымостью личности в России, с подавленностью образа человека”; русская действительность — насилие над личностью и страдание человека (как писал Н. А. Бердяев, “нет уже старого самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам”). Русская мечта, русская идея — спасение человека, утверждение образа человеческой личности. Самое печальное то, что в данном отноше-

нии, со времен Ф. М. Достоевского и его последователя — Н. А. Бердяева, мало что изменилось. Ну, разве что, появилась необходимость объяснить, что всё высказанное мы относим не только к жизни, как теперь принято говорить “нашего северного соседа”, но и к украинской действительности. И потому некоторые из императивов, выработанных русской гуманитарно-социальной мыслью, вполне приложимы к этой действительности. Тем более, что многие представители русской религиозно-философской и литературной традиции (например, Н. А. Бердяев, Лев Шестов, о. Сергий Булгаков, М. А. Булгаков) относятся к т. н. “киевскому философскому кругу”. Да и у самого Ф. М. Достоевского, кстати говоря, есть украинские и даже греко-католические корни. Необходимо также сказать и о том, что “жажда абсолютной правды” имеет в результате своего “утоления” весьма противоречивые результаты.

С одной стороны, русская религиозно-философская традиция выработала такое понимание личности, которое позволяло органически сочетать в себе идею творческой свободы человека и его высочайшую нравственную ответственность, которое стремилось преодолеть подавление социумом свободы личности и ответное противопоставление человека социуму, утверждало их “общее дело” в контексте социального персонализма. Социальный персонализм призывал одновременно к внутреннему обновлению человека и обновлению социальному. Замечательный русский философ о. Сергий Булгаков, говоря о социальном персонализме, отмечал, что речь идёт о новом лице христианства общественного.

С другой стороны, Ф. М. Достоевский считал, что это понимание личности необходимо противопоставить понятию индивидуалистического гуманизма, якобы вышедшему из западноевропейской традиции (справедливо-сти ради следует отметить, что и автор данной статьи некоторое время разделял подобную точку зрения [5, с. 42]). В этом вопросе, как, впрочем, и в целом ряде других (например, в своём отношении к католицизму), Ф. М. Достоевский в своём поиске “абсолютной правды” договорился до неправды. И произошло это потому, что просто Ф. М. Достоевский не мог себе позволить любование историческим многоцветьем, занимаясь постоянным морализаторством, постоянной оценкой — добро или зло, правда или ложь, нравственно или безнравственно. И пользуясь при объяснении действительности некими схемами или, говоря языком социологическим, “идеальными типами”, отбрасывая всё, что, по его мнению, не подпадает под определение добра, правды и нравственности. Но в результате, по словам В. В. Розанова, у Ф. М. Достоевского всё начинается с “великих примирений; но они идут по сгибающейся параболе — и всё кончается величими разъединениями. Всем раскрываются объятья, а в заключение все выталкиваются. Начинается с бесконечного расширения — кончается бесконечной удущливой суженностью” [6, с. 72]. Именно так и были разъединены русская и западноевропейская культурные традиции. В действительности же “русская культура всегда была по своему типу европейской культурой” [7, с. 10], а русская философия всегда самым тесным образом была

встроена в европейский интеллектуальный контекст и отсюда “то странное то ли совпадение, то ли предвосхищение философских достижений, казалось бы, иных философских традиций” [8, с. 55].

Одним из таких совпадений в русской и европейской культурной традициях был социальный персонализм. Если точнее, со стороны русской философской традиции это было предвосхищение, поскольку он сформировался всё-таки несколько позже. И с тех пор, как русская религиозно-философская традиция осознала высшей ценностью личность, всё, что бы ни происходило в истории, оценивалось представителями этой традиции как подавление либо высвобождение личности, как правда или ложь по отношению к человеческому образу. Собственно, правда — в самой человеческой личности. Всё остальное — либо оправдано перед ней, либо является ложью по отношению к ней. В. В. Розанов писал об этой лжи: “Её происхождение всё в истории, происхождение же правды в самом человеке”.

Оттого и глубоко у Ф. М. Достоевского поставлен лишь вопрос о человеке. В ущерб вопросу об обществе и государстве. Да что там общество и государство! Оттого и исступлённая максима о неприятии даже мира Божьего, если в нём нарушается главный закон развития, т. е. человек из цели превращается в средство, а “цель — это учреждения, сложность общественных отношений, цвет наук и искусств, мощь промышленности и торговли. Всё это неудержимо растёт, и никогда не придёт на мысль бедному человеку хоть когда-нибудь не дать переступить через себя всему этому, не лечь перед торжествующею колесицею Баала и не обрызгать колёс её кровью”. Так писал В. В. Розанов, явившийся, несмотря на критику Ф. М. Достоевского, его непосредственным последователем.

Русская религиозно-философская традиция, вслед за Ф. М. Достоевским поставившая “проклятый вопрос” о неприятии мира Божьего, сама же на него и ответила. Победить “бесчестье и нечеловеческую пошлость” можно, как писал Д. М. Мережковский, только “религиозным благородством”, со-творческой свободой, т. е. волеизъявлением человека, соотнесенным с Высшим Началом. В этой соотнесённости человек обладает возможностью творить, создавать нечто новое в себе и в своей истории. Обновлённый человек в истории — надежда того, что история ещё может стать удачей. Здесь следует вспомнить слова В. С. Соловьёва, который в чём-то был единомышленником, а в чём-то (в частности, в отношении к западноевропейской культуре) — оппонентом Ф. М. Достоевского, оценившего новую русскую историю как “трагическую неудачу”. Сходным образом оценивал русскую историю и П. Я. Чаадаев, явившийся “одновременно предтечей и западничества (на наш взгляд, в наиболее глубоком и достойном его варианте), и славянофильства или почвенничества” [9, с. 58].

В русской религиозно-философской традиции, начиная с Ф. М. Достоевского, можно также обнаружить небезынтересную, хотя и не во всём справедливую точку зрения на социализм. Имея в виду в качестве критерия оценки социализма “христианскую правду”, о которой было сказано выше, Н. А. Бердяев утверждал, что “христиане могут совершать оценку относи-

тельных форм общества. Они должны оценивать более высоко те относительные формы общества, в которых свобода духа и достоинство человеческого лица побеждают рабство и уничтожение человека человеком. Если христианство отвергает соблазн рая на земле, то это не значит, что оно хочет ада на земле, как более соответствующего греховности человеческой природы". И далее: "Наша христианская совесть должна осуждать не только личный, но и социальный грех и стремиться к его искуплению. Неискупленный социальный грех ведёт к катастрофам".

Уточняя позицию русских философов в отношении понятия "искупление социального греха", С. Л. Франк писал о том, что для социализма, в его отличие от христианства, социальная неправда — единственный источник всякого зла в мире, и потому единственное и достаточное средство для его устранения есть преобразование общественного порядка. В социалистическом умонастроении, по мнению С. Л. Франка, ответственность за царящее в человеческих отношениях зло снимается с человеческой личности, перестаёт быть делом человеческой совести. Этот упрёк Ф. М. Достоевский и его последователи могли бы адресовать не только социализму (и, пожалуй, всё-таки не столько ему, поскольку социализм, если уж всерьёз его анализировать, имеет вполне христианские истоки), сколько вообще проектам социального преобразования, не учитывающим "человеческий фактор". Если бы Ф. М. Достоевский мог увидеть эволюцию и состояние современной западной социал-демократии (испытавшей значительное влияние как раз социального персонализма), он бы наверняка несколько по другому отнёсся к идее социализма. Хотя и современная социал-демократия вряд ли бы до конца устроила представителей русской религиозно-философской традиции. Не стоит забывать о том, что очень многие из них начинали свою интеллектуальную деятельность как представители русской социал-демократии или "легального марксизма" (к таким относились и Н. А. Бердяев, и С. Л. Франк, и П. Б. Сруве — автор первой программы Российской социал-демократической рабочей партии, и С. Н. Булгаков — будущий о. Сергей Булгаков).

Как писал, рассматривая проблему социологического истолкования героев Ф. М. Достоевского, Н. О. Лосский, "поскольку зло в человеческой жизни обусловлено глубочайшими свойствами человеческой личности, оно не может быть устранино никакими изменениями общественного строя. Из этого, однако, вовсе не вытекает, будто не следует бороться за социальную справедливость и не следует устранять те специальные виды зла, которые коренятся в данном общественном строе. Нужно только помнить, что идеал абсолютного добра в земных условиях недостижим и новые формы общественной жизни, которые удастся выработать будущим поколениям, внесут лишь частичные улучшения некоторых сторон существования и, может быть, вместе с тем породят какие-нибудь новые проявления зла" [10, с. 204]. Частичные улучшения некоторых сторон человеческого существования и стремление к справедливому общественному устройству никак не могли устроить Ф. М. Достоевского и его последователей. Они были

неприемлемы для русского религиозного философствования, взыскавшего общества милосердного и на меньшее не согласного. Для этого типа философствования идея воплощения справедливости представлялась нереальной (“И можешь ли ты допустить идею, что люди, для которых ты строишь, согласились бы сами принять своё счастье на неоправданной крови маленького замученного, а приняв — оставаться навеки счастливыми”). И всё же современная социал-демократия значительно прогрессировала в своём развитии в том направлении, которое могло бы в той или иной степени устроить представителей русской религиозно-философской традиции. Она стала антропоцентрической (как, собственно, и христианство) и в настоящее время прямо провозглашает, что для неё нет более важной задачи, чем человек. В этом смысле она близка христианско-демократическому движению и в связи с этой близостью мы уже писали о перспективах сотрудничества социал-демократических и христианско-демократических движений [11, с. 49].

В заключение следует сказать о том, что ответом на проблему проникновения в глубинную суть социального бытия, непосредственно связанную с противоречиями внутренней жизни человека, стало осознание Ф. М. Достоевским необходимости сочетания социологического и метафизического методов в постижении этой жизни, а значит и социальных реалий, во многом обусловленных ею. Ф. М. Достоевский вполне осознавал ограниченность познавательных возможностей явно привлекавшей его молодой социологической науки. В то же время, “метафизика стремится убедить разум в существовании вечного и абсолютного, в том, что в социальных фактах присутствует нечто, выходящее за их пределы и вообще за пределы рассудочного понимания” [12, с. 102]. Поэтому для него и была очевидна необходимость во взаимодополняемости социологии и метафизики. Нам же ещё только предстоит осознать всю методологическую глубину подобного взаимодополнения. Впрочем, это осознание уже началось. Ведь не случайно же современные социологи всё чаще в поисках ответов на вопросы социальной теории и практики обращаются к наследию русской религиозно-философской традиции и, в том числе, к наследию Ф. М. Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Русская философия IX — XIX вв. — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989. — 744 с.
2. Бердяев Н. А. Откровение человека в творчестве Достоевского // Бердяев Н. А. О русских классиках. — М.: Высшая школа, 1993. — С. 54-75.
3. Бачинин В. А. Социология и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского // Социологические исследования. — 2000. — № 3. — С. 94-103.
4. Матвеева Н. Ю. Методология социального познания в русской религиозной философии // Социологические исследования. — 2004. — № 1. — С. 61-69.
5. Панков А. А. Проблема философии как “духовного делания” в русской религиозной мысли // Роль гуманизации образования в развитии духовной культуры личности // Тезисы региональной межвузовской конференции. 7-10 июня 1990 г. — Томск, 1990. — С. 42-43.

6. Розанов В. В. Размолвка между Достоевским и Соловьевым // Наше наследие. — 1991. — № VI(24). — С. 70-72.
7. Лихачёв Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. — 1991. — № VI(24). — С. 15-16.
8. Панков А. А. К вопросу о взаимоотношении западной и русской философий // Тезисы докладов и выступлений Всероссийской научной конференции "Русская философия: преемственность и роль в современном мире". — Ч. 2. — С.-Пб., 1992. — С. 53-55.
9. Панков А. А. Диалогичность истории философии и христианской социологии // Перспективы. — № 1(29). — Одесса, 2005. — С. 58-62.
10. Лосский Н. О. Бог и мировое зло. — М.: Республика, 1994. — 432 с.
11. Панков А. А. К вопросу о политической перспективе христианско-демократического движения в советском обществе // Общественное сознание и идеологическая работа // Тезисы межрегиональной научно-практической конференции. — Ч. I. — Кострома, 1990. — С. 48-49.
12. Бачинин В. А. Социология и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского // Социологические исследования. — 2000. — №3. — С. 94-103.

О. А. Панков

Одесський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології
к. 40, Французький бульвар 24/26, Одеса, Україна, 65058

ФЕНОМЕН СОЦІАЛЬНОГО В ІНТЕРПРЕТАЦІЇ Ф. М. ДОСТОЄВСЬКОГО

Резюме

Стаття присвячена аналізу особливостей інтерпретації феномена соціального у творчості Ф. М. Достоєвського. Пов'язуючи соціальні протиріччя з протиріччями внутрішнього життя людини, Ф. М. Достоєвський дійшов висновку про необхідність взаємодоповнюючого сполучення соціологічного та метафізичного методів у розумінні людського життя та соціальних реалій.

Ключові слова: метафізика, соціал-демократія, соціальний персоналізм, християнство

A. A. Pankov

I. I. Mechnikov National University, Institute of Social Sciences,
Department of Sociology
r. 40, French Boulevard 24/26, Odessa, Ukraine 65058

**THE PHENOMENON OF SOCIAL AS INTERPRETED
BY F. M. DOSTOEVSKIY**

Summary

The article is about the peculiarities of interpreting the phenomenon of social in Dostoevskiy's works. Connecting social contradictions with internal human contradictions Dostoevskiy came to the conclusion that combination of sociological and metaphysical methods is necessary in comprehension of the life and the social reality.

Key words: metaphysics, social democracy, social personalizm, Christianity

УДК 316.774-053.81

О. Р. Лычковская, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии
Института социальных наук, Одесского национального университета
им. И. И. Мечникова,
к. 40, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, lychkovska@mail.ru.

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ МАСС-МЕДИЙНЫЕ ПРАКТИКИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИИ

В статье рассматриваются особенности протекания коммуникативных практик взаимодействия студенческой аудитории с источниками визуальной информации: телевизионными и кинофильмами. Автор полагает, что специфика визуальных коммуникативных практик определяется: 1) различными эффектами и последствиями процесса визуализации коммуникативного пространства; 2) формационными характеристиками студенческого возраста, гендерными различиями, материальным положением их семьи, будущими профессиональными ориентациями, а также общим социокультурным контекстом их жизни.

Ключевые слова: визуализация коммуникативного пространства, коммуникативные практики, массовая аудитория, жанровые предпочтения, элементы зрительского успеха фильмов

Изменение коммуникативного дизайна не только содержания, но и формы коммуникативных систем, происходившее на протяжении XX века, породило новое качество коммуникации — ее всеобщность. По меткому выражению Н. Лумана: "...коммуницируемым становится весь мир. Место феноменологии бытия занимает феноменология коммуникации. Мир видят таким, каким его подает образная коммуникация..." [1, с. 140]. Возникновение последней связывают, прежде всего, с появлением мощных визуальных технологий, которые к традиционным зрелищным и изобразительным формам добавили новые — фотографию, кинематограф, телевидение, видео, компьютерную коммуникацию. Впрочем, следует заметить, что современная эпоха не является абсолютно новой: появившиеся электронные средства визуальной коммуникации лишь усилили издревле присущие человечеству визуальные способности.

Так, Г. Маклюэн еще в 60-е гг. XX века обосновывает тезис о том, что человечество живет в эпоху возрождения естественного, слуховизуального, многомерного восприятия мира и коллективности, которые были присущи обществу еще на архаической стадии развития человеческой культуры [2, с. 339-343]. У. Эко проводит аналогию между Средневековьем, временем, когда преобладала зрелищная коммуникация, и ХХ веком [3, с. 266]. На первичность визуального восприятия обращает внимание и психологи-

ческая наука. Так, известно, что именно зрительная система предоставляет нам до 90% всей принимаемой информации. При этом, как замечает, к примеру, американский исследователь Б. Николс: “Мир как таковой не входит в наше сознание и откладывает там спонтанно свои картины. Восприятие зависит от кодирования мира в иконических знаках, которые могутreprезентировать его в нашем сознании” [4, с. 11]. Иконические знаки всегда сопровождали человеческую цивилизацию, присутствуя в живописи, скульптуре, архитектуре. Однако лишь с появлением в конце XIX века кинематографа “экранное изображение” соединяет, сплавляет воедино объективную действительность и визуальные образы, существующие в сознании человека. В результате возникает, по меткому замечанию Ю. Лотмана, “абсолютная иллюзия реальности”, благодаря которой зритель становится не только очевидцем, но и участником происходящих на экране событий [5, с. 16]. Однако не все столь однозначно. Так, скажем, Н. Луман полагает, что “фильм может нас затронуть позитивно или негативно, его можно счесть хорошим или плохим, но в целостном комплексе воспринятого не хватает той заостренности, которая позволила бы осуществить ясную дистинцию принятия или отклонения. Хотя мы и знаем, что имеем здесь дело с коммуникацией, мы не видим ее... Поскольку аудиовизуальное вещание может полностью определять восприятие, сходят на нет возможности и необходимость индивидуального воображения” [1, с. 140]. К сходным идеям приходит и Г. Маклюэн, выделяя “холодные” и “горячие” визуальные коммуникации [6, с. 27-40]. Горячие средства коммуникации характеризуются высокой “определенностью”, т. е. наполненностью информацией и в то же время низкой вовлеченностью, поскольку “оставляют аудитории не очень много простора для заполнения или довершения”. К таким средствам Г. Маклюэн относит, в частности, кино, когда зритель становится пассивным потребителем кинодействия и кинообразов. В то же время холодные средства коммуникации предоставляют меньшую “определенность”, меньший или, вернее, принципиально иной формат информации, предлагающий широкий простор достраивания недостающего. Среди визуальных средств к таким относится телевидение. Г. Маклюэн определяет телевизионный образ как “сложный гештальт данных, собранных почти случайным образом” [6, с. 363], что предполагает восприятие как процесс, как многоуровневую реакцию зрителя.

Амбивалентность визуальных коммуникаций порождает сложную и, порой, противоречивую систему механизмов и эффектов визуализации. Визуальные коммуникации формируются и работают на массовом и повседневном ощущении дефицита действия и взаимодействия. При этом они символически, технически и виртуально восполняют подобный дефицит [7, с. 36]. Визуализация создает эффект соприсутствия и строится на нем. Создается ощущение неподдельности, подлинности, документальности. “Несмотря на то, что “совершенные обстоятельства соприсутствия” существуют исключительно в ситуации непосредственного контакта между физически присутствующими людьми, в наши дни, благодаря электронным

коммуникациям...стали возможны и опосредованные контакты, допускающие тесную связь и близость, характерные для условий соприсутствия” [8, с. 121]. Соединение сообщения с визуальным событием означает переход от субъективного утверждения к общепринятости. При этом функция визуальности заключается в защите общепринятых мнений от индивидуальной рефлексии или же коллективной рационализации, что можно было бы назвать “приданием типичности” [7, с. 36]. Ориентация на повторение, сериальность визуальных образов и сопровождающих их словесных текстов служит процессу упорядочивания повседневной жизни, придания нормальности собственному существованию, созданию ощущения комфорта и психологической безопасности [9, с. 81]. Причем, что интересно, подобный механизм срабатывает не только в притягательности серийных художественных фильмов, но и в стремлении зрителя получать знакомую (ожидаемую) новостийную информацию, которой, по определению, следовало бы быть новой. Возможно, одним из способов объяснения подобного феномена могла бы быть концепция “онтологической безопасности” Э. Гидденса, согласно которой индивиды склонны удалять из собственной жизни “экзистенциальные моменты”, находящиеся вне их власти и потенциально опасные для устоявшегося психологического самочувствия [8, с. 111]. Визуальные и аудиовизуальные коммуникации также создают акты эмоционального, упорядоченного, символического единения индивида со “всеми”. И, наконец, компенсаторно-тонический эффект визуализации позволяет в безопасной и при этом наглядной форме испытать возможности нарушения нормы, идентифицировать себя с агрессивным и небезопасным героем и в то же время находиться в позиции “за стеклом” [10, с. 16].

Итак, исходя из всего вышесказанного, целью настоящего исследования является рассмотрение особенностей протекания визуальных коммуникативных практик в молодежной студенческой аудитории г. Одессы. В этой связи под **визуальными коммуникативными практиками** понимаются акты взаимодействия с визуальными источниками информации. В данном случае более подробным образом будет рассмотрена специфика взаимодействия аудитории с кинопроизведениями. Основные задачи, которые мы перед собой ставили, сводятся к следующему:

- рассмотреть количественные характеристики кинопросмотра и кинопосещения (просмотр фильмов в кинотеатрах) в зависимости от пола, типа специальности и материального положения семьи;
- проанализировать зрительские интересы в зависимости от пола, регулярности/нерегулярности кинопросмотра и регулярности/нерегулярности кинопосещения;
- построить типологию жанровых зрительских интересов и мотивов обращения к кино;
  - выявить элементы, определяющие зрительский успех фильмов;
  - сконструировать типологические группы таких элементов;
  - рассмотреть взаимосвязь разных групп зрительских элементов в зависимости от пола, регулярности просмотра и типа специальности;

– проанализировать содержательные типы фильмов, с которыми охотнее всего идентифицируют себя молодые кинозрители.

Исследование разных элементов, определяющих восприятие зрителем кинофильмов, выявление зрительских предпочтений и мотивов обращения к кино мы построили на результатах эмпирического социологического опроса студенчества г. Одессы. Объем выборки составил 450 человек, выборка квотная — с учетом таких критериев, как пол, возраст (19-20 лет) и специальность (социально-гуманитарная, естественнонаучная, техническая). Были опрошены студенты Одесского национального университета им. И. И. Мечникова и Одесского национального политехнического университета. Время проведения опроса — февраль-апрель 2005 года. Руководство проекта “Кино в жизни современной молодежи” осуществлял автор: доцент кафедры социологии Лычковская О. Р., соисполнители асп. Выставкина Д. О. и Чмыга Н. С.

Итак, большинство студентов являются регулярными телезрителями: смотрят ТВ “практически каждый день” (64,4%) и несколько раз в неделю (19,3%), также для 79,8% опрошенных телевидение является основным источником информации. При этом смотрят фильмы по ТВ “практически каждый день” (31,1%) и еще 32,7% “несколько раз в неделю”, т. е. большинство аудитории мы можем считать “регулярными кинозрителями”. К тому же еще 15,3% студентов смотрят фильмы по видео или DVD, а 23,8% смотрят их несколько раз в неделю. При этом девушки более регулярные кинозрители, чем мужчины. Скажем, фильмы по ТВ каждый день смотрят 26,9% юношей и 42,4% девушек. Девушки также чаще посещали кинотеатры: на все премьеры ходило одинаковое количество юношей и девушек, в то же время на отдельные фильмы ходило 42,5% юношей и 57,6% девушек. В то же время видеофильмы чаще смотрят юноши — каждый день 21% юношей и только 11,4% девушек. Девушек также больше среди тех, кто вообще видео не смотрит.

Специальность также влияет на частоту кинопросмотра: фильмы смотрят по ТВ каждый день одинаковое количество студентов естественников и гуманитариев (41,8% и 39,4% соответственно) и всего 27,1% “технарей”. Также среди “технарей” в 2 раза больше тех, кто вообще фильмы не сматривает. Зато студенты “технических” специальностей более регулярные зрители видео, почти треть (29,2%) смотрят фильмы по видео каждый день. Более регулярными посетителями кинотеатров являются студенты гуманитарных и социальных специальностей.

Вполне логичным является и то, что материальное положение студентов влияет на посещение ими кинотеатров. Так 50% из тех, кто ходит на все премьеры, — это люди, выбравшую позицию по шкале дохода: “могу ни в чем себе не отказывать”. Но что интересно, что даже те, кто отметил, что “ему не хватает денег на самое необходимое”, в большинстве своем ходят на отдельные фильмы (66,7%).

Таблица 1

Жанровые интересы студенческой аудитории

Жанры кинофильмов	Смотрят регулярно		Хотели бы смотреть	
	%	Ранг	%	Ранг
Боевики, острожюжетные	34,2	6	7,8	10
Детективы	23,2	9	9,8	9
Драмы	18	11	7,6	11
Мелодрамы	26,4	8	12,4	6
Комедии	73,8	1	43,1	1
Фильмы ужасов	33,1	7	12,4	6
Мистика	35,2	5	18,2	4
Фантастика, фэнтези	26,5	8	10,7	8
Исторические	47,6	2	30,2	2
Приключенческие, авантюрные	39,3	3	17,3	5
Музыкальные	9,6	15	3,6	13
Эротические	16,9	13	4,9	12
Романтические телесериалы	17,1	12	3,6	13
Детективные телесериалы	11,8	14	2,2	14
Авторское кино	22,4	10	18,7	3
Мультфильмы	38,2	4	12,2	7

Данные таблицы 1 позволяют сравнить, что смотрят студенты и что бы они хотели смотреть. В целом наблюдается совпадение того, что смотрят и что хотят смотреть: это комедии и исторические фильмы. В то же время, как это и свойственно студенчеству, им бы хотелось больше видеть серьезного, авторского кино, однако регулярность просмотра таких фильмов довольно низка. Они на десятом месте. Вместе с тем наблюдается некоторая сверхпредставленность предложений по ТВ и видео фильмов-боевиков, приключенческих, мультфильмов. Как видим, студенты чаще всего смотрят комедии (73,8%), исторические фильмы (47,6%), приключенческие (39,3%), мультфильмы (38,2%), мистику (35,6%), боевики (34,2%), триллеры (33,1%), мелодрамы (26,4%), детективы (23,2%), авторское кино (22,4%).

Таблица 2 показывает взаимосвязь пола и жанровых интересов аудитории. Мы видим, что хотя в целом и юноши, и девушки выбирают, прежде всего, комедии и исторические фильмы, однако девушки в большей степени являются приверженцами комедийного жанра, а юноши — исторического. Наибольшее различие в жанровых интересах следующее: девушки отдают предпочтение мелодрамам почти в 5 раз чаще, чем юноши, романтическим сериалам в 6 раз чаще, чем юноши, драмам в 2 раза чаще, чем юноши. В то же время юноши в 2,5 раза чаще смотрят эротику, почти в 2 раза чаще боевики. Можно предположить, что за подобной гендерной дифференциацией лежат “дефициты ролевых самоопределений” [11, с. 48], когда “женское”, к примеру, самоутверждается или за счет “тривилизации” “мужского” (“все мужики сво”, как это происходит в женском детективе), или через его “романтизацию” в мелодраме или любовном сериале. За “мужским” кинопросмотром, как, впрочем, и чтением, стоит установка на компенсацию возможной низкой самооценки, особенно в преобладающей жен-

ской среде окружения, либо в агрессивной форме (боевики, детективы), либо все через ту же самую романтизацию вездесущего и всемогущего героя в фантастике, мистике и фэнтези.

Таблица 2

Распределение жанровых интересов у мужчин и женщин

Жанры кинофильмов	Мужчины		Женщины	
	%	Ранг	%	Ранг
Боевики	46,8	3	25,4	8
Детективы	24,7	9	22,1	10
Драмы	10,2	12	23,5	9
Мелодрамы	8,1	13	39,4	3
Комедии	68,8	1	77,3	1
Ужасы	32,3	8	33,7	5
Мистика	38,7	5	32,7	6
Фантастика	35,7	7	20,1	12
Исторические	53,8	2	43,2	2
Приключенческие	45,2	4	35,2	4
Музыкальные	7	14	11	14
Эротические	24,7	9	9,5	15
Романтические сериалы	4,3	15	26,1	7
Детективные сериалы	10,8	11	12,5	13
Авторское кино	23,7	10	21,6	11
Мультфильмы	36,8	6	39,2	3

Таблица 3

Жанровые интересы у регулярных теле-, видео- и кинозрителей (в %)

Жанры фильмов	Типы зрителей			
	Все опрошенные	Регулярные телезрители	Регулярные видеозрители	Регулярные кинозрители
Боевики	34,2	36,3	40,3	30,4
Детективы	23,2	24,7	27,3	22,2
Драмы	18	17,2	15,9	20,6
Мелодрамы	26,4	29	23,9	30
Комедии	73,8	77,1	76,1	73,5
Ужасы	33,1	35,4	38,6	31,2
Мистика	35,2	37,1	36,4	36,8
Фантастика	26,5	25,2	36,9	25
Исторические	47,6	48,1	51,1	47,4
Приключенческие	39,3	40,4	45,5	42,7
Музыкальные	9,6	10,2	10,2	11,1
Эротические	16,9	17,5	24,4	14,2
Романтические сериалы	17,1	17,1	11,4	16,2
Детективные сериалы	11,8	11,8	9,7	9,9
Авторское кино	22,4	22,4	19,3	26,1
Мультфильмы	38,2	38,2	44,9	37,2

Данные таблицы 3 показывают, что регулярность просмотра или кино-посещение не оказывают существенного влияния на жанровые интересы кинозрителей. Несколько выше частота просмотра популярных жанров

только у тех зрителей, кто регулярно смотрит видео. Не наблюдается также существенной разницы в предпочтениях у регулярных теле-, видео- и кинозрителей.

Типология жанровых интересов, сконструированная с помощью факторного анализа (метод главных компонент с вращением по методу Varimax с нормализацией Кайзера), представлена **6 типами зрительских интересов**. Первый фактор (11% дисперсии) охватывает наиболее популярные зрительские предпочтения, независимо от характеристик респондентов, так называемое “**массовое кино**”: детективы (. 650) и детективные сериалы (. 648), приключенческие фильмы (. 526), боевики (. 522) и комедии (. 408). Второй фактор (10% дисперсии) включает **предпочтения необычного и фантастического**: мистические фильмы (. 742), фильмы ужасов (. 742) и фантастику (. 588). Подобные жанровые предпочтения в большей степени характерны для мужского сегмента аудитории. Третий фактор (9% дисперсии) характеризует в большей степени женские вкусы аудитории, это “**романтическое кино**”: романтические сериалы (. 778) и мелодрамы (. 644). Четвертый фактор (8% дисперсии) представлен единственным жанром — **драматическими фильмами** (. 805). Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что это также в значительной степени характерно для женского сегмента студенческой аудитории. Пятый фактор (7. 9% дисперсии) охватывает сугубо **развлекательные** предпочтения молодежной аудитории: мультифильмы (. 810) и эротику (. 413). И, наконец, шестой фактор (7. 6% дисперсии) характеризуется интересом как к чрезвычайно популярным и массовым ныне жанрам — “**блокбастерному**” историческому кино (. 856), музыкальным фильмам (. 471), так и к популярному в образованной молодежной среде авторскому кино (. 414).

Типологический анализ мотивов обращения к кинофильмам, осуществленный с помощью факторного анализа (характеристики метода факторного анализа см. выше), позволил выявить группы потребностей, которые удовлетворяют молодые кинозрители в процессе просмотра фильмов. Первый фактор (12% дисперсии) объединил познавательно-эмоциональные потребности, которые, с нашей точки зрения, наиболее присущи молодому зрителю: поиск рационального смысла, любопытство и жажда острых ощущений. Он включил в себя такие позиции, как — “в фильмах я...” “нахожу ответы на волнующие меня вопросы” (. 757), “переживаю острые ощущения” (. 536) и “узнаю о жизни других людей” (. 471). Второй фактор (11. 6% дисперсии) охватил культурные потребности личности: “я смотрю фильмы, чтобы...” “быть в культурном контексте” (. 766) и “получать эстетическое удовольствие” (. 758). Третий фактор (11% дисперсии) представлен потребностью в отдыхе: “когда я смотрю фильмы, я ...” “отдыхаю” (. 657). Четвертый фактор (10. 5% дисперсии) характеризует потребность в развлечении: “когда я смотрю фильмы, я...” “развлекаюсь” (. 708) и “просто убиваю время” (. 592). Пятый фактор (10% дисперсии) включает компенсаторную потребность в уходе от повседневности, “отвлечении от житейских забот” (. 624). Подобная типология мо-

тивов/потребностей представляется нам вполне логичной и предсказуемой для молодежного сознания.

Элементами кинопроцесса, которые влияют на выбор фильма, являются, по мнению респондентов: сюжет (68,7%), имя актера, актрисы (53,1%), жанр (40,7%), имя режиссера (33,8%), мнение родственников, друзей (31,3%), мало значима реклама, отзывы экспертов, страна и участие фильма в кинофестивалях. Мы видим, что наиболее значимыми являются внутренние элементы фильма (жанр, сюжет), хотя определенное значение играют и престижные характеристики (имя режиссера, актера), хотя и они напрямую связаны с качеством кинопродукции.

Социально-эстетические внутренние элементы фильма распределились следующим образом:

- занимательный сюжет (62,2%)
- хорошая игра актеров (59,8%)
- глубина идеи (56,4%)
- красивая съемка (45,8%)
- необычный сюжет (44%)
- спецэффекты (32,7%)
- профессионализм режиссера (29,3%)
- важная, актуальная проблема, поднятая в фильме (28%)
- саунд-треки (24,7%)
- запоминающийся образ героя/героини (22,9%)
- другое (2,4%)

Для нахождения скрытых зависимостей между данными элементами и для того, чтобы можно было проинтерпретировать, какие же группы элементов фильма важны при восприятии зрителей, был проведен факторный анализ (характеристики метода факторного анализа см. выше).

В результате выделились 4 группы факторов.

Первый фактор (15% дисперсии) — технические возможности + яркий герой: Саунд-треки (. 660), спецэффекты (. 651), красивые съемки (. 577), запоминающийся образ героя (. 453) и занимательный сюжет (. 247). Второй фактор (13% дисперсии) — профессионализм: игра актеров (. 763), режиссура (. 684). Третий фактор (12% дисперсии) — идеальное содержание: актуальная проблема (. 765), глубина идеи (. 635). Четвертый фактор (11% дисперсии) — необычность, экстраординарность сюжета: необычность сюжета (. 722) и занимательный сюжет (-. 710), т. е. необычность исключает занимательность.

Взаимосвязь выделенных факторов с другими характеристиками аудитории показала, что выбор значимых характеристик фильма не зависит от пола, типа специальности, материального положения и регулярности просмотра. По всей видимости, элементы зрительского успеха фильма связаны с социально-психологическими особенностями кинозрителей, культурным уровнем семьи, в которой они живут, а также с их ценностными ориентациями.

Для того чтобы выявить, какую личностную функцию играют фильмы,

с чем кинозрители себя идентифицируют, мы попросили респондентов согласиться или не согласиться с некоторыми суждениями.

Из двух суждений, говорящих о том, что фильм должен быть похож на жизнь зрителя или же в нем должны быть яркие герои, которые в чем-то сильнее зрителя, чаще выбирают второе суждение. Студенты хотят использовать фильм как источник социализации и возможность прожить новую, яркую жизнь с героями. В то же время им хочется видеть в фильмах узнаваемую реальность, которая бы им помогла решать жизненные коллизии, и в меньшей степени для них важны фантазии и возможность убежать от проблем повседневной жизни.

Таблица 4

Значимость разных типов фильмов (в %)

Тип фильма	Позиция респондента			Индекс согласия
	Скорее согласен, %	В чем-то согласен, в чем-то не согласен, %	Скорее не согласен, %	
Мне нравится, когда фильм рассказывает о жизни таких людей, как я	32,1	45	22,9	0,09
Мне нравится, когда в фильме есть яркий и сильный герой, у которого есть чему поучиться и который мне помогает решать жизненные проблемы	44,9	34,4	20,2	0,25
Мне больше нравятся фильмы, которые основаны на вымысле и не похожи на реальную жизнь	15,8	34	50	-0,34
Мне больше нравятся фильмы, в которых нет вымысла и которые основаны на реальных фактах	51,1	36,4	12	0,39

Индекс согласия рассчитывался от – 1 до 1.

Оказалось также, что выбор тех или иных суждений зависит от пола респондента. У женщин индекс согласия с последним, четвертым суждением выше, чем у мужчин. Женскую аудиторию привлекает возможность идентифицировать себя с ярким героем. Респонденты мужчины, в отличие от женщин, несколько больше хотят видеть фильмы, основанные на вымысле, им меньше хочется решать жизненные проблемы, они стремятся убежать в мир кино.

Подводя итог, следует отметить, что визуальные коммуникативные масс-медийные практики студенческой аудитории имеют свою специфику, связанную с формационными характеристиками студенческого возраста, гендерными различиями, материальным положением их семьи и будущими профессиональными ориентациями. Немаловажную роль также играют

внутриличностные особенности молодых зрителей и тот социокультурный контекст, в рамках которого, собственно, и осуществляются индивидуальные коммуникативные практики взаимодействия с источниками визуальной информации — теле- и кинофильмами.

Література

1. Луман Н. Медиакоммуникации: Пер. с нем. — М., 2005. — 280 с.
2. McLuhan M. Myth and Mass Media // Daedalus. — 1959. — Vol. 88. — № 2
3. У. Эко Средние века уже начались // Иностранный литература. — 1994 — № 4
4. Nichols B. Ideology and the Image. Social Representation in the Cinema and Other Media. — Bloomington, IN, 1981.
5. Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. — Таллинн, 1975
6. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: Внешние расширения человека: Пер. с англ. — М.; Жуковский, 2003. — 464 с.
7. Гудков Л., Дубин Б. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Мониторинг общественного мнения. — 2001. — № 2. — С. 31-45.
8. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. — М., 2003. — 528 с.
9. Личковская О. Р. Масскоммуникационная активность как адаптационная стратегия современной аудитории // Соціальні технології: актуальні проблеми теорії та практики. — Вип. 17-18. — Одеса, 2002. — С. 79-86.
10. Cawelti J. G. Adventure, Mystery and Romance: Formula stories as art and popular culture. — Chicago, 1976. — 336 р.
11. Дубин Б., Зоркая Н. Книги в сегодняшней России: выпуск, распространение, чтение // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2005. — № 5 (79). — С. 39-57.

О. Р. Личковська

кафедра соціології Інституту соціальних наук Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова, к. 40, Французький бул. 24/26, 65058, м. Одеса-58, Україна

ВІЗУАЛЬНІ КОМУНІКАТИВНІ МАС-МЕДІЙНІ ПРАКТИКИ СУЧАСНОЇ МОЛОДІЖНОЇ АУДИТОРІЇ

Резюме

В статті розглядаються особливості перебігу комунікативних практик взаємодії студентської аудиторії з джерелами візуальної інформації: телевізійними та кінофільмами. Автор вважає, що специфіка візуальних комунікативних практик обумовлюється 1) різноманітними ефектами та наслідками процесу візуалізації комунікативного простору; 2) формативними характеристиками студентського віку, гендерними відмінностями, матеріальним становищем їх сімей, майбутніми професійними орієнтаціями, а також загальним соціокультурним контекстом їх життя.

Ключові слова: візуалізація комунікативного простору, комунікативні практики, масова аудиторія, жанрові преференції, елементи успіху фільмів у глядачів

O. R. Lychkovska

Sociology Department of Social Sciences Institute
of Odessa Mechnikov National University,
r. 40, 24/26 Frantsuzsky boulevard, 65058 Odessa-58, Ukraine

VISUAL COMMUNICATIVE MASS MEDIA PRACTICES OF MODERN STUDENTS' AUDIENCE

Summary

The article deals with features of communicative practices of students' audience interaction with channels of visual information: TV films or movies. The author considers the specific character of visual communicative practices is defined by 1) different effects and consequences of communicative space visualizations; 2) formative characteristics of students' age, gender differences, standards of life of their families, future professional orientations and also by general socio-cultural context of their life.

Key words: communicative space visualizations; communicative practices, mass audience, genre preferences, elements of movies successful perception

УДК 316.74:7

Д. О. Дубицкая, аспирантка
кафедры социологии Института социальных наук,
Одесского национального университета им. И. И. Мечникова
кв. 79, ул. Щорса 125/2, г. Одесса-36, 65036, Украина,
+38 048 716-70-70, dasha_wyst@mail.ru

ФУНКЦИИ КИНЕМАТОГРАФА В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Данная статья посвящена исследованию некоторых социальных функций кинематографа и их роли в социальной регуляции трансформирующихся систем. Комплексное использование социологических и психологических теорий позволяет на конкретном примере фильмов “Брат” и “Брат-2” рассмотреть способы формирования определенной социальной мифологии в период общественных трансформаций. Автор считает, что важнейшей чертой “массового” кино является использование архетипов коллективного бессознательного.

Ключевые слова: функции кино, мифологическое мышление, архетипы

Постановка проблемы в общем виде

Согласно структурно-функциональному подходу, представленные в фильмах образцы символики и действия имеют отношение к состоянию общественной системы и к структурным категориям публики. Они выполняют определенную роль в процессах системы (стабилизации, трансформации, дестабилизации) и имеют отношение к структурным категориям социума [1, с. 98]. Сейчас, когда социальные трансформации в странах СНГ перешли на новый этап развития, интересно по-новому взглянуть на фильмы, которые еще недавно были “культовыми” и изучить, какие значимые функции в обществе они выполняли и продолжают выполнять. Для “постперестроичного” периода поиск героя приобрел особую остроту и символический смысл. Герой того времени воплощал в себе традиции изображения героев американским кинематографом с новыми формирующими стандартами “нашей” жизни, с проявлением наиболее ярких национальных черт и с идеями патриотизма (фильмы “Нежный возраст”, “Брат”, “Брат-2”, “Бригада”). Характерно, что сегодня фильмы о герое перестали снимать. Почему же он нужен был тогда? Ю. Сорока в статье “Возвращение героя” отмечала, что в то время принципиально важно было ответить на вопросы “Кто я?” и “Кто мы?”, а это невозможно без обращения к прошлому, причем как индивидуальному, так и всего общества в целом [2]. Кинематографические картины помогали зрителям найти утраченные идентичности и заново переосмыслить культурно-исторический этап пережитого периода “перестрой-

ки". Таким образом, фильмы о герое выполняли ряд важных социальных функций.

Анализ публикаций по данной проблеме

Позволяет нам выделить основные функции кинематографа, а также механизмы воздействия кино на зрительскую аудиторию. В литературе встречаются различные виды оснований для классификации функций кино, а также бесконечный ряд самих функций [1, с. 48]. Однако их можно свести в три основные: художественную, социальную или социально-психологическую и психологическую функции. В них можно выделять различные подфункции. Художественная функция наиболее сложна в определении — она связана с искусством — явлением сакральным, иррациональным, дающим глубокое интуитивное и целостное понимание вещей. Социальные и социально-психологические функции включают в себя следующие подфункции — гносеологическую, идеологическую, коммуникативную, адаптивную и т. д. Функционально-психологический анализ акцентирует внимание на таких психологических функциях киноискусства, как эскапистская, компенсаторная и катарсическая [1, с. 102]. *Неразрешенной проблемой* остается создание структурированной, синтезирующей различные подходы к изучению кино, теории, а также отрыв теории от эмпирических исследований. Цель данной статьи — применить социологический и психологический подходы к изучению кино посредством анализа конкретного фильма, что позволит развязать проблему практического применения теоретических построений. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть некоторые значимые социальные функции киноискусства и их роль в социальной регуляции в пределах постсоветского пространства;
- определить специфику воздействия кино на зрителя;
- применить теоретические разработки к анализу фильмов, характеризующих современный культурно-исторический этап.

В ходе исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

- “постсоветское” кино как “зеркало” общества воспроизводит образы, характерные и необходимые для формирующихся социальных систем;
- эффективность воздействия кино на зрителя объясняется влиянием кино на уровне бессознательного.

Объектом для исследования выбраны фильмы “Брат” и “Брат-2”, так как эти фильмы являются определенным этапом в культурной жизни общества как для зрителей России, так и для всего постсоветского пространства. **Предмет** исследования — функции кино о герое в трансформирующихся обществах.

“Возвращение героя”, по мнению Ю. Сороки, восполняет дефицит сильного героя и самоуважающей идентичности [2]. Такой герой оправдывает социальные ожидания. По одному из отзывов в прессе о герое фильмов “Брат” и “Брат-2”: “Данила Багров с его дембельской метафизикой пред-

ставляет классический миф о прошлом герое — который прикрывает сперва первого встречного слабого, потом собственного брата, потом чужую по сути женщину, а потом страну-нацию-мироздание. На самом деле по киношным меркам (которые так сродни сказочным) все эти подвиги есть не более, чем защита собственного достоинства. На фоне остальных фильмов того периода, только “Брат” с его поэтизацией нехитрого принципа: “Мир — это Война” обладал романтической цельностью и внятностью” [3]. По мнению М. Корецкого, мифологическое мышление активизируется в переходные и переломные периоды развития общества, когда появляется необходимость в замене одних ценностей и норм на другие. Перемены вызывают в психике людей чувства незащищенности, растерянности и желание найти точку опоры. Для человеческого сознания создание мифа особенно важно, так как вера является не только социальным, но и антропологическим феноменом. Драматургия мифа должна быть простой, когда многозначность сводится к однозначности схем и стандартов, а человек усваивает готовые представления о мире. М. Корецкий сводит типологию современных социальных мифов к двум основным сюжетным линиям: мифы-идеалы и эсхатологические мифы или мифы-ужасы. Мифы-идеалы выступают как нормативные модели в период нестабильности и непредсказуемости, когда у людей возникает потребность в позитивном герое. В кризисные периоды, когда на первый план выходят такие настроения, как смятение, бессилие, страх, паника, злоба, агрессивность, апатия, как раз и формируется так называемое катастрофическое сознание, которое выступает основанием для возникновения мифов-ужасов [4]. Отметим, что в западных кинотрадициях принято выпускать всевозможные фильмы-катастрофы, которые, кстати, пользуются большой популярностью. Во время “перестройки” в кинематографе нашей страны преобладала так называемая “чернуха”. Таким образом, создание мифов-идеалов, которыми являются фильмы “Брат” и “Брат-2”, знаменовало собой преодоление кризиса и начало становления новой идеологии и новых ценностей и в то же время обращение к корням и национальной идее.

Ю. Сорока отмечает также еще одну характерную черту для успешного процесса проекции-идентификации — это наличие хронологического кода в фильмах. Это “подключает к восприятию фильма иные дискурсы, конституирует поколение, связывает в единой нарративной схеме прошлое и настоящее, “до” и “после” эпохи социальных катаклизмов, разломов, аномалий. Мост во времени восстанавливает для героя самотождественность в трансформации” [2].

Таким образом, подтверждается зависимость между символическими образами кино и социальной структурой общества, проявляется важная функция кино — *функция “отражения” действительности*. Создавая определенную картину мира и являясь носителем социальной информации, пропагандируя определенные ценности и нормы, кинематограф осуществляет также *идеологическую функцию*. Образ героя- мужчины — это своего рода кинематографическая традиция, которая репрезентирует мас-

кулинность общечеловеческой культуры, когда герой изображается в трехмерном пространстве, в то время как женщина является собой лишь иконический знак, помогающий глубже раскрыть образ героя. В то же время для стабилизирующегося общества значимость мужского героя определяется как символ мужского начала. Женское начало как символ созидания, преемственности, традиционности отходит на второй план, так как переходный этап общества нуждается в активной направляющей силе, в действии, преобразовании, изменении. Родственной идеологической функции является *мифологическая*. Соотнесение понятий “миф” и “социальный миф” как разновидность мифа к понятию “идеология” различно в разных источниках, начиная от отождествления, пересечения и заканчивая установлением отношений подчинения между понятиями [5; 6; 7]. В данной работе мы не ставим перед собой задачи решения этого вопроса. Нас интересуют то, что основой мифа и идеологии является мифологическое мышление.

“Массовое” кино использует общечеловеческие, изначальные образы и мотивы, которые К. Юнг называет архетипами. В этом заключается популярность “массовых” фильмов и их влияние на общественное сознание, в воздействии на коллективное бессознательное. “Когда воспроизводятся фантазии, они уже не основываются на личных воспоминаниях, речь идет о манифестациях более глубинного слоя бессознательного” [8, с. 71]. “Массовое” кино, являясь одним из видов “массового” искусства, не имеет автора как новатора и представляет собой, по мнению Дж. Фиске, “ресурс-банк потенциальных значений”, в котором тексты-оригиналы являются всего лишь нарративными структурами, не сохраняющими свой первоначальный смысл [9]. По мнению Жан-Луи Бодри, процесс воздействия кинематографа на зрителя заложен в феномене двойной идентификации. Идентификация с репрезентируемым персонажем осуществляется помимо воли зрителя и является вторичной; первичная идентификация — это отождествление взгляда зрителя со взглядом субъекта видения. В результате этого процесса зритель “одолживает” и ту идеологическую позицию, которую камера как субъект видения олицетворяет [10, с. 282]. Можно предположить, что особенность “массового” кино состоит в том, что зритель не просто “одолживает” идеологическую позицию, он сам является ее носителем.

Рассмотрим пример использования архетипов “свой” и “чужой” в фильмах “Брат” и “Брат-2”, где идентификация главного героя фильма Данилы является ключевой темой и, многократно повторяясь, воспроизводит миф о братстве. Принадлежность к определенному роду, племени, тотемной группе является первым самоопределением человека. Для этого недостаточно родиться в племени, а нужно обязательно пройти обряд посвящения, который имеет социальное значение — индивид приобщается к числу полноправных членов тотемической группы [11, с. 162]. В “Брате” Данила приезжает в незнакомый город после войны, он здесь чужой, и единственной связью с новым миром служит брат, у которого он ищет поддержки. Его мир поделен на черное и белое, а люди на “своих” и “чужих”, братьев и небратьев. “Ну что, брат?!” — обращается к Даниле непонятный тип. “Ты

мне не брат” — отвечает герой, для которого понятие братства имеет сакральное значение. Особую роль в жизни Данилы играет старший брат Татарин: “Он был мне вместо отца”, — говорит Данила. Отец — это сила, основанная на правоте, которая достойна признания и уважения. Однако по З. Фрейду, отец — это еще и жестокий самец, который уничтожает восставших против него сыновей до тех пор, пока они не становятся сильнее: тогда они объединяются и убивают его [12]. Данила надеется на брата, но постепенно сам начинает защищать себя и помогает Татарину выполнять работу наемного убийцы. Благодаря своим представлениям о справедливости и чести он замещает старшего брата, проходит необходимую инициацию, не ставя перед собой такой цели. Брат же, напротив, не выдерживает испытания и гибнет как авторитет, так как приоритетным для него являются личные интересы. О смене ролей говорят следующие эпизоды: в начале фильма “Брат” мать направляет младшего брата к старшему, а в части “Брат-2” уже Данилу она ставит в пример Татарину, и теперь старший брат едет за помощью к младшему. Таким образом, миф о братстве поднимает две проблемы — неоднородность и полярность социального мира, который состоит из “своих” и “чужих” и трудности самоопределения и социализации в этом мире, а также принципы распределения силы и власти между людьми.

С точки зрения психологического анализа востребованность фильмов о герое обуславливается компенсаторной и катарсической функциями. Подтверждением *компенсаторной функции* является появление фильмов, восполняющих “дефицит” на героя. *Катарсическая функция* проявляется в снятии напряжений психики индивида. По мнению З. Фрейда, цивилизованный человек живет в социальном мире многовекторности, толерантности, который не дает реальному выходу ненависти. Многие западные психологи считают, что фильмы с насилием способны снять довольно высокую степень враждебности и агрессии [1, с. 103].

Итак, мы выделили и рассмотрели две социальные функции кинематографа — отражения действительности и идеологическая, которые играют значительную роль в период нестабильности социальной системы и которые необходимы для конструирования новой реальности. При этом важное место занимают психологические, такие как компенсаторная и катарсическая функции кинематографа, так как в период трансформаций человеческая психика становится хрупкой и уязвимой. Мифологизация мышления также является важным показателем социальных процессов в обществе и обычно проявляется тогда, когда необходимо сформировать целостную картину мира. Она помогает преодолеть мозаичность, разорванность реальности и придает ей смысл.

Литература

1. Жабский М., Тараков К., Фохт-Бабушкин Ю. Кино в современном обществе: Функции-воздействие — востребованность. — М., 2000.
2. Сорока Ю. Возвращение героя //Социологический журнал. — 2003. — № 3.

3. www. s-bodrov. narod. ru
4. Корецкий М. Миф в системе социальной регуляции. — www. philosophy. ru
5. Попова И. М. Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. — К., 2000.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. — М., 1995.
7. Лобок А. М. Антропология мифа. — www. edunet. ru
8. Юнг К. Психология бессознательного. — М., 1998.
9. Современные концепции эстетического воспитания. — www. philosophy. ru
10. Малви Л. Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф //Антология гендерных исследований// — Минск, 2000.
11. Анисимов А. Этапы развития первобытной религии. — М-Лен, 1967.

Д. О. Дубіцька

кафедра соціології Інституту соціальних наук
Одесського національного університету ім. І. І. Мечникова
кв. 79, вул. Щорса 125/2, м. Одеса-36, 65036, Україна

ФУНКІЇ КІНЕМАТОГРАФУ У ПЕРІОД СУСПІЛЬНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ

Резюме

Ця стаття присвячена дослідженню деяких соціальних функцій кінематографу та їх ролі в соціальній регуляції систем, що трансформуються. Комплексне використання соціологічних і психологічних теорій дозволяє на прикладі фільмів “Брат” і “Брат 2” розглянути засоби формування певної соціальної міфології у період суспільних трансформацій. Автор вважає, що однією з головних рис “масового” кіно є застосування архетипів колективного несвідомого.

Ключові слова: функції кіно, міфологічне мислення, архетипи

D. O. Dubitskaya,

sociology department of Institute of Social Sciences,
Mechnikov National University of Odessa
apt. 79,152/2 Shehors str., Odessa-36, 65036 Ukraine

THE SPECIFIC NATURE OF CINEMATOGRAPHY FUNCTIONS DURING SOCIAL TRANSITION

Summary

The following article is devoted to cinematography social functions researching and their role in the social regulation of transforming systems. The author considers the movies “Brother” and “Brother 2” as actual examples of the use of integrated sociological and psychological theories that allow seeing the creation ways of certain social mythology during social transformations. In the article is supposed the most important features of “mass” movies are the use archetypes of collective instinctive.

Key words: the functions of cinema, the mythological thinking, archetypes

УДК 316.74:7

С. В. Романенко, канд. соц. наук, доц. кафедры социологии ИСН ОНУ
к. 40, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. 68-60-92, e-mail: romanenco@raco. net

О ТОЛПЕ, ФЛЕШМОБЕ И ЗАДАЧАХ СОЦИОЛОГИИ

Широкое распространение информационных и коммуникативных технологий на базе компьютерной техники вызвало появление новых форм социального взаимодействия. В статье предлагается социологический анализ явления флешмоб (“мгновенная” толпа), рассматриваются его формы, причины возникновения и перспективы развития.

Ключевые слова: флешмоб, моббер, толпа.

Октябрь 2003 года, Москва, станция метро “Чистые пруды”, памятник Грибоедову, воскресенье. Ровно в 16.30 около 200 человек одновременно зажигают фонарики, сгибаются пополам и начинают что-то искать, заглядывая под скамейки, автомобили и даже памятник создателю “Горе от ума”. Слышины диалоги:

— А что вы здесь ищете?
— Да вот, у друга черепашка убежала, надо срочно найти!

Ровно через пять минут после начала “спектакля” фонарики гаснут, собравшиеся почти незаметно расходятся, оставив в недоумении присоединившихся добровольных помощников [6].

6 сентября 2003 года, Одесса, супермаркет “Сильпо” на Французском бульваре. В 14.55 в одну и ту же кассу выстраивается длинная очередь (от 80 до 100 человек), каждый из которых покупает один бублик, отходит от кассы, надкусывает его и произносит: “Yes!” [1]. Участники акции, а также наблюдавшие журналисты были задержаны органами правопорядка.

Из отчетов о проведенных акциях флешмоба

Отдавая дань требованиям, начнем с *постановки проблемы*. Учитывая явное снижение темпов совершенствования вычислительной техники в последние 3-5 лет, неожиданным явились почти невероятное ускорение и распространение информационных и коммуникативных технологий на базе компьютерной техники. Новые идеи и формы как виртуального, так и реального социального взаимодействия возникают, распространяются, приобретают массовый характер и трансформируются столь быстро, что у социологов практически нет возможности проводить серии исследований, накапливать информацию и формулировать на их основании фундаментальные закономерности. В связи с этим задачи социологии как науки, изучающей различные типы социального взаимодействия, значительно расширяются. Растет спрос на небольшие ситуативные социологические

теории, которые изучают то или иное явление с момента возникновения и формулируют прогноз дальнейшего его развития. Это тем более важно, что прогнозы и предостережения социологов в последнее время подозрительно часто сбываются.

В связи с этим основная *цель* данной статьи — произвести социологический анализ сравнительно нового явления — флешмоб (“мгновенная толпа”), изучить его характерные черты и особенности как вида социального действия и социального поведения. Для этого предполагается решить некоторые *задачи*, а именно: 1) рассмотреть сущность, формы, разновидности и степень распространенности этого явления; 2) сопоставить “мгновенную” толпу с социологическими теориями толпы, выявить их сходство и различия.

Флешмоб — это когда в определенном месте в четко определенный момент времени вдруг собирается толпа незнакомых людей, совершают вполне безобидные, но маловероятные в обычной ситуации действия и также вдруг исчезает. Это яркая и обычно абсурдная акция с заранее подготовленным и четко расписанным сценарием, длительность её, как правило, до 5 минут [6]. Для флэшмоба важен эффект внезапности и случайности, когда до конца непонятно, сговорились ли окружающие люди или просто наблюдается эффект странной синхронизации. Важное правило акции — никто не должен знать друг друга. Подготовка проходит в строжайшей тайне, порой даже с явками и паролями. Зачастую мобберы узнают на Интернет-форуме только места, где находятся агенты с информацией о самой акции.

Первая акция флешмоба была проведена в Нью-Йорке в июне 2003 г., первый российский флешмоб произошел 15 августа того же года, а 16 августа 2003 года был подготовлен и проведен первый киевский флешмоб в торговом центре “Глобус”. Одесса “примерила” новинку также оперативно: 30 августа в 17.05 скульптуру клоуна Рональда около привокзального Макдональдса окружила скорбящая толпа в черном, каждый в руках держал по два цветка. После возложения цветов толпа мгновенно исчезла.

Считается, что возникновение флешмоба впервые описал (и, собственно говоря, спровоцировал его массовое распространение по всему миру) американский социолог, изучающий виртуальные сообщества, Говард Рейнгольд в книге “Smart Mob: The Next Social Revolution”. Анализируя использование Интернета и мобильных телефонов для организации коллективных акций по свержению режима президента Филиппин, а также для победы президента Ро Му Хена на выборах в Южной Корее, автор попытался прогнозировать дальнейшее использование глобальной сети в подобных целях [7].

Само предположение о возможности существования умной толпы не могло остаться незамеченным, и вскоре компьютерщик из Сан-Франциско Роб Зазуэта создал сайт, на котором первые мобберы начали договариваться о встречах. В течение следующих двух месяцев появилось несколько сотен таких сайтов на разных языках, счет флешмобов в мире пошел на тысячи, теперь уже на десятки тысяч [3]. Запрос о “флешмобе” с использованием

только одной поисковой системы выдал список из 3208 сайтов и 175751 документа. Акции подготавливаются и проводятся с удивительным постоянством и интерес к ним пока только растет.

При этом *научных исследований и публикаций*, посвященных изучению этого явления, очень и очень мало. В основном это статьи журналистов, ставших очевидцами таких акций, либо отзывы участников. Книгу Г. Рейнгольда также трудно считать исследовательским проектом, поскольку она во многом оказалась организатором флешмоба и причиной его распространения. Интересным исключением является статья председателя ассоциации пользовательских сетей телекоммуникаций "Сети без границ" М. Кордонского "Всемирная материализация виртуалов" [3], в которой содержится анализ некоторых мобберовских акций и предлагается объяснение их действий стремлением перенести виртуальное общение в реальный мир. В работе "Соціальні риси мережних спільнот" [9] В. Щербина рассматривает данное явление как иллюстрацию, подтверждающую существование сетевых сообществ, в котором прослеживаются их характерные черты. В настоящей статье планируется обратить внимание на флешмоб во всех формах его проявления и попытаться выделить общие черты, характеризующие его как социальное явление.

Анализ специальных мобберовских страниц всемирной паутины позволяет ближе познакомиться с этой "новинкой". Акции проводятся с разной частотой. Например, киевский форум [2] проводит подобные акции раз в две недели по выходным (хотя бывают и исключения). Время суток — днём или вечером, что говорит о том, что мобберам все-таки нужны зрители! Подробный сценарий готовящейся акции появляется на главной странице сайта за несколько дней до неё. В это же время делается рассылка по e-mail, на которую можно подписаться на главной странице сайта. В флешмобе может участвовать любой, если он соблюдает правила и не преследует каких-либо противоправных целей. "Моб не решает никаких проблем, не имеет отношения к политике или рекламе. Единственная цель акции — это получение удовольствия участниками" [6].

Интересный факт связывает флешмоб с "оранжевой революцией" [4]. 25 октября 2004 года с электронного почтового ящика orange_string@ukr.net разошлось письмо с призывом использовать оранжевую ленту и оранжевый цвет как способ демонстрации своего личного выбора и гражданской позиции. "Лист за день потрапив до десятків тисяч користувачів електронної пошти й дав старт ініціативі "Помаранчевий тиждень". Люди пересилили лист одному, розповідали про його зміст друзям і знайомим, які не користуються Інтернетом, про нього написали ЗМІ. Кажуть, що саме ця акція започаткувала "помаранчеву моду" кінця минулого року, перерісши в помаранчевий листопад і в помаранчеву революцію" [4]. Продолжение этого флешмоба было организовано 25 октября 2005 года. С этого же почтового ящика было разослано письмо, авторы которого призывали прийти на майдан Незалежности в 19.00 с оранжевой символикой, чтобы "на годину-две знову відчути дух революції, поспілкуватися між собою, повер-

нути ті відчуття, які переживали торік. Помаранчевий флешмоб — це не політична акція. Просто прийди, посміхнися, згадай свій Майдан і як усе починалося” [4]. По свидетельству очевидців акція дійсною состоялась, в ній участвувало близько 20 людей, які постояли недовгое вре- мя і вскоре разошлись.

Несмотря на то, что авторы акций настаивают на том, что они не преследуют никаких целей, целерациональность флешмоба всё-таки очевидна. Это противопоставляет флешмоб “классической” толпе, которая традиционно считается силой иррациональной. Г. Рейнгольд, в зависимости от поставленной цели, делит флешмобы на политические, рекламные, “fun” (для удовольствия) и “art” (ради искусства) [7].

Правила флешмоба на разных сайтах повторяются в различных вариациях, но сводятся к следующим основным положениям. Приходить и уходить вовремя — секунда в секунду. Не смеяться, не общаться с другими мобберами. Не привлекать к себе внимания до начала акции — необходимо создать ощущение, что толпа возникла ниоткуда и исчезла никуда. Никакой самодеятельности — всё четко по сценарию. Иметь при себе удостоверение личности, быть трезвым и вменяемым, не создавать и не вступать в конфликты. Отдельным пунктом выделяется обращение к прессе: “Госпо-да, ваш открытый интерес к происходящему может испортить эффект про- ведения акций. Очень просим вас осуществлять съемку таким образом, чтобы оставаться максимально незаметными для участников акции и слу- чайных зрителей. Надеемся на ваше понимание. Флешмоб не стремится к саморекламе. Никому не будет пользы, если флешмоб канет в Лету. Одна-ко это неизбежно произойдет, если о нем узнает подавляющее большин-ство населения планеты, которое мы с любовью называем “прохожими”. Флешмоб должен удивлять. А если кричать о нем во всех средствах массо-вой информации, это будет невозможно”.

Цель этих правил — создать “умную” толпу, предполагающую рацио-нальное поведение индивидов, в котором сочетаются цели с осознанными интересами, четко сконструирован план действий. Именно поэтому необ-ходимы точность соблюдения сценария и синхронность. Требование “не общаться с другими мобберами” призвано исключить механизмы подражания, заражения и внушения, которые являются основой для иррациональ-ного поведения и способны “умную” толпу превратить в “обычную”. Сохра-няется только физический контакт — близость других индивидов, созна-ние непреодолимой силы благодаря большой численности участников и наполнение каждого невидимой, но ощущимой энергией, о которой пишут практически все, кто участвовал в флешмобах. Отсутствие единого руково-дителя акции, коллективное составление сценария и инструкций должно уберечь участников от подчинения чьим-либо целям, дает возможность каждому в равной мере ощутить себя творцом и, тем самым, сохранить “чувство ответственности”, которое по Г. Лебону исчезает у участников “обычной” толпы.

Не хочется строить мрачные прогнозы, но все же стоит отметить, что

столь эффективная социальная технология организации “мгновенной толпы”, опирающаяся на современные средства коммуникации, может оказаться весьма небезопасной. Это мощное оружие, которое может быть использовано в различных, не всегда “благородных” (развлекательных) целях. Коммерческие или политические флешмобы уже стали реальностью. Необходимо также помнить, что за организацией каждого флешмоба стоят конкретные люди со своими интересами и целями. Участники флешмобов рисуют, поскольку всегда есть опасность, что этим ничего не стоящим и эффективным методом управления воспользуются криминал или террористические организации.

Именно поэтому с течением времени формы и разновидности флешмоба значительно расширяются. В новых его формах, по мнению участников, становится больше осмыслинности и желания заставить задуматься других. Например, “буккроссинг”, его цель — превратить мир в одну большую библиотеку. Одни буккроссеры оставляют книги в самых разных местах — на скамейке в парке, в кафе, просто на улице; для других главное — вовремя увидеть сообщение о книжке и прийти в нужное место. Начало этому положил американский специалист по Интернет-технологиям Рон Хорнбергер. Он оставлял книги где ни попадя и через Интернет просил нашедших не полениться написать на его сайт и по возможности сочинить рецензию.

“Атаки” мобберов — это уже не шуточная безвредная акция, когда, например, планируется в одно и то же время отправить письма по одному адресу либо одновременно зайти на сайт. Примерно два года назад такая атака почти вывела из строя DNS-сервер российского e-mail сервиса.

“Герилья” — это материализованный аналог виртуальной игры в солдатики. Разноцветные солдатики, нарисованные через трафарет автомобильной краской, появляются на стенах домов. Задача участников — как можно масштабнее обозначить свое присутствие на улицах. Обязательное наличие у солдатика овальной подставки рассчитано на то, чтобы сделать его безобидной игрушкой. В сети Интернет действуют реальные карты “захваченных” городов с обозначенными местами расположения “пришельцев”. Для того чтобы признать территорию оккупированной войсками той или иной армии, необходимо разрисовать как можно больше городских стен.

Некоторые авторы, в том числе М. Кордонский [3], считают флешмоб “материализацией виртуалов”. Флешмоб — “феномен, уникальное явление, новый жанр коммуникации. Вне зависимости от “содержания” акции. И только, абсолютно исключительно, в своем классическом определении — как совместное действие незнакомых между собой людей. В этом феномене заложен гигантский потенциал быстрого общения и просто энергетический заряд созидающей энергии”. По мнению психологов, новое поколение, которое с детства приучено не разговаривать с незнакомыми людьми, просто не готово к “живому” общению, поэтому оно нашло форму материализации виртуального общения.

Безусловно это так, с этим невозможно не согласиться. Но не только материализация здесь важна: неоднократно акции флешмоба проводились

исключительно в виртуальном пространстве. Например, перевод немецкими поклонниками Гарри Поттера пятой книги, в которой принимало участие более 700 человек; написание операционной системы Linux и программ для неё; примеры флешмоба из книги Г. Рейнгольда (о них говорилось выше); уже упоминавшиеся атаки мобберов и т. д. Интересной разновидностью виртуального флешмоба являются надписи, оставляемые на бесплатных открытках или журналах в кафе с просьбой продолжить эту акцию. Здесь материализация так и не происходит, общение остается виртуальным, и даже Интернет оказывается ни при чем. Авторы такого развлечения настаивают на том, что это именно флешмоб, но уже в обновленном интеллектуализированном варианте [8].

Характеризуя далее флешмоб как вид социального действия, необходимо, согласно М. Веберу, соотнести его с субъективным смыслом. Все описанные выше акции, которые определяются как флешмоб, объединяет одна характерная черта. Их цель — сотворить что-либо эпатирующее, необычное, неподобающее в реальном мире, абсурдное с точки зрения здравого смысла, идущее против общепринятых правил и норм, но в принципе не запрещенное законом. Интернет долгое время был “местом, где свет”, где можно было существовать не только вне законов общества, но также вне правил и норм, навязываемых индивиду различными социальными институтами. Он оставался единственной реальной территорией свободы. Сейчас подрастает поколение, которое впитало этот “либертарианский дух” и пытается “освободить” реальный мир, внести в него частицу виртуальной свободы, материализовать ее в невероятных действиях и поступках и, тем самым, доказать ее возможность. Поэтому флешмоб, который впервые был описан ещё в 60-е годы фантастом Ларри Нивеном, оказался столь актуален именно сейчас!

Кстати, одесский “бубличный” флешмоб (от 6. 09. 2003 г.) попал в историю! Он был первым в мире, при котором участников акции задержали представители органов милиции. Через час после задержания перестала работать часть сайта *flashmob. od. ua*, посвященная этому мобу, и функция сайта, ведающая регистрацией новых участников [3]. Символично, что произошло это именно в Одессе, которая при двух империях считала себя хранительницей духа либерализма. Но зато “похороны демократии”, которые были организованы как флешмоб в мае 2005 года на Куликовом поле, прошли абсолютно мирно под пристальным вниманием милиции и прессы.

Анализируя последствия для социальной системы (Р. Мerton) как результат социального действия, следует отметить, что флешмоб — это также способ показать, что общество может организовываться самостоятельно, без участия государственных органов, которые зачастую навязывают организованные действия индивидам, заставляют действовать против их воли. М. Кордонский отмечает, что “стихийная самоорганизация масс опасна для властей, так как выпускает на свободный рынок “товар”, конкурентоспособный в нише, на монополию, в которой они претендуют” [3]. По мнению Г. Рейнгольда, флешмоб — провозвестник “умной толпы”, способ-

ной на организованные действия без участия специальных организационных структур, действующей на основе осознания необходимости совместного действия ее участниками [7]. Парадокс заключается в том, что самоорганизация современного украинского общества находится на достаточно низком уровне, но в виртуальном пространстве все оказывается куда более благополучно. Интернет и информационные технологии оказались эффективным инструментом самоорганизации общества. Флешмоб доказывает, что функции, которые ранее считались прерогативой институтов власти, сегодня могут выполнять рядовые пользователи Интернета.

Подводя *итоги*, следует отметить, что флешмоб — социальное явление, которое благополучно существует уже два с половиной года, и за это время превратилось в хорошо отработанную социальную технологию, которая заслуживает пристального внимания и изучения специалистами-социологами. Поэтому необходимы социологические исследования, которые не только рассматривали бы его как иллюстрацию к более общей теории, но следили бы за этим явлением, фиксировали те черты и формы, которые оно приобретает с течением времени.

Література

1. <http://flashmob.od.ua>
2. <http://fmob.kiev.ua>
3. <http://forum.od.ua>
4. <http://gazeta.lviv.ua>
5. <http://white-donkey.narod.ru>
6. www.flashmob.ru
7. www.flashmob.spb.ru
8. www.provokator.com.ua
9. Щербина В. Соціальні риси мережних спільнот // Соціальна психологія. — 2005. — № 2 (10). — С. 139-149.

С. В. Романенко

кафедра соціології ІСН ОНУ

к. 40, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

ПРО НАТОВП, ФЛЕШМОБ ТА ЗАВДАННЯ СОЦІОЛОГІЇ

Резюме

Широке розповсюдження інформаційних та комунікативних технологій на базі комп’ютерної техніки викликало появу нових форм соціальної взаємодії. У статті запропоновано соціологічний аналіз явища флешмоб (“миттєвий” натовп), розглянуто його форми, причини виникнення та перспективи розвитку.

Ключові слова: флешмоб, моббер, натовп

S. V. Romanenco

department of sociology ISS ONU
r. 40, Francuzsky blv. 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

ABOUT THE MOB, FLASH MOB AND THE TASKS OF SOCIOLOGY

Summary

The wide-spread of the informational and communicative technologies based on the computers is causing of appearance the new forms of social interaction. The article is devoted to the sociological analysis of the flash mob, its forms, its causes of appearance and the perspectives of its development.

Key words: flash mob, mobber, mob

УДК 316.733

Т. И. Кривошея, ст. преп.

кафедры социологии ОНУ им. И. И. Мечникова
к. 40, Французский бульвар 24/26, г. Одесса, 65058, Украина.
Тел. 80975121662, e-mail: kalateya@tekom.odessa.ua

МОДА КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Статья посвящена изучению основных подходов к социологии моды. Автором рассматриваются теории Г. Зиммеля, Т. Веблена, П. Бурдье, З. Баумана, Ж. Бодрияра. Изложена суть теории Р. Барта, который считает, что целью моды является превращение иррационального в естественное при помощи создания “вестиментарного кода” или костюма, представляющего собой подвижную систему сигнификаций. Также представлена точка зрения автора на современную моду как специфический феномен.

Ключевые слова: мода, престижное потребление, модность, символ, симулякр

Подтверждением актуальности изучения моды в социологии может служить тот факт, что уже в 19 веке, с момента зарождения социологии, мода стала предметом исследовательского интереса. Среди выдающихся социологов, отводивших изучению моды важное место в своей работе, можно назвать Г. Тарда, Г. Спенсера, Г. Зиммеля, В. Зомбарта, Т. Веблена, Г. Блумера, П. Бурдье.

Каждая из классических концепций отразила социальную сущность моды такой, какой она была в определенную эпоху. Современная же мода представляет собой специфический феномен, поскольку предстает в качестве индустрии. Мода как индустрия — это организованное на принципах рациональности специализированное производство современных моделей. Существенным является то, что производится одновременно и модель (образец) и, собственно, “**модность**”, понимаемая как современность, оригинальность, новация и эстетическая ценность (*вместе* данные признаки бывают присущи только “великим” модным артефактам, таким как new look Диора или низкая талия брюк Версаче). “**Модность**” соответственно проявляется как стремление к непохожести, индивидуальности, с одной стороны, и следование общему для всех “духу времени”, *l'air de temps*, — с другой.

Можно сказать, что нынешний модный образец — форма, существующая как реально — *модель-человек и модель-вещь* так и виртуально как определенная переживаемая сила (“*острота*”) модности. На это, по-видимому, и указывает Ж. Бодрийяр, говоря о “приоритете моделей над реальностью”. В современном мире моды процесс распространения образцов через референтные группы симулируется. Модели в журналах и телерекламе

подаются не просто как вещь определенного размера, цвета, фактуры, а как желаемый образ социального статуса, межличностных отношений. Фотографы и дизайнеры озабочены не столько показом всех черт моделей, сколько созданием вокруг нее виртуальной социальной среды. Включаясь в процесс смены модных образцов, люди не столько приобретают и используют вещи, сколько приводят в движение модели социальной реальности. *Мода, поскольку она становится индустрией, есть процесс воспроизведения социальной реальности в виде ее симуляции.*

С другой стороны, мода также создает границы между “модной” и “немодной” частями социального пространства и, соответственно, между модными и немодными людьми, находящимися в них. В модной части социального пространства развивается быстротекущий процесс смены потребительских моделей, исполняющих роль символов “современности” и престижности. В немодной части процессы потребления идут гораздо медленнее. Здесь нет безудержной гонки. Здесь действует совершенно иная логика выбора — логика самовыражения, ориентирующаяся на экономические возможности личного потребления. Эти две части социального пространства *взаимно идентифицируются* их участниками с помощью категорий “мы” и “они”.

Идентификация “модный человек” влечет за собой соответствующую динамическую потребительскую практику: мониторинг модных процессов (например, чтение модных журналов, просмотр соответствующих телепередач, отслеживание состояния улицы или своей среды), адаптацию модных новинок применительно к собственным телесным, интеллектуальным, культурным и финансовым возможностям, управление собственным бюджетом и т. д. Идентификация “из тех, кто не считают моду ценностью” влечет за собой практику игнорирования модных процессов, ориентацию на иные ценности: функциональность, полезность, долговечность и т. д.

Социальная и экономическая теория частично испытала не себе влияние исходящей от моды тенденции разделения потребления на “престижное-модное”, с одной стороны, и “функциональное-утилитарное” — с другой. Рациональный подход к анализу потребления *ad hoc* включает в себя доходящую до уничижения критику моды. Своебразное первенство в этом принадлежит Т. Веблену, который рассматривал моду как вид потребления и как выражение классовых и половых ролей при индустриальном капитализме. По мнению Веблена, добившиеся успеха представители среднего класса утверждали свой социальный статус, одевая жен во все более вычурные одежды, которые исключали для них даже возможность какой бы то ни было работы. “Все без труда согласятся с той банальностью, что люди всех классов, подвергая себя расходам на одежду, большей частью делают это не для того, чтобы защитить свою персону от холода, а ради респектабельного внешнего вида”, говорит классик.

Он гневно обрушился на “глупейшую нерациональность” женской одежды, буквально заставляющую вести праздную жизнь. Праздность женских представителей среднего класса и портновские изыски становились

все более значимыми символами богатства и важности мужей [1, с. 167–187]. Сущность теории Веблена о праздном классе, которая и сейчас, спустя почти сто лет, продолжает пользоваться популярностью, состоит в том, что одежда обслуживает рациональную потребность человека, а одевающиеся “по моде” угрожают этой ее функции.

Представители феминистической теории также являлись сторонниками рациональной одежды, так как они рассматривали моду как средство угнетения женщин. Женщин либо принуждали скрывать от глаз черты собственной сексуальности (как в случае одежды времен Филиппа Второго в Испании, когда женскую грудь прижимали стальными пластинами, вшитыми в платье, и прикрывали сверху огромными плиссированными воротниками, общими для мужской и женской одежды); либо, наоборот, заставляли носить корсеты, декольте, турнюры на узкой юбке и туфли на высоких каблуках, и все для того, чтобы выглядеть сексуально привлекательными для мужчин. Женщины, таким образом, всегда являлись жертвами мужских пристрастий и причуд в одежде, которые мучают и уродуют женское тело. В соответствии с этим представлением многие феминистки, начиная с XIX века и до сего времени, выступают против индустрии моды и ратуют за введение рациональной (*unisex*) одежды.

Ученые-исследователи структуралистской школы (Э. Сепир, Б. Уорф) добавили критики в адрес рациональной основы происхождения одежды. Они утверждают, что человеческое тело не просто биологический организм с естественными потребностями, но особая социальная конструкция. Человеческие существа наделили свое тело сложным и подчас противоречивым культурно-социальным содержанием, менявшимся на протяжении веков. Понять его можно, только “расцепив” сложное сплетение социальных, культурных, экономических и политических составляющих, которые влияли на представление человека о своем теле и о предметах его украшения.

Вслед за структуралистами Э. Лури, американский социолог, рассматривает одежду как язык, причем иррациональный, посредством которого индивидуумы общаются на уровне подсознания.

К этому же направлению принадлежат исследователи, связывающие одежду исключительно или в первую очередь с сексуальностью (Ж. Бодрийяр). Сексуальность рассматривают как еще один аспект иррационального в человеческом существовании. В западном обществе с его постоянным подавлением сексуальных желаний именно одежда выражает эти неудовлетворенные желания, причем самыми разными способами. Многообразные стили акцентируют различные части человеческого тела, создавая “подвижную эрогенную зону”; некоторые предметы одежды эротичны сами по себе и когда их носят напоказ, выражают эротическое намерение — явное или, наоборот, “репрессированное”.

Но, рассматривая моду как главным образом иррациональное явление, можно упустить из виду целевой и креативный элементы одежды. Согласно иррационалистам, мода не может выражать сознательный эстетический импульс носителя одежды, ибо превращает всех носящих одежду в жертвы

их собственных подсознательных желаний и чувствований. “Иrrациональный” подход лишает моду также истории. Вместо явления, возникающего из сложного переплетения социальных, художественных и экономических факторов, мода превращается в вечного заложника индивидуального или группового подсознательного.

С точки зрения Э. Уилсон, мода должна рассматриваться как неотъемлемый аспект современного мироощущения (modernity). Мода — элемент искусства, общения и бытовой культуры нашего мира. Она отражает функциональные потребности человека, творческое стремление к воспроизведству индивидуальной и групповой идентичности, стремление “выделиться” и стремление “быть как все”. Мода таким образом играет роль *связующего звена между высоким искусством и массовой культурой*, будучи в то же время тесно связана с промышленным капиталом. Под “современным мироощущением”, согласно Уилсон, понимается сущность культурного и субъективного опыта капиталистического общества с его противоречиями. Это мироощущение задает путь экономического развития, но одновременно урезает возможность индивидуального развития и общественного сотрудничества. Оно также подразумевает неуемную жажду перемен, характерную для культурной жизни общества индустриального капитализма, ту “жажду нового”, которая так хорошо выражается модой.

Мода не смогла бы быть тем, чем она является в современном обществе, если бы не возникли такие черты капитализма, как четкое разделение труда и отдыха, реклама, рационализация труда, технический прогресс, а также массовые средства связи и распространения информации. Все эти новые факторы возникли в ходе промышленной революции вкупе с новым политическим ферментом, привнесенным Великой французской революцией. Так что под модернизмом подразумеваются (согласно З. Бауману) не только культурные и интеллектуальные течения, которые ассоциируются с этим термином, но также социальные, экономические и политические тенденции, которые помогли становлению современного общества.

По определению Г. Зиммеля, мода — “одна из многих форм жизни, посредством которых тенденция к социальному выравниванию соединяется с тенденцией к индивидуальному различию и изменению в единой деятельности”. С одной стороны, мода рассматривается Зиммелем как феномен зрелищный, эстетический и призрачный — выражающий “внешнюю форму согласия”; с другой — как факт социальной дифференциации и изменения. В складчатости этих “сторон”, “тенденций” и состоит, по мнению основоположника формальной, или чистой социологии, суть моды как социальной формы.

Р. Барт также интерпретирует моду как язык — закрытую произвольную систему с относительными значениями. Барт считает, что целью моды является превращение иррационального в естественное при помощи создания “вестиментарного кода”, или костюма, представляющего собой подвижную систему сигнификаций.

Уже в конце 50-х — начале 60-х годов Р. Барт задался вопросом: “Поче-

му она (мода) помещает между вещью и ее пользователем столь роскошное богатство слов (не считая зрительных образов), столь плотную сеть смыслов?" Ответ автора "Системы моды" кажется простым: "Причина носит экономический характер. Расчетливое промышленное общество вынуждено воспитывать безрасчетных потребителей; если бы производители и покупатели одежды были равно сознательны, то одежда покупалась (и производилась) бы лишь по мере своего весьма медленного износа; мода в одежде, как и все моды, зиждется на неравенстве двух сознаний — одно из них должно быть чуждо другому. Чтобы заморочить расчетливое сознание покупателя, необходимо прикрыть вещь сетью образов, вызывающей аппетит субстанцией, одним словом, создать подобие реальной вещи, подменив тяжеловесное время износа другим, высшим временем, которое вольно и властно уничтожает само себя в акте ежегодного потлача" [2. с. 10-35].

Зрелищность и призрачность моды, так же как и ее "подобность реальной вещи", не являются отрицательной характеристикой таковой. Ведь, во-первых, без моды жизнь оказалась бы скучной и безрадостной: дар зрелища, освобожденный и пожертвованный (потребленный) в "высшем времени", будит Воображение, заставляет Желать, утверждает Идеал. Во-вторых, демистификация магичной зрелищности моды в реальностях классовой структуры оборачивается лишь и только новой модой. В своем сочинении о моде Зиммель не случайно подметил, что "религия, научные интересы, даже социализм и индивидуализм были вопросами моды".

Мода, рожденная в складке "идеалов" и интересов социальных групп, указывает на мнимость дилеммы "объективное-субъективное" и требует сохранения альтернативности в пути исследования социальной формы. В этом удержании альтернативности состоит искусство революции (от лат. *revolvere*) — цезурированного переплетения внешне выраженного и реального. Только такие переломы, по мнению великого Стагирита, услаждают душу, даря миру красоту. Именно в красоте выражено то, что вмешает и позволяет прикосновение и проникновение, разделение и распределение, сопряжение и усиление — исполняет логос.

В зрелищности моды пребывает исполнение логоса. И *диалог* суть способа исполнения такового. Диалог в его первоначальном и исконном значении: *dia* — разделение, распределение, сопряжения и усиления; *logoz* — слова. Мода в таком случае есть форма явленности диалога: зрелища, в котором ставится дарение слова и принятие в дар (приношение в жертву) слов во исполнение того, что было вначале, во избавление от тоски и мучений.

Иллюстрацией символического в социальной жизни выступают феномены "дара", "жертвоприношения", которые соотносятся с понятием "обратимость". О наличии символического в обществе свидетельствует существование "обратимых", а не "эквивалентных" отношений. Яркие примеры у обратимых отношений Бодрийяр находит в архаическом обществе, в первобытных формациях. Находясь под влиянием известной работы М. Мосса "Очерк о даре", в которой французский антрополог в феномене дарения в первобытном обществе увидел противоположность социального и экономи-

ческого обменов, когда “все — пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги — составляет предмет передачи и возмещения”, Бодрийяр строит свою модель идеально-го социального устройства. Социальный обмен в первобытном обществе не всегда означал, что подаренная вещь может быть замещена другой, в этом можно было бы видеть прообраз экономического обмена. В северо-западных американских племенах существовала такая форма дарения, когда во время зимних празднований нерационально уничтожались все произведенные племенем запасы, что среди антропологов получило название “потлач”. В некоторых видах потлача от человека требуется истратить все, что у него есть, и ничего не оставлять себе, самый богатый оказывается и самым расточительным. Такая форма отношений является для Бодрийяра образцом символического отношения.

Современное общество ориентируется на специфического рода ценности. На ценности, которые и не являются ценностями в традиционном смысле слова. Выразить эти новые ценности и призвано понятие “симулякр”. Симулякр предстает продуктом недискурсивного языка, где обозначающее и обозначаемое не являются реlevantными. Диапазон значения симулякра охватывает не только сферу слов и вещей, а и сферу человеческих существ и социальных поступков [3, с. 105-106].

У современного симулякра есть своя история. Она начинается с того времени, когда появляется первая подделка. Мода и подделка, считает Бодрийяр, рождаются одновременно в эпоху Возрождения. Подделку не следует рассматривать только как некое ухищрение преступного сознания. Эпоха Возрождения с ее культом театральности создает целую “метафизику подделки” (знаменитые потолки-небосводы и фальшивые окна Корреджо и Веронезе). Подделка присутствует на всех уровнях, начиная с некоторых элементов одежды и кончая лепными интерьерами. Она имеет смысл только благодаря различию между сущностью и видимостью и не претендует на то, чтобы окончательно подменить собой реальность и истину.

Подводя итоги данного анализа подходов, можно закончить следующим утверждением: “Чтобы увидеть сущность проблемы, пишут С. и Е. Юэн, необходимо соотнести феномен моды с общим миром культуры, в котором она возникает. Это элемент политического компромисса между конформистскими и революционными тенденциями. Это фундамент, на котором каждый раз заново строится классовое, национальное и половое самоопределение людей. Мода существует в контексте индустриального развития; она тесно увязана с развитием потребительского капитализма и общества массовой культуры. *Через моду люди выражают себя как индивидуально, так и коллективно*”.

Литература

1. Веблен Т. Теория праздного класса. — М., 1984.
2. Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры
3. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. The University of Michigan Press, 1994.

Т. І. Кривошея

кафедра соціології ОНУ ім. І. І. Мечникова,
к. 40, Французький бул. 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

МОДА ЯК ПРЕДМЕТ У СОЦІОГУМАНІТАРНИХ ШТУДІЯХ

Анотація

Стаття присвячена вивченню основних підходів до соціології моди. Автором розглядаються теорії Г. Зіммеля, Т. Веблена, П. Бурдье, З. Баумана, Ж. Бодріяра. Викладена суть теорії Р. Барта, який вважає, що метою моди є перетворення ірраціонального в природне за допомогою створення “вестиментарного коду”, або костюма, що є рухомою системою сигніфікації. Також представлена точка зору автора на сучасну моду як специфічний феномен.

Ключові слова: мода, престижне споживання, модність, символ, симулякр

T. I. Krivosheya

Department of sociology, Odessa national University,
r. 40, French Bul., 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

THE FASHION AS A SUBJECT IN HUMANITARIAN STUDIES

Summary

The article focuses on defining the basic approaches in studies of fashion. Author examines the G. Zimmel, T. Veblen, J. Baudrillard, R. Barthes theories. Essence of theory of Barthes, which considers that transformation is the purpose of fashion from irrational into natural through creation of “vestimentary (dress) code”, which is understood as the flexible significations’ system. The point of view of author is similarly presented on a modern fashion as specific phenomenon.

Keywords: Fashion, demonstrative consumption, fashionableness, symbol, simulacra

УДК 316.723

Е. Я. Москвичева, асистент кафедры социологии,
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии,
к. 40, Французский бул. 24/26, Одесса-58, 65058, Украина,
тел. дом. 80482 522011.

ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВА КАК ПРОСТРАНСТВО ГРУППОВОГО ВЗАЙМОДЕЙСТВИЯ

Данное исследование в области социальной коммуникации характеризует предметное поле конкретной проблемы, связанной с исследованием особенностей интерактивных взаимодействий, возникновения разнообразных Интернет-сообществ в сети Интернет. Сеть Интернет начинает играть все большую значительную роль в качестве института становления человека как личности.

Ключевые слова: Интернет-сообщества, социальная коммуникация, киберпространство, групповое взаимодействие

Оттенки коммуникации, ее виды, модели, функции, методы коммуникативного анализа, сферы применения чрезвычайно разнообразны. Термины — коммуникация, общение, диалог, дискурс, коммуницируемость, интерактивность — становятся все более емкими по своему содержанию и смыслам. Данное исследование в области социальной коммуникации характеризует предметное поле конкретной проблемы, связанной с исследованием особенностей интерактивных взаимодействий, возникновения разнообразных Интернет-сообществ в сети Интернет. Сеть Интернет начинает играть все большую роль в качестве института становления человека как личности. В киберпространстве пользователь усваивает образцы поведения, социальные нормы и ценности данного общества. Можно говорить о формировании “цифрового тела” человека наряду с физическим (индивидуом) и социальным (личностью). В условиях глобализации, объединения информационно-коммуникативных процессов, имеющих наднациональную и надкультурную направленность, происходит также выработка соответствующего типа личности. Ведущей его чертой является универсальная коммуникативная способность, делающая личность способной к коммуникации независимо от конкретной социально-политической среды существования. Рассуждая по этому поводу, украинский исследователь О. В. Одаренко замечает, что “в электронном пространстве доминанта принадлежит фикциям, а не конкретным личностям. Одна из задач современной социологической теории состоит в классификации типов (идеальных типов) пользователей компьютеров, в особенности тех, кто работает с глобальными электронными сетями, а также в адекватном описании их характерных черт. Мы считаем, что такие пользователи де-

лятся как минимум на три категории, которые условно можно обозначить как “кибер-анархисты”, “кибер-авантюристы” и “кибер-прагматики”. Именно они создают виртуальные общины в обществе, в котором стратификация начинает происходить на основе по признаку владения информацией. ... Поведение первых двух категорий компьютерных пользователей, которые идентифицируют себя как “фаны”, представляет собой новый вид аномии. И кибер-анархисты и кибер-авантюристы, среди которых есть много творческих личностей, в определенной степени культурно и политически заангажированы”. [1]

Виртуальное пространство изначально выступает формой внутренней эмиграции, девиантного поведения. Первопроходцами здесь становятся представители нового поколения, объективно находящегося в состоянии социализации, не имеющего собственного места в социальной структуре и потому склонной ее к изменению, ориентированные в силу этого на социальный негативизм. Идеологией первопроходцев выступает постмодернизм, постулирующий отсутствие личности в онтологическом смысле. Соответственно способы самоидентификации носителей такого мировоззренческого принципа ориентированы на принятие анонимности общения как естественного факта. Поэтому компьютерная сеть Интернет населяется деиндивидуализированными виртуальными персонажами, разнообразными асоциальностями.

Виртуальные личности несколько шокирующие выглядят в силу необычности технологической стороны коммуникации — пользователь сети Интернет общается с тем, кого нет “на самом деле”. Однако любая личность конструктивна в том смысле, что она есть некоторое целое, существующее как бесконечная совокупность пространственно-временных ситуативных проявлений. Личность не тождественна с “телом”. Общество перестало признавать существование нетелесной “личности” — закономерно, что вслед за этим всякая “личность” стала пониматься как проявление “тела”. Можно различать наряду с “естественными” и искусственные личности — сюда можно отнести героев, богов, персонажей художественной сферы, к ним относятся и электронные личности. Существенное отличие киберличности состоит в том, что она более динамична с точки зрения восприятия и порождения глобальных культурных взаимодействий. Как субъект социального действия такая личность менее опосредована инерционностью массива культуры, более непосредственно включена в глобальное взаимодействие. Подобно тому как литературные герои влияют на социальное поведение людей, киберличности становятся существенным фактором социальной жизни будущего. Компьютерная сеть Интернет дает индивиду как в детстве возможность существовать в виде расплывчатой личности, более того — изменчивость ее превосходит имеющиеся в сегодняшней культуре границы. Один индивид может совершенно нормально в отличие от традиционного общества, где это либо патология, либо принадлежность узких профессиональных групп, либо временных социальных — как в случае с карнавальной культурой иметь не-

сколько “личностей” — представляясь в одном случае интеллектуалом, в другом — пиратом, а в третьем неискушенной девушкой. Появляется новый тип социального субъекта, менее обусловленный физическими свойствами индивида и его групповой принадлежностью, историческим интерьером, личность вне пространственно-временной определенности. Таким образом формируется задача выработки способов освоения нового пространства и изучения субъектностей в нем.

В. А. Кутарев считает, что в виртуальном пространстве формируется процесс возникновения на планете Земля “бтм” — бесприродного технического мира, искусственной абиотической реальности как новой среды обитания людей. Эта реальность творится человеком и по мере накопления сотворенного отпадает от него, развиваясь самостоятельно. Первоначально появляясь как острова или пятна, эта среда, непрерывно наступая из будущего, окружает природу извне и выхолащивает изнутри. Часть и целое, элемент и система, организм и биоценоз взаимообусловлены и искусственное окружение не может не трансформировать человека в соответствующее себе состояние как в телесном, так и духовном плане [2]. Вершиной торжества искусственного стало появление компьютерной реальности, субстанция которой не вещи, а отношения. Это уже “искусственное искусственное”, гиперискусственное — искусственное-2. Новая субстанция мира проявляется на всех его уровнях и формах. “Компьютер — символ высокоэффективного интеллекта с ограниченными герменевтическими способностями. Компьютер может вычислять и решать сложнейшие проблемы и тем самым обеспечить функционирование сложных комплексных систем. Человек в этом контексте — это биокомпьютер, космос — космокомпьютер, Бог — внешний (трансцендентный) по отношению к космосу компьютер, давший ему программу и цель. Назвав человека компьютером, указывают на отсутствие у него нравственных и эстетических понятий, эмоциональной культуры, на его машинность, бессердечность, бездушность. Отсутствие у компьютера “души” и “духа”, “сущности” и “глубины” не исключает наличие в нем “индивидуальности” и “характера”, то есть “внешних” характеристик личности” [3]. Торжество искусственного в отношениях между людьми трансформирует общество в социотехническую систему, заменяя непосредственное общение его членов коммуникацией. Связывая людей информационно, коммуникация разделяет их эмоционально. Человекообразный робот или гомутер (гомо + компьютер) является субстанциально живым, природным, функционально и духовно он становится роботообразным, искусственным. С превращением техники из средства деятельности в субстанцию, создается особый мир — Технос с технокультурой или киберкультурой. К. Ясперс отметил: “Ницше набросал следующие черты своей эпохи и будущего: машина в ее действии как образец существования; подъем масс и их нивелирование, театральность жизни, где все должно и нет, по существу, больше ничего значимого, дурман вместо мышления в качестве жизненной атмосферы — “Бог умер” [4].

Возникающие Интернет-сообщества или, иначе говоря, киберкоммуни-

кативные сообщества в сети Интернет являются продолжением традиционных социальных сообществ (пользователи информационно-аналитических, финансовых, коммерческих, научных структур), возникающих нетрадиционных сообществ, которые именуются “киберсоциумами”, “виртуальными” или “онлайн-сообществами”, киберкоммуникативных сообществ или “киберобщин”. Социальный смысл возникновения киберсообществ проявляется в том случае, если существует возможность какой-либо формы идентификации индивида или группы, причем степень ее строгости может быть самой различной — от псевдонима до полных данных с адресом и местом работы. Обязательно наличие механизмов контроля: морально-психологического, экономического, юридического, политического. Фактором, подтверждающим существование группы, является наличие той или иной истории. Это может быть и история будущего, из чего выстраивается основание идентификации в рамках совместной деятельности. Условием существования киберкоммуникативного сообщества выступает также сама возможность влияния его членов на формирование правил коммуникации. Самым важным фактором киберсообщества выступает единство целеполагания и достигаемое на этой основе взаимное доверие. Участники киберкоммуникативных сообществ выступают в этом отношении сектой избранных, движущихся в будущее, на фоне которого все индивидуальные различия, остающиеся от настоящего, мыслятся несущественными. Киберпространство предполагает возможность включения индивида, живущего в локальном сообществе со своими социокультурными, экономико-политическими характеристиками, традициями и этическими особенностями, в сообщества, создаваемые в рамках иных сообществ. С этой точки зрения суть проблемы в том, чтобы суметь воссоздать киберкоммуникативное сообщество, соответствующее сложившемуся традиционному социальному сообществу, создать в сетевом континууме соответствующую социальную структуру.

Участники любого Интернет-сообщества несут с собой очень важный багаж знаний, умений, правил поведения, особенностей общения — все то, что в конечном счете определяет жизнь любого Интернет-сообщества, все то, с чем приходится работать профессиональному по развитию Интернет-сообществ. Эти особенности поведения в сообществе определяются, формируются в ходе обычной ежедневной off-line деятельности участников сообщества или их жизнедеятельности (если сообщество не носит ярко выраженного профессионального характера). Переживания, мысли, ценности, нормы, которые выносят люди из своей ежедневной деятельности, и становятся причиной, побуждающей их участвовать в жизни Интернет-сообщества: обсуждать, делиться с коллегами, критиковать и т. п. Как только участники сообщества “теряют” связь со своей off-line, “не-Интернет” деятельностью, перестают выполнять профессиональные задачи вне Интернета — жизнь Интернет-сообщества становится формальной и неинтересной, а деятельность — неэффективной. Довольно часто бывает, что человек, которым все восхищаются как профессионалом, оказывается довольно тривиальным и неинтересным, как только речь заходит о его обычной жизни, бытовых

мелочах и т. п. Также и наличие в Интернет-сообществе участников, занимающихся непосредственно и профессионально деятельностью в той сфере, вокруг которой организовано сообщество, значительно обогащает жизнь Интернет-сообщества, содержательность дискуссий, интенсивность общения, эффективность взаимодействия участников. Поэтому основой любого Интернет-сообщества является деятельность, которую ведут “off-line”, вне Интернета его участники.

Наличие согласованных и принятых норм и правил взаимодействия участников совместной деятельности позволяет рассматривать их как единую группу, организованную вокруг той или иной сферы деятельности. Таким образом, наличие этого “группового сознания” у участников сообщества (и Интернет-сообщества в частности) обусловливает результативность их взаимодействия, успешность деятельности участников сообщества, эффективность деятельности Интернет-сообщества в целом.

Другой важный момент появления группы, сообщества связан с тем, что нередко установленные нормы совместной деятельности, общие принципы, приоритеты, ценности его участников становятся цennыми сами по себе, вне связи с деятельностью участников вне Интернета, вне сообщества (например, средневековые цеховые уставы ремесленников являются истинным кладезем профессиональной, житейской и общественной мудрости и философии). На наш взгляд, это может быть очень опасной тенденцией с точки зрения эффективности сообщества, поскольку в этом случае теряется связь участников с деятельностью вне Интернета. Совместные нормы и принципы, выработанные сообществом, являются лишь средством для организации взаимодействия и могут быть цennыми только в этой функции.

Итак, Интернет-сообщество — это группа людей, использующих Интернет как базовое средство для организации пространства группового взаимодействия участников. Ключевыми для нас в этом определении являются понятия группы, группового взаимодействия, пространства группового взаимодействия, средств организации пространства группового взаимодействия и Интернета как средства организации пространства группового взаимодействия. Сильной стороной Интернет-сообществ можно назвать легкость формирования связей, слабой — трудности идентификации индивида. В сети легко быть анонимным, но непросто доказать свою аутентичность. Персонификация и формирование иерархических уровней тесно связаны. Простое собрание людей в одном месте А. Андреев, В. Волошин называют одноранговым сообществом [5]. Одноранговое сообщество легко организуется при наличии удобных сервисов общения. В одноранговых сообществах аутентичность пользователей автоматически формирует иерархию. Обычно это двухуровневая иерархия: новички и “деды-авторитеты”. Не требуется даже специальных инструментов аутентификации, так как члены сообщества знают друг друга “в лицо”. К основным минусам таких сообществ следует отнести неуправляемость и короткое время жизни. Иерархически структурированные сообщества более управляемы и долговечны. Специальные инструменты и методы организации позволяют решить проблему аутен-

тичности членов сообщества и сформировать иерархические уровни. В таких сообществах легче происходит накопление и обобщение группового опыта и возможна его удобная презентация (рейтинги) в отличие от одноранговых сообществ, в которых происходит преимущественно обмен индивидуальным опытом.

Следует отметить, что все пользователи компьютерной сети Интернет являются участниками различных киберкоммуникативных сообществ в контексте молодежной субкультуры. Суть этой субкультуры состоит в том, что в среде компьютерной сети Интернет изменения различных принципов и технологий происходят гораздо быстрее, чем в реальном мире. Субъективный смысл времени здесь тесно связан со скоростью изменения в мире. Поэтому время в контексте киберкультуры существенно ускоряется. Приобретает новое значение сама “контактность”: можно общаться с людьми из всех слоев общества. Регистрируя сообщение на Usenet, пользователь компьютерной сети Интернет может составлять списки из числа других пользователей, образуя из них группы, которые соответствуют его интересам. Используя поисковый сервер сети, он ищет среди других людей подобных себе, конструируя в киберпространстве свою собственную реальность, занимаясь построением своих виртуальных идентичностей, составляя их из множества отобранных личностей, образов, мнений, мыслей и идей. Таким образом, компьютерная сеть Интернет обладает мощными инструментальными средствами для поиска, фильтрации и закрепления коммуникационных контактов. Компьютерная сеть Интернет способствует объединению пользователей в киберкоммуникативные сообщества благодаря своим уникальным возможностям: помимо упомянутой географической дистанции анонимный характер Интернет-коммуникации позволяет преодолевать расовые, возрастные, половые и физические преграды, открывая качественно новый способ асинхронных коммуникаций, снимая, в свою очередь, ограничения временных поясов и распорядка дня. Интернет-коммуникации имеют выраженный “эффект запоминания” благодаря возможности записи сообщений. На этих базовых тезисах строится развернутая схема дополнительных возможностей, которые способствуют взаимопониманию, толерантности и готовности принять чужие взгляды и различия; выработка общих ценностей. С. Г. Туронок обращает внимание на отсутствие социальной солидарности в подобных киберкоммуникативных сообществах, присутствие духа солипсизма, порождаемого виртуальной реальностью, содержащий процесс общинного строительства. Он выделяет ряд факторов, которые ограничивают коммунитарные перспективы “виртуальной общины” или киберкоммуникативного сообщества: анонимность, так как этот важнейший атрибут Интернет-коммуникаций по самой своей природе является неблагоприятной средой для проявления таких общинных качеств, как взаимодоверие, взаимоуважение, взаимоответственность; социальное давление — неосознаваемый нормативный ресурс общения лицом к лицу, играющий важнейшую роль в развитии социальной солидарности и ответственности между людьми; лежащие в основе этого эффекта механизмы

мы “стремления к поощрению” и “избегания осуждения” не имеют прямой связи с содержанием информационного обмена между индивидами и носят в значительной мере ирациональный характер; нестабильность взаимосвязей, абсолютная легкость смены круга общения, “текучка” членов киберкоммуникативных сообществ в противоположность реальным субкультурам, текучесть состава которых имеет естественные географические, институциональные ограничения [6].

Дефицит этих качеств ощущается достаточно остро именно в тех киберкоммуникативных сообществах, которые не имеют реальных взаимосвязей вне компьютерной сети Интернет. Они присутствуют в достаточной степени в тех реальных субкультурах, которые используют сетевые технологии как дополнительное средство коммуникации: научные, профессиональные сообщества, группы друзей и т. д. На начальном этапе развития Интернет-аудитория отличалась сверхпредставленностью высокообразованных, социально и политически активных профессионалов: программистов, ученых, журналистов, политических лидеров. Эти профессиональные сообщества значительно нарастили свои политические и организационные, мобилизационные ресурсы благодаря новым возможностям сетевых коммуникаций. Они принесли с собой в киберпространство сложившиеся профессиональные нормы, этику, модели взаимоотношений, а также гуманистические и демократические идеалы. Для этой категории пользователей сети новые коммуникативные возможности действительно открыли блестящие перспективы в уже сложившемся контексте взаимодоверия, солидарности, общих ценностей. Между тем в последние пять-семь лет качественный состав аудитории компьютерной сети Интернет претерпел принципиальные изменения: превращение сети в средство массовой коммуникации способствовало резкому снижению образовательного, возрастного, профессионального, материального и культурного уровня аудитории сети Интернет. Общедоступный характер компьютерной сети Интернет делает ее объективным зеркалом общества, отражающим порой самые низменные стороны человеческой природы.

Обобщая, можно сказать, что киберкоммуникативные сообщества можно отнести к двум основным категориям: профессиональные сообщества. К этой категории относятся программисты, ИТ-специалисты, профессионалы СМИ (рекламисты, дизайнеры и т. д.), бизнес-сообщества, предлагающие бизнес-консалтинг по любым вопросам. Вторая категория — непрофессиональные сообщества. К ней относятся искусственно созданные сообщества на базе медиа-площадок, порталов; сообщества увлеченных людей (хобби), объединенных любимой музыкой, литературой, кино; Интернет-аукционы; развлечения для взрослых (потребители); пикаперы — сообщества, основанные на идее знакомства и развития отношений с противоположным полом; клиенты dating-агенств — сообщества, основанные на идеи поиска партнеров для замужества, женитьбы, флирта, секса; blog (live journal)-сообщества, основанные на идеи ведения дневников (жизнеописания, нарративы, эссе).

Сеть Интернет несет глобальные и глубинные трансформации человеческой культуры. Перед социологией культуры и социологией в целом возникает целый комплекс методологических и специальных социокультурных проблем, связанных с симбиозом традиционной культуры и технокультуры как Интернет-культуры. Итак, компьютерная сеть Интернет становится интегральным средством интенсификации влияния культуры на социальные процессы, катализатором ускорения обмена информацией.

Литература

1. Одаренко О. В. Парадокси можливих світів у свіtlі соціологічної теорії (щодо постановки питання) // Проблеми розвитку соціологічної теорії: Наукові доповіді і повідомлення першої всеукраїнської соціологічної конференції / Соціологічна асоціація України, Інститут соціології НАН України; М. О. Шульга (наук. ред.) та ін. — К., 2001. — С. 305.
2. Кутырев В. А. Пост-пред-гипер-контр модернизм: концы и начала // Вопросы философии. — 1998. — № 5. — С. 138.
3. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В. Андреева и др. — М.: Локид; Миф. — 576 с. — “AD MARGINEM”. — С. 249.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1991. — С. 157.
5. Андреев А., Волошин В. Перспективы сообществ в Интернете. Доклад представлен на Российском Интернет форуме, Москва, Лесные Дали, 24 марта 2005 г. <http://www.webplanet.ru/news/internet/2005/2/14/ylj.html>
6. Туронок С. Г. Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. — 2001. — № 2. — С. 52.

Є. Я. Москвичова

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології,
к. 40, Французький бул. 24/26, Одеса-58, 65058, Україна

ІНТЕРНЕТ-ТОВАРИСТВА ЯК ПРОСТІР ГРУПОВИХ ВЗАЄМОДІЙ

Резюме

В Україні формується нове соціокультурне середовище. Воно базується на соціокультурних трансформаціях, що відбуваються в українському суспільстві. В сучасних умовах першочерговим завданням є інформатизація суспільства. Цей процес знаходиться в прямій залежності від розвитку Інтернету. За допомогою Інтернету маємо можливість інтесифікувати соціокультурні перетворення.

Ключові слова: Інтернет-товариства, соціальна комунікація, кіберпростір, групова взаємодія.

Y. Moskvicheva

Odessa Mechnikov National University,
Institute of social sciences, chair of sociology, 35, French avenue 24/25,
Odessa — 58, 65058, Ukraine.

INTERNET — COMMUNITY AS SPACE OF GROUP INTERACTION

Summary

In Ukraine new social-cultural environment is formed. It is based on social-cultural transformations occurring in the Ukrainian society. In modern conditions a prime task is the information of the society. This process is in direct dependence on development of the Internet. Through the Internet the opportunity more intensive social-cultural of transformations opens.

Keywords: Internet community, social communication, cyberspace, group interaction

УДК 316.7:316.34:316.62

Л. В. Стоянова, аспирантка

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра социологии
к. 22, пр. Ак. Глушко, 15, г. Одесса-104, 65104, Украина,
т. (8-0482) 444-862, e-mail: luba_s@ukr.net

СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ: МНОГОУРОВНЕВЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ ВЛИЯНИЯ

Обосновывается необходимость комплексного подхода к анализу категории "социальное здоровье". Эмпирически доказывается влияние системы институциональных, социальных и индивидуальных факторов на социальное здоровье общества.

Ключевые слова: социальное здоровье, факторы влияния, социальные ресурсы, персональные ресурсы, системные ресурсы

Повышенный интерес в мировом сообществе в течение последних десятилетий вызывают проблемы социальной обусловленности здоровья населения, в том числе социальных функций и структуры организаций здравоохранения и медицины. Качественные характеристики здоровья в значительной мере определяют образ и стиль жизни различных социальных групп населения: уровень их социальной, экономической и трудовой активности. В то же время проявляется и обратная зависимость: стиль жизни человека, степень и характер его активности в быту, в трудовой деятельности, во многом определяет состояние его здоровья.

Понятие "здоровье человека", отражая результат многочисленных и многовековых усилий, воплощает в себе требования практической жизни и деятельности людей в соответствии с критериями и нормами сформировавшейся культуры. В изучение феномена здоровья внесли свой вклад ряд дисциплин. С точки зрения медицинской, модель здоровья предполагает преимущественно изучение биосоциальных свойств и качеств человека. Характеристикой социального здоровья считаются оптимизация болезней, профилактика заболеваемости. **Биомедицинская модель** рассматривает здоровье как отсутствие органических нарушений и субъективных ощущений незддоровья. В понятие здоровья **биосоциальной модели** включаются как биологические, так и социальные признаки, которые рассматриваются в единстве. Понятие здоровья, сформулированное ВОЗ, соответствует **ценно-стно-социальной модели**, где здоровье рассматривается как ценность для человека, необходимая предпосылка для полноценной жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, участия в труде и социальной жизни. Психосоматическая и поведенческая медицина, а также психология здоровья при всей специфиности собственных подходов сходятся в том, что здоровье и болезнь есть результаты взаимодействия биологичес-

ких, психологических и социальных факторов. Эта идея получила развитие в **биопсихосоциальной модели здоровья**.

Социологический подход к здоровью основывается на данных медицинских и психологических показателей здоровья. Социология фокусирует внимание на выявлении различий в уровнях здоровья между сложившимися в обществе устойчивыми социальными группами: социальными классами, демографическими группами (половыми и возрастными), семьями и другими.

При этом, с нашей точки зрения, понятие социального здоровья общества необходимо рассматривать не как простую сумму здоровья индивидов, а как качественно иное, интегративное образование. С нашей точки зрения — это **совокупное здоровье нации, региона, складывающееся в результате целенаправленной социальной политики, деятельности специализированных учреждений здравоохранения, общественных организаций и стратегии социальных групп (их интеллектуальных, волевых и психосоциальных свойств и качеств) по поддержанию равновесия между природной и социальной средой**. В этом случае острием противоречий и предметом изучения является ускользающее состояние динамического равновесия. Для обозначения его в реальных структурных характеристиках требуется фиксация тех элементов, которые тормозят взаимодействие указанных сред или, напротив, приводят к оптимизации этого состояния.

В ходе изучения социальных практик здорового образа жизни, индивидуальных самосохранительных стратегий нами проведен поиск интегрированных социокультурных показателей, опосредующих уровень социального здоровья общества. На основе теории Штайнкампа, интерпретированной и расширенной автором, раскрывается картина многоуровневой обусловленности здоровья.

Поведенческая медицина, обращаясь к **ответственности каждого человека за свой стиль жизни**, не всегда учитывает материальный, социальный и культурный контекст. Индивидуальная стратегия жизни, при всей её вариативности, имеет в основании физическую и материальную составляющую. Для диагностики состояния общественного здоровья важны как качество и уклад жизни в конкретной стране, так ответ на вопрос о том, какие ресурсы могут быть мобилизованы.

Г. Штайнкамп, ссылаясь на Клауса Хорна, указывает, что поведение индивида должно интерпретироваться на основе смысловых структур, стоящих за этим поведением [1, с. 133]. Условия жизни являются объективными причинами нужды, чувств отчуждения и отвращения, но главное в том, что они воспроизводят стереотипы потребления определенной пищи, сигарет и алкоголя, наркотиков и медикаментов.

В психологических концепциях социального здоровья главный акцент ставится на понятиях и социальных практиках “ситуаций”. Они рассматриваются как существенная сторона стресса. В концепции нагрузок стресс и его преодоление понимаются как трансактный процесс, то есть как актуальная динамическая структура взаимоотношений индивида и ситуации.

Согласно этой концепции психический стресс и тем самым опасность ухудшения здоровья возникает тогда, когда происходит специфическая констелляция в трансакции между индивидом и окружающей средой: на основе когнитивного процесса оценки индивид воспринимает омрачающую эмоциональное состояние диспропорцию между требованиями среды и находящимися в его распоряжении ресурсами противостояния [1, 2].

Исходя из этой концепции, Г. Штайнкамп предлагает многоуровневую модель **социальной обусловленности здоровья** — объяснения неравенства в болезнях и продолжительности жизни, по которой более высокий уровень (положение в системе социального неравенства) определяет релевантные условия для других уровней (материальные и социальные условия жизни, нагрузки и социальные системные и персональные ресурсы для их преодоления) [1].

Институциональные структуры (как одна из составляющих социального здоровья), организующие медицинское обеспечение и равноправный доступ к услугам системы здравоохранения различных слоев населения, относятся к **системным ресурсам**. Состоятельные и образованные люди имеют потенциально лучший доступ к психосоциальному и врачебному обслуживанию, включая профилактические привилегии. Представители нижних социальных слоев знают скорее о медицинском обращении с заброшенной болезнью, чем осведомлены о возможностях профилактического вмешательства. Неравенство в образовании может влиять на знание о значении для здоровья превентивных мер и на соблюдение медицинских указаний.

Объем, стабильность и качество **социальных услуг поддержки как функции социальных сетей** чрезвычайно значимы для генезиса, хода и шансов реабилитации соматических заболеваний и психических нарушений. Социальный уровень как вторая составляющая здоровья — это **системная самоорганизация** в виде разного рода фитнесс, клубов, групп здоровья, медицинских клубов с фиксированием степени их доступности, распространенности и задействованности среди различных групп населения.

Индивидуальный уровень — **персональные ресурсы** — как третья составляющая социального здоровья отражает реальные модели самосохранительного поведения, уровень волевых, осознанных действий населения по поддержанию своего здоровья при объективно заданных системных и социальных составляющих. Формирование персональных ресурсов в качестве свойств личности происходит в течение всей жизни, причем встроены они в генетически детерминированную психическую конструкцию [1]. Самыми значительными конструктами — типологиями стилей жизни являются:

- внешний локус против внутреннего локуса контроля;
- наученная беспомощность;
- чувство мастерства;
- фатализм против инструментализма;
- деморализация.

Эти конструкты сосредотачиваются на объективно данной или субъективно оцененной возможности личности контролировать релевантные условия и виды деятельности соответственно собственным целям, потребностям и интересам и способности влиять на них. Соответствующий арсенал и качество **персональных ресурсов**, которые имеются в распоряжении человека в трудностях и кризисах жизни, зависит от биографически сложившихся и актуальных социальных связей, исходящих от них импульсов развития или опыта депривации.

Предметом данной статьи является **феномен социального здоровья общества** и обуславливающие его факторы в условиях становления рыночной экономики и реструктуризации системы здравоохранения в Украине.

Объектом исследования являлось население Одессы ($N = 647$, 2002). При организации выборки контролировались пол, возраст и образование респондентов. Величины квот пропорциональны их представительству в Одессе. Кроме того, использовались данные специального флюсового исследования по проблемам социального здоровья в объеме выборки 150 человек за 2001 год, представляющих специализированную группу лиц, обращавшихся за медицинской помощью в одну из городских поликлиник г. Одессы.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

- выявление степени доступности системных ресурсов для различных групп населения и оценка их востребованности при реализации моделей самосохранительного поведения;
- анализ социальных факторов, влияющих на формирование стиля жизни и стратегий самосохранительного поведения (в т.ч. институциональных и личностных);
- выявление деятельностного потенциала (установок, усилий, действий), который индивиды реализуют для оптимизации своего здоровья;
- формирование типологии поведенческих стереотипов в отношении здоровья.

Качественный уровень **системных и социальных ресурсов** анализировался через характер взаимодействия с учреждениями медицины, характер отношений с окружающими (эмоциональная поддержка), степень материальной обеспеченности семьи (один из индикаторов показателя социального неравенства).

Здоровье как жизненная ценность

В системе ценностных ориентаций респондентов **ценность здоровья** имеет наивысший индекс. Содержательный смысл здоровья соответствует его лидирующей позиции в системе ценностных ориентаций: для большинства респондентов здоровье является самым главным в жизни, все важные решения принимаются с тем, чтобы не вредить здоровью. С помощью факторного анализа ценностных ориентаций была определена доля лиц с целевой установкой на здоровье, а также — основные либеральные ценности: активную деятельность, жизненную мудрость и свободу.

Однако ценность здоровья слабо реализуется в реальных поведенческих моделях и носит скорее декларативный характер. Анализ материалов исследования показал отсутствие активных преверентных мер использования системных ресурсов по поддержанию своего здоровья в моделях самоохранительного поведения.

Согласно самооценкам, только каждый девятый примерно раз в год проходит тщательное обследование состояния своего здоровья, а каждый пятый обращается к специалисту при первых симптомах того или иного заболевания. Можно заметить, что стратегии заботы о здоровье носят стереотипный характер. Многие считают, что прием медикаментов наносит больший вред организму, чем не лечение заболевания вообще. Это можно объяснить с одной стороны низкой грамотностью относительно рисков в сфере здоровья, а с другой — низким доступом к системным ресурсам и низким качеством получаемой медицинской помощи, что формирует нежелание обращаться за ней в дальнейшем. 36,9% опрошенных стараются редко принимать медикаменты, 34,8% при плохом самочувствии обращаются к природным средствам из собственной домашней аптечки и занимаются самолечением (см. таблица 1).

Таблица 1
Целевые установки респондентов в поддержании здоровья

Стратегии поддержания здоровья	Количество ответивших респондентов, %
Примерно раз в год проводят тщательное обследование состояния своего здоровья	11,6
Не курят	44,8
Заботятся о том, чтобы как можно меньше подвергаться воздействию загазованной среды, шума	15,5
Обращаются к специалисту при первых симптомах того или иного заболевания	17
Стараются редко принимать медикаменты	36,9
При неважном самочувствии обращаются к природным средствам из собственной домашней аптечки	34,8
Заботятся о том, чтобы хорошо высыпаться	19,5

Сопоставляя институциональные, объективно обусловленные факторы социального здоровья и внутренние ценностные мотивации респондентов с их мнением о том, что в первую очередь обуславливает состояние их личного здоровья, мы получили следующую картину. Наибольшее число лиц считает, что состояние здоровья зависит от финансового положения (47,3% опрошенных); 39,7% — приписывают значимую роль качеству питания, что согласуется с выбором преобладающей частью населения здоровой стратегии питания. От эффективности работы учреждений здравоохранения в зависимость поставили свое здоровье только 18,4%.

С помощью факторного анализа мы выявили следующую типологию респондентов, представляющую более развернутую и латентную характеристику персональных (индивидуальных) ресурсов социального здоровья:

1. снимающих личную ответственность за состояние здоровья и делегирующих ее внешним факторам (заботам членам семьи, здравоохранению, финансовому положению);
2. субъектно мотивированных — возлагают вину за здоровье на себя, признаются, что не могут справиться со своими вредными привычками (ссылаются на стрессы и неправильное питание);
3. социально мотивированных — объясняют своё состояние здоровья недостаточной комфортностью бытовых условий, бытующими стереотипами и неспособностью самих себя преодолеть вредные привычки;
4. пассивных — считающих, что здоровье зависит в первую очередь от наследственности и стереотипа не идти к врачу “пока не припечет”;
5. нормативно мотивированных — с одной стороны ссылаются на учреждения здравоохранения, с другой — признают свою индивидуальную ответственность за состояние здоровья всего общества.

Удовлетворенность работой учреждений здравоохранения и оценка системных ресурсов

Результаты проведенных исследований подтвердили тот факт, что низкий индекс показателя материального благополучия (-0,4) населения влечет за собой соответствующее значение индекса показателя доступа к системным ресурсам (-0,3). Этот показатель в свою очередь влияет на степень удовлетворенности системой здравоохранения. Так, если среди респондентов с уровнем дохода ниже среднего 20,5% удовлетворенных и 39% неудовлетворенных, то среди респондентов с уровнем дохода средним и выше среднего — 19% и 13% соответственно (см. таблица 2).

Таблица 2
Соотношение материального положения клиентов больниц и удовлетворенности уровнем медицинского обслуживания

	Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи? %				
	Едва сводим концы с концами, покупаем только самое необходимое	На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды — трудность	На еду, одежду хватает, но дорогостоящие вещи не по карману	Достаточно обеспечены, но машину нам не купить	Ни в чем себе не отказываем
Не удовлетворены уровнем мед. обслуживания	39			13	
Удовлетворены уровнем обслуживания	20,5			19	

Среди основных причин неудовлетворенности медицинским обслуживанием в больницах респонденты называют следующие:

- “без денег ничего не делается” — 20,1%;

- плохие бытовые условия содержания больных — 20,6% ;
- нехватка или отсутствие необходимых медикаментов — 18,2% .

Факторным анализом были выделены два наиболее важных типа неудовлетворенности:

- неудовлетворенные уровнем медицинского обслуживания (невнимательное отношение, уровень квалификации персонала) и материально-технической базой больниц (плохое санитарное состояние и бытовые условия больниц, нехватка медикаментов и необходимость при этом за все платить);
- неудовлетворенные соотношением “цена-качество” (без денег ничего не делается, необходимость платить неофициально и при этом отсутствие необходимого оборудования).

Отрицательные индексы системных ресурсов социального здоровья согласуются с негативной картиной, раскрывающейся из статистических данных — подверженности населения различным заболеваниям [3, 4]. Медики связывают это с постоянными нервными, стрессовыми нагрузками, несбалансированным, некачественным питанием, сидячим образом жизни, курением, избыточным весом, то есть преимущественно со стилем жизни, который, тем не менее, во многом обусловлен не столько выбором индивида, сколько объективными условиями его жизни [3].

Более высокий, но также отрицательный индекс (-0,01) имеет объективный показатель социальной составляющей здоровья — характер отношений респондентов с окружающими (степень социальной коммуникативности). 16,2% респондентов предпочитают находиться наедине с собой, тогда как в кругу других людей — 14,5% опрошенных. При этом большинство предпочитает ограничить круг социальных контактов семьей (67,4%).

Персональные ресурсы и ценностные мотивации респондентов

Персональные ресурсы оценивались через показатели индивидуального уровня: степень психической и нервной напряженности, степень физической активности, оценка своего здоровья и целевые установки для его поддержания, субъективная удовлетворенность своим материальным положением, чувство доверия окружающим.

Исследованием выявлено преобладание “пассивных” физических нагрузок, “по ходу дела”, не требующих активных волевых, материальных и временных затрат. Как следствие неправильного стиля жизни и недостаточной физической активности проявляются различные виды отклонений.

Показатели физического, психического и социального факторов здоровья интегрированы в общей системе социального самочувствия. По оценкам общий индекс социального здоровья превышает индекс как психологического, так и физического здоровья. Население меньше всего склонно объяснять различные недомогания согласованными категориями социального здоровья. Высокие индексы показателей социального здоровья объясняются, по самооценкам респондентов, доверием к окружающим. В то же

время симптомы усталости, тревожности и пониженного настроения компенсируются ценностью семьи, ограниченностью круга общения членами семьи.

Результаты исследования позволили сделать выводы о замкнутом причинно-следственном круге — усталость, с одной стороны, может быть вызвана недостаточной физической активностью, с другой — способствовать еще большему ее снижению, ослабляя волевые усилия индивида. Можно говорить и о том, что низкий индекс усталости как показателя физического здоровья обуславливает такие низкие индексы психического и социального здоровья, как повышенная раздражительность и пониженное настроение, что не способствует установкам на активную заботу о здоровье, частично объясняя “пассивную” позицию респондентов.

Выводы:

Проанализировав ряд факторов, в которых проявляется действие структурно опосредованных, неодинаково распределенных системных и социальных ресурсов, можем сделать ряд выводов:

- низкий индекс материального положения делает качественную медицинскую помощь недоступной для многих людей;
- затрудненный доступ к системным ресурсам вследствие низкого уровня материального благополучия “вынуждает” для поддержания резерва здоровья обращаться к “доступным” индивидуальным ресурсам, использованию пассивных и личностно-волевых способов поддержания здоровья;
- низкая медицинская активность населения коррелирует с оценочными суждениями респондентов по поводу факторов, обуславливающих их здоровье. Большая часть респондентов не склонна делегировать ответственность за свое здоровье институту здравоохранения, связывая качество и образ жизни с финансовым положением.

При этом в моделях поведения населения внешний локус контроля преобладает над внутренним — заботу о своем финансовом благополучии население склонно возлагать на государство, считая, что собственными силами невозможно повысить материальный уровень жизни. Субъективно оцененная индивидами невозможность контролировать релевантные условия и виды деятельности соответственно собственным целям, потребностям и интересам и уметь влиять на них ослабляет результативность преодоления психосоциальных нагрузок. С другой стороны, можно сделать вывод, что под причиной “низкой финансовой обеспеченности” и “невозможности что-либо изменить” люди психологически уходят от личной ответственности за собственное здоровье — очень малая часть населения считает, что здоровье зависит, прежде всего, от собственного желания им заниматься.

Молодое поколение в обществе склонно преодолевать экстернальную позицию и отличается от старших большей готовностью отвечать за собственную судьбу. Была выявлена группа лиц, которые с одной стороны ориентированы на большее “задействование” системных и институциональ-

ных ресурсов, с другой — готовы повысить индивидуальную составляющую в борьбе человека за состояние общественного здоровья.

Сформулировав комплекс причин, обуславливающих отрицательные тенденции потенциала здоровья украинского общества, можно предложить следующий ряд мер для оптимизации ситуации.

На макроуровне необходимо скоординировать инициативы в области законодательства и здравоохранения и направить их на создание “здравых” окружающих условий, благоприятной социальной и природной среды как на локальном, так и на национальном уровне, в которых для любого человека выбор здорового образа жизни естественен и рационален. На мезоуровне в условиях рыночной экономики в нашей стране целесообразно выстраивание взаимоотношений “врач-пациент” в соответствии с принципами современного менеджмента, внедрение системы экономического анализа для рационального использования ресурсов: чтобы врач получал достойную зарплату и работал на благо пациентов.

При этом на микроуровне необходима активизация моделей целенаправленного самосохранительного поведения, формирование типа личности с внутренним локусом контроля над обстоятельствами, воспитание у населения с помощью СМК чувства ответственности за здоровье, ценностей и установок, связанных с его укреплением.

Литература

1. Штайнакамп Г. Смерть, болезнь и социальное неравенство // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1999. — Т. 2. № 1 (5). — С. 115-127.
2. Fox A. J., Goldvatt P. O., Jones D.R. Social class mortality differentials: artifact, selection or life circumstances // Ibid. — Р. 34-49.
3. Мавродій В. М. Неотложная терапия. — Одесса: Фотосинтетика, 2001. — С. 142.
4. Збірник “Статистичний щорічник Одеської області за 2004 рік”. Видання Головного управління статистики в Одеській області, вих. № 01-01-42/339 від 12.09.2005 р. — С. 424.

Л. В. Стоянова

Одеський національний університет,
Інститут соціальних наук, кафедра соціології
к. 22, пр. Ак. Глушка, 15, м. Одеса-104, 65104, Україна

СОЦІАЛЬНЕ ЗДОРОВ'Я: БАГАТОРІВНЕВИЙ АНАЛІЗ ФАКТОРІВ ВПЛИВУ

Резюме

Обґрунтовається необхідність комплексного підходу до аналізу категорії “соціальне здоров'я”. Емпірично доводиться вплив системи інституціональних, соціальних та індивідуальних факторів на соціальне здоров'я суспільства.

Ключові слова: соціальне здоров'я, фактори впливу, соціальні ресурси, персональні ресурси, системні ресурси

L. V. Stojanova

Odessa National University,
Institute of social science, Chair of sociology
fl. 22, Ac. Glushko, 15 avenue, Odessa-104, 65104, Ukraine

**SOCIAL HEALTH: MULTILEVEL ANALYSIS OF THE FACTORS
OF IMPACT**

Summary

The necessity of the complex approach to analysis of a category of "social health" is proved. The impact of system of the institutional, social and individual factors on the social health is demonstrate in empirical way.

Keywords: social health, factors of impact, social resources, personal resources, system resources

**ПОЛІТИЧНІ НАУКИ.
ПОЛІТИЧНІ ПРОЦЕСИ
І СОЦІАЛЬНА ДЕРЖАВА**

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
Дону імені І. І. МЕЧНИКОВА

УДК 321.015.001.73(477)

Ю. А. Немченко, доцент, канд. іст. наук
кафедра історії та світової політики ОНУ
к. 41, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58
65058, Україна, 68-54-61

ПОЛІТИЧНА РЕФОРМА В УКРАЇНІ В КОНТЕКСТІ КОНСТИТУЦІОНАЛІЗМУ

Процес становлення державності в Україні на демократичних засадах безпосередньо пов'язаний з втіленням в практику цінностей конституціоналізму. Оскільки в Україні на сучасному етапі відсутні достатні умови для реалізації цих цінностей, внесення змін до Конституції повинно бути політично виваженим та юридично обґрунтованим з урахуванням соціально-політичних реалій України.

Ключові слова: конституціоналізм, індивідуалізм, політична реформа, самоврядування, конституція

Соціально-політичне життя останніх років після прийняття нової Конституції України засвічує наявність не тільки певних здобутків у державно-правовій сфері, а й ряду проблем, пов'язаних, зокрема, з конституційною реформою. Дискусії щодо політичної реформи спрямовані на пошук такої моделі конституції, яка не тільки б відповідала, в першу чергу, публічному інтересу, а й надавала усім без винятку гілкам державної влади необхідну легітимність, забезпечувала б повноту, врівноваженість наданих їм повноважень. Цього можна досягти, якщо ці зміни будуть пов'язані з розвитком конституціоналізму як підґрунтя конституційних перетворень.

Проблеми розвитку конституціоналізму в Україні, в тому числі і в конституційному процесі, знайшли своє відображення в науковій літературі [1]. Оскільки конституція має особливу соціальну цінність у національній державноправовій системі, вона суттєво впливає на весь спектр економічних, політичних і соціальних відносин. Тому науковий аналіз здійснення політичної реформи через вимір конституціоналізму є досить важливим. Його важливість підкреслюється і тим, що сьогодні йде жорстка конфронтація різних політичних сил щодо реформи, складно проходить процес формування парламентської більшості, гальмується законодавчий процес, знижується авторитет державних інституцій.

Конституціоналізм має історичне коріння, що пов'язане з політико-правовою традицією, започаткованою у XVII ст. практикою найбільш розвинутих на ті часи країн. Ідеали конституціоналізму були сформовані у період боротьби з абсолютизмом у Західній Європі з метою захисту від публічної влади індивідуальних прав та свобод та унеможливлення державного свавілля [2, с. 130]. Загальноприйнятим є визначення конституціоналізму як

державного правління (управління державними справами), обмеженого за змістом конституції, як юридичного акта найвищої сили [3, с. 25]. За деякими відмінностями таке визначення конституціоналізму є універсальним, оскільки охоплює два найважливіших моменти: обмеження правління держави та верховенство права.

Оскільки конституціоналізм з'явився на Заході, цілком природно, що він є підсумком довготривалої еволюції західної культури. Тільки в межах цієї культури сутність конституціоналізму розкривається повністю і його розвиток є цілком органічним.

Безпосередні передумови виникнення конституціоналізму знаходять свій прояв в індивідуалізації всього соціального життя. Саме індивідуалізм, протиставлення індивіда суспільству є початком еволюції західної держави і, відповідно, конституціоналізму. Індивідуалізація всього соціального життя починає впливати на все суспільство [4, с. 14]. Конфлікт між індивідуалістичною державною ідеологією та традиційною державною формою (монархія) можна було розв'язати лише раціоналізацією державної форми. Раціоналізація полягала в тому, що політична свідомість індивіда повинна була мати змогу проявити себе у практичній діяльності. Особа стає здатною усвідомити, що її життя залежить від неї самої, що вона може впливати на соціальні процеси, в тому числі і на державу, і на діяльність державних органів. В той же час вона усвідомлює необхідність обмеження особистої свободи заради розвитку суспільства, але суспільства, яке забезпечує її свободу, тобто заради забезпечення своєї свободи, своєї індивідуальності. Конституціоналізм прагне не тільки досягнути свободи індивіда шляхом прояснення відносин між правителями та підвладними, а також володарюючи в середині самої колегії [5, с. 50].

Раціоналізації піддавалась вся суспільна практика, всі її сторони: пізнання, виробництво та влада. Наслідками раціоналізації суспільної практики були: позитивізм в науці, капіталізм у виробництві, конституціоналізм в організації влади. Причому вони з'являються одночасно. Саме укріплення позитивізму, капіталізму та конституціоналізму в соціальній практиці перетворює суспільну діяльність в самодіяльність (самопізнання, самовиробництво, самоврядування) [4, с. 14].

Раціоналізацією державної форми і був конституціоналізм, сутністю якого є самоврядування індивідів. Але самоврядування в свою чергу може бути реальним лише за умови національної згоди, правового формалізму та інституціональної демократії [4, с. 15]. Індивідуалізація особи не виключає її з суспільної діяльності, а тим більше не протиставляє їй. Навпаки, індивідуалізація через самоврядування передбачає органічне засвоєння суспільного характеру діяльності людини. Тому раціоналізація державної форми являє собою загальнонаціональний консенсус з питань економічного та політичного устрою з урахуванням індивідуальних потреб кожної людини як індивіда.

Способом, за допомогою якого здійснюється раціоналізація державного життя, є правовий формалізм. Об'єднати індивідів для самоврядування мо-

жливо тільки через право. Саме право в цей час стає загальним універсальним посередником між окремими індивідами, найвищим авторитетом та незалежною цінністю [4, с. 15]. Право визначає рівність та незалежність один від одного вільних індивідів за загальним для всіх масштабом. Це рівна міра свободи індивідів [6, с. 17].

Конституція держави саме втілює в собі правовий формалізм. Вона сама є нормативно-правовим актом найвищої юридичної сили, норми якого мають пряму дію [7, с. 2]. В той же час вона є базою поточного законодавства. Система національного права, її внутрішня узгодженість та структурна єдність визначаються тим, що її ядром виступає конституція. Своїми нормами вона сприяє погодженості всього правового розвитку країни, систематизації права. Конституція стимулює подальший розвиток і оновлення законодавства, приведення його у відповідність з основним законом.

Конституція не тільки є формою буття конституціоналізму, а й забезпечує два інших його підґрунтя: національну згоду та інституціональну демократію. Так в преамбулі Конституції України визначаються стратегічні цілі прийняття Конституції: забезпечення прав і свобод людини і достойних умов її життя, укріплення громадянської згоди на землі України, розвиток та укріплення демократичної, соціальної та правової держави [7, с. 2].

Виходячи з вищезазначених передумов щодо виникнення та існування конституціоналізму і, перш за все, в політичній сфері, можна стверджувати, що в Україні, як і у всіх пострадянських республіках, на момент їх виникнення стовідсотково таких умов не існувало. Тому конституціоналізм не міг розвиватись без зовнішнього впливу. Перш за все, відсутня одна з головних передумов раціоналізації держави — конфлікт, протистояння індивіда суспільству. Попередній тоталітарний режим нав'язував суспільству ідею “колективізму”, знищуючи особу, її індивідуальність, встановлюючи таку систему, де людина існує тільки як елемент спільноти. Як слушно зауважив відомий російський правознавець І. О. Ільїн: “Это жуткое, невиданное в истории биологическое явление — общество, спаянное страхом, инстинктом и злодейством, а не правом, не свободой, не духом, не гражданством и не государством” [8, с. 19]. Тому громадяни, які не усвідомили себе як особистості, не зможуть сприйняти самоврядування так само, як і самовиробництво. Також вони не зможуть сприйняти і самообмеження особистої свободи, яке обов’язково передбачає індивідуалізм.

Не можна не погодитись з думкою авторів, які стверджують, що “конституційний правопорядок як процес і стан реалізації конституційних норм відповідає високим міркам конституціоналізму. Є підстави вважати, що в Україні тільки йде процес становлення конституціоналізму, який базується на нормах Конституції України 1996 р., напрацюваннях вітчизняних державознавців і політичних діячів” [9, с. 14]. Це становлення конституціоналізму реалізується як через впровадження в конституційну структуру західних моделей конституціоналізму, так і через врахування вітчизняного конституційного досвіду. Саме “з’єднання цих двох підходів і, насампе-

ред, впровадження в конституційну систему України європейських цінностей повинно дати вагомі результати” [9, с. 15].

Все сказане зобов’язує ретельно проаналізувати відповідність Конституції України західній моделі конституціоналізму, про яку говорилось вище, і з урахуванням цього аналізу визначитись щодо доцільності та напрямів політичної реформи, проголошеної Указом Президента від 3 жовтня 2002 року.

Основною тезою Указу та проекту Закону “Про внесення змін до Конституції України” є перехід від президентсько-парламентської до парламентсько-президентської республіки. Фактично це основна проблема, яка визначається як чинник необхідності проведення політичної реформи. Причому наголошувалося, що президентсько-парламентська система відіграва дуже важливу історичну роль, забезпечуючи стабільність і суспільства, і держави. Але зараз змінилась ситуація в економіці — почалось поступове економічне зростання, в парламенті створена більшість, яка плідно співпрацює з урядом.

По-перше, чи дійсно в нас існує президентсько-парламентська республіка, від якої треба переходити до парламентсько-президентської? Сьогодні серед науковців з цього питання єдиної думки нема. О. Ф. Скакун вважає, що в Україні парламентсько-президентська республіка [10, с. 84], В. Ф. Погорілко [11, с. 163], О. Ф. Фрицький [12, с. 105] та інші [9, с. 27, 299, 315] відносять Україну до президентсько-парламентської республіки. На жаль, ні один з авторів не доводить свою думку, а лише констатує факт. Хоча проблема дуже важлива і потребує розв’язання. Тільки після її глибокого вивчення можна буде остаточно говорити, в якому напрямку треба проводити політичну реформу. Тим більше, що через рік після проголошення політичної реформи Президент повністю відійшов від проголошеного курсу і погодився з переходом до парламентської республіки. І останній проект, який був прийнятий Верховною Радою за сутто суб’єктивних обставин, свідчить саме про перехід до парламентської республіки.

Але незалежно від назви сутність політичної реформи залишається незмінною — дати необхідні повноваження Верховній Раді і, насамперед, у сфері економіки. Мотивається це тим, що на сьогодні “немає чіткої взаємодії Кабінету Міністрів і парламенту в цій сфері... Відсутня і взаємна відповідальність за стан економічного розвитку країни... Парламент і уряд повинні нести взаємну відповідальність за розвиток економічної, соціальної та інших сфер життедіяльності країни” [9, с. 299-300].

З точки зору класичного західного конституціоналізму це повинно бути саме так. Але для України, як і для всіх пострадянських держав, де конституціоналізм не має природніх коренів, таке розширення повноважень парламенту на даному етапі не має жодних підстав.

Сьогодні Верховна Рада складається з політичних партій та депутатів-мажоритарників, а з наступних виборів буде складатись виключно з політичних партій, які не мають соціального підґрунтя в суспільстві. Ці партії утворювались не знизу, як західні, а зверху. Тобто в Києві з’являвся лідер, який формував нібито партію, хоча фактично партія створювалась не для

вираження та захисту інтересів певної соціальної групи, а під конкретну особу. Партиї і не могли створюватись під соціальну групу, тому що процес індивідуалізації та стратифікації суспільства не був визначальним фактором розвитку суспільства. Конфлікт між особою і суспільством існував (дисидентство), але він не мав вирішального значення, не визначав напрямку розвитку суспільства. Суспільство залишилось однорідною масою і не відбулося процесу його структуризації на соціальні верстви, які повинні бути представлені в парламенті політичними партіями.

З прийняттям Конституції, а ще раніше закону, що передбачав і пропорційну систему виборів, штучно створена політична еліта нав'язала суспільству конституційні цінності, які воно не поділяло і не було до них підготовлене. Людям, які не визнавали себе особистостями, дали можливість самим вирішувати свою долю і здійснювати самоврядування. Людина, яка взагалі не розуміла, що таке політична партія і для чого вона їй потрібна, повинна була вибрати з 30 партій (а взагалі їх більше 100) одну, яка б визначала і захищала її інтерес. Не кажучи вже про те, що люди не знали, що таке вибори, оскільки за радянських часів вибрали з одного. Тому партії пов'язувались тільки з лідерами, в дійсності так і було, і люди голосували за лідерів, а не за політичну платформу партії. А відтак ні про яке самоврядування, а тим більше раціоналізацію державної форми не може йти мова.

За таких умов парламент не став концентрацією зрозумілих народові головних політичних напрямів, які набувають значення і для держави. Сьогодні в суспільстві нема політичних формувань з чітко визначеними програмами, які б підтримувались переважною більшістю електорату. А саме такі партії, асоціації, об'єднання могли б стати ядром формування соціально-політичних платформ як необхідної умови комплектування сталого за своїм складом професійного парламенту [13, с. 19].

Парламент не став ареною, на якій рівноправно стикаються всі існуючі в даному суспільстві інтереси, оскільки депутати, політичні партії не є виразниками інтересів певних верств населення. Відсутність розвинutoї партійної структури, яка опосередковує відносини між електоратом та парламентом, призвела до того, що парламент став ареною боротьби дрібних інтересів — амбіцій окремих депутатів, лідерів партій та фракцій, ніяк не пов'язаних з інтересами виборців. Як правило, це інтереси тієї чи іншої олігархічної чи бізнесової групи, а не інтереси певної соціальної групи, яку представляє та чи інша політична партія. “Своєчасному прийняттю якісних законів перешкоджає політизований підхід до законотворчої діяльності, домінування інтересів окремих осіб, фракцій, угруповань над інтересами і потребами держави, відсутність належного професіоналізму” [9, с. 27].

Про те, що політичні партії не представляють певної соціальної верстви, говорить і той факт, що, маючи понад 100 політичних партій, ми не маємо чітко виражених політичних платформ, які б відбивали потреби тієї чи іншої соціальної групи. Замість цього маємо тільки чвари та розколи в самих партіях та коаліціях.

Українська партійна верхівка швидко зрозуміла, що, маніпулюючи гаслами демократії та народного представництва, можна не напружуючись над вирішенням загальнодержавних проблем з успіхом вирішувати своє особисті, як правило, бізнесові проблеми, маючи на це мандат народу. Стає зрозумілим, чому більшість парламенту наполягала на введені виключно пропорційної системи виборів, в тому числі і на місцевому рівні. Чому другим за цим кроком було зниження прохідного бар'єру з 4% до 3%, яке пояснювалось тим, щоб і найменші верстви населення, що нібито репрезентуються невеликими партіями, теж мали б змогу бути представленими в парламенті. Фактично це означає тільки одне: щоб найслабші політичні "лідери" мали змогу зайняти місце в парламенті та відстоювати свої особисті інтереси, оскільки вони не мають за собою певної соціальної групи, яка б мала право представляти свій соціальний інтерес в парламенті.

Ознакою відсутності дійсних політичних партій є відсутність в Україні опозиції. Опозиція становить сутність представницького правління. Якщо в нас і існує опозиція, то не проти методів та важелів побудови певного соціально-економічного проекту, а проти конкретних носіїв влади. Свого часу опозиція скандувала не "програму Кучми — геть!", а "Кучму — геть!". Сьогоднішні опозиціонери, якщо їх можна так назвати, повинні мати альтернативний проект свого бачення як ситуації, так і виходу з неї. Вони не мають того інструментарію, за допомогою якого опозиція може взяти владу. Не усунути конкретних її представників окремо чи всіх разом, а змінити зміст їхньої ідеології, систему побудови тієї політико-господарської піраміди, яка була задекларована і зводиться. Найбільше на що вони здатні — як у передвиборчій кампанії, так і після виборів — виливати відрами бруд на опонентів та перетрушувати брудну білизну.

Отже, за умови неструктурованості українського суспільства та відсутності внаслідок цього дійсних політичних партій, що виражают інтереси соціальних груп, а не окремих осіб, вбачається недоцільним розширювати повноваження парламенту. Необмеженість повноважень парламенту може призвести до його тиранії. А тиранія парламенту нічим не краща за тиранію президента, уряду або однієї політичної партії. Досвід зарубіжного парламентаризму свідчить, що на початку ХХ століття в країнах Європи, які переживали період багатопартійності, обиралися строкаті за складом парламенти, що заважало утворити стійку парламентську більшість, яка була б спроможна сформувати сильний уряд. Analogічне становище, на жаль, складається нині в Україні. Тому мають бути вжиті дійові заходи, щоб не допустити тиранії парламенту, який буде узурпований політичними ділками, що захищають не інтереси суспільства, а своє особисті.

Не заперечуючи можливості і, навіть, за певних умов необхідності внесення змін до конституції, слід акцентувати увагу на тому, що саме вона містить в собі ідеологію конституціоналізму, втілює його основні елементи як через текст, так і через відповідну практику її застосування, є стрижнем вільного демократичного ладу, його основною складовою. Вона є стабілізуючим чинником у суспільно-політичному і державному житті. Тому

zmіни до конституції повинні бути політично зваженими і юридично звіреними. Вони мають бути здійсновані, насамперед, у період стабілізації. Інакше може виникнути ситуація, коли кожна наступна конституційна поправка буде скасовувати попередню і стримувати державний розвиток.

Отже, враховуючи масштабність соціально-економічних перетворень, що здійснюються в умовах гострої економічної кризи і підвищеної політичної нестабільності, обумовлених повільним розгортанням демократичних процесів, слабкістю партій і громадських організацій, виправданим є прагнення сформувати сильну виконавчу владу з підпорядкуванням її всенародно обраному Президенту. Можливості такої моделі організації державної влади в Україні ще не вичерпані, а тому і нема необхідності внесення змін до діючої конституції.

Література

1. Шаповал В. Становлення конституціоналізму в Україні: проблеми теорії // Право України. — 1998. — № 5; Святоцький О., Чушенко В. Питання теорії і практики конституціоналізму в Україні // Право України. — 1998. — № 2; Іваненко Г. В. Деякі проблеми сучасного конституціоналізму в Україні. Актуальні проблеми політики: Зб. наук. праць / Під ред. С. В. Ківалова. — Одеса. — 2002. — Вип. 13-14.; Шевчук С. Основи конституційної юриспруденції. — Харків: Консул, 2002; та ін.
2. Шевчук С. Основи конституційної юриспруденції. — Харків: Консул, 2002. — 296 с.
3. Шаповал В. Становлення конституціоналізму в Україні: проблеми теорії // Право України. — 1998. — № 5.
4. Пастиухов В. Б. Россия-2000: цивилизационный выбор и конституционный шанс // Полис. — 1998. — № 6.
5. Шабо Ж.-Л. Конституции и конституционализм // Полис. — 1998. — № 6.
6. Нерсесянц В. С. Философия права: Учебник для вузов. — М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. — 652 с.
7. Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. — К.: Юрінком, 1996. — 80 с.
8. Цит по: Мучник А. Г. Комментарий к Конституции Украины. — К.: Парламентське вид-во, 2000. — Кн. 1. — 254 с.
9. Конституційно-правові засади становлення української державності. — Х.: Право, 2003. — 328 с.
10. Скакун О. Ф. Теория государства и права: Учебник. — Харьков: Консул; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
11. Конституційне право України /За ред. доктора юрид. наук, проф. В. Ф. Погорілка. — К.: Наукова думка, 1999. — 735 с.
12. Фрицький О. Ф. Конституційне право України: Підручник. — К.: Юрінком Інтер, 2003. — 536 с.
13. Святоцький О., Чушенко В. Питання теорії і практики конституціоналізму в Україні // Право України. — 1999. — № 2.

Ю. А. Немченко

кафедра истории и мировой политики ОНУ,
к. 41, Французский бул. 24/26,
г. Одесса-58, Украина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Резюме

Процесс становления государственности в Украине на демократических основах непосредственно связан с внедрением в его практику ценностей конституционализма. На современном этапе в Украине нет достаточных предпосылок для внедрения этих ценностей в полном объеме. Поэтому внесение изменений в конституцию должно быть политическизвещенным и юридически обоснованным с учетом социально-политических реалий современной Украины.

Ключевые слова: конституционализм, индивидуализм, политическая реформа, конституция

Y. A. Nemchenko

the chair of history and world politic, Odesa Il'ia Mechnikov National University, room 41, French boulevard 24/26, Odesa-58, Ukraine

THE POLITICAL REFORM IN UKRAINE IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONALISM

Summary

The process of formation of State organization in Ukraine on democratic basis is directly connected with introduction in its practice values of constitutionalism. On the contemporary stage of development there are no sufficient premises for introduction these values in Ukraine to the full extend. That is why changes of Constitution must be politically meaningful and legally well-founded. The entire social-political situation in modern Ukraine must be taken into account as well.

Keywords: constitutionalism, individualism, political reform, constitution

УДК 172.3:323.1(477)

О. Ю. Хорошилов, канд. політ. наук, доцент.
Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра політології
к. 35, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна, 684373.

ДО ПИТАННЯ ПРО ВИЗНАЧЕННЯ МІСЦЯ ПОЛІТИЧНОЇ ЕТИКИ В СИСТЕМІ СУСПІЛЬСТВОЗНАВСТВА

Стаття присвячена політичній етиці як новій дисципліні в системі сучасного суспільствознавства. Особливий наголос робиться на визначенні внутрішньої структури науки, її проблемного поля і основних завдань.

Ключові слова: політична етика, система науки, методологія

Сучасний розвиток суспільства характеризується фундаментальними трансформаціями базових параметрів функціонування всіх найважливіших його систем. В свою чергу, необхідність наукової рефлексії зміни парадигмальних умов існування людства обумовила появу цілого ряду нових наукових дисциплін, які мають важливе теоретичне і прикладне значення. Проте, як це не дивно, багатьом з них ще треба довести своє право на самостійне існування. На цьому шляху доводиться не лише долати певну консервативність академічної науки, але й негативні стереотипи повсякденної свідомості. Є випадки, коли ці дві перешкоди виступають як взаємообумовлені. Зокрема, йдеться про таку, порівняно нову для вітчизняної наукової традиції дисципліну, як політична етика.

Очевидно, що класична етика — надзвичайно важлива наука. Виступаючи, з одного боку, як нормативна теорія суспільного життя, а з іншого як кодекс чеснот цивілізованої людини, вона відіграє значну роль в існуванні соціуму. Не пропонуючи готових рецептів вирішення конкретних проблем, вона формує загальні уявлення людства про належне у сфері міжгрупових і особистісних стосунків і, таким чином, сприяє утвердженню нового, гуманістичного за змістом, світогляду. Проте, чи можемо ми говорити про правомірність існування етики політичної, причому не лише в сенсі тривіальних правил поводження професійних політичних акторів, але й в більш ширшому, теоретико-методологічному значенні?

Як здається авторові, актуальність етичної проблеми для сучасної політики простежується принаймні по трьом основним напрямкам:

1. **Ментальний** — рівень розвитку масової політичної свідомості, рівень моральності громадян визначним чином впливає на характер політичних відносин. І, врешті-решт, “народ має той уряд, на який заслуговує”.

2. **Функціональний** — як мораль, так і політика виконують подібну функцію — вони виступають в ролі регулятивних і контрольних систем суспільства, і лише від останнього залежить, чи співпрацюватимуть вони.

3. **Інструментальний** — моралізування — чи не найдавніша політична

технологія, яка і досі використовується професійними політичними акторами задля досягнення своїх цілей.

Обґрунтувавши актуальність етичної проблеми, слід зазначити, що питання про доцільність існування політичної етики як такої, про її проблемне поле, методологічну базу та практичне значення є предметом науково-го дискурсу вже порівняно давно. Проте, принаймні у вітчизняній науковій традиції, більшість публікацій зведено до з'ясування другорядної за суттю проблеми співвідношення моралі і політики. Хоч варто зазначити, що і за таких умов тут створені досить оригінальні концептуальні моделі. Так, український дослідник В. Холод, досліджуючи приклади порушення етичних норм під час політичної діяльності, розкриває сутність феномену параполітики. За його думкою: “Термін параполітики виступає в єдиному семантичному ряді — “політикаство”, “брудна політика”, “політична демагогія” тощо” [1, с. 9].

Існування політичної етики переважно як сукупності правил чимої поведінки професійних політичних акторів розглядається і в статті М. А. Легези. Безумовним позитивом тут є спроба розглянути її сутність через визначення природи політичного. Проте питання концептуального визначення політичної етики як наукової теорії, її структури, методів та завдань залишається поза увагою автора [2, с. 405].

Як певну компенсацію визначених недоліків можна розглядати монографію одеського політолога Є. А. Подмазки, хоч вона і не присвячена безпосередньо центральній для даної статті проблемі. Шляхом використання методу графів автор намагається прояснити зміст політологічної теорії, її категорій, законів, структури тощо. З точки зору Є. А. Подмазки, політична етика відноситься до класу “найбільш загальних теорій політології”. Вона стоїть в одному ряді з політичною філософією, політичною соціологією, політичною ідеологією, політичною естетикою та політичною психологією. Проте навіть в межах одного рівня ці теорії неоднозначні. За думкою автора, політична етика (як власне і політична естетика і психологія) виступає як найменш загальна теорія даного класу [3, с. 68]. І хоч дослідник не конкретизує внутрішньої структури політичної етики, важливим є той факт, що вона, на його погляд, безперечно належить до політологічних теорій.

Певним кроком у напрямку з'ясування місця політичної етики в системі суспільствознавства слід вважати роботу німецького дослідника Б. Сутора “Мала політична етика”. Це один з небагатьох прикладів, коли автор намагається не лише виправдати існування політичної етики як нормативної теорії політики, але й визначити її структуру як наукової дисципліни. За Б. Сутором, політична етика є частиною етики соціальної, яка задає питання про належне під час побудови соціальних відносин. Центральним питанням для неї виступає питання про те, які етичні вимоги відповідають сфері, структурі і засобам дії, які ми позначаємо поняттям “політика” [4, с. 31, 44]. Проте для даної статті більш важливим є визначення автором внутрішньої структури політичної етики. Сам Б. Сутор представляє основ-

ну структуру даної науки як етику цілей, інститутів та дій, але реальні проблеми, розглянуті ним, дають змогу самостійно конкретизувати цей аспект. З контексту роботи до основних складових політичної етики слід відносити: 1) Етичне значення політичних інститутів; 2) Етику цілей і цінностей, нормативну етику; 3) Етику політичного конфлікту; 4) Етику міжнародних відносин [4, с. 7-8]. Підкреслюючи вагомість внеску праці Б. Сутора у вирішення проблеми визначення місця політичної етики в структурі сучасного суспільствознавства та з'ясування її внутрішньої структури, варто зазначити, що з останнім завданням впоратися йому вдалося лише частково. Зведення структури політичної етики лише до чотирьох основних елементів дає підстави для її редукції до частної наукової теорії.

Враховуючи наведені вище зауваження, стає ясним основне завдання цієї статті. Це визначення ступеня наукової субординації політичної етики в ієрархії суспільствознавчих дисциплін, з'ясування її внутрішньої структури, предметного поля, завдань, прикладного значення тощо. Звісно, в межах однієї статті всі ці завдання вирішити навряд чи вдасться. Проте дану статтю можна розглядати і як спробу у розв'язанні означених проблем, і як запрошення до наукової дискусії.

Першим кроком у вирішенні поставлених завдань є, безперечно, термінологічне визначення поняття політичної етики. Чи є вона простим розділом етики або це самостійна наука? А може це і не наука зовсім, а деякий кодекс поведінки у сфері політики, якого мало хто в нас сьогодні дотримується? Відповідей на ці питання так само багато, як і самих питань. Адже якщо політична мораль — один із найважливіших компонентів вивчення політичної етики — існує стільки, скільки існує сама політика, якщо історію політичної етики як кодексу правил можна міряти сторіччями, то про наукову дисципліну можна говорити лише стосовно ХХ ст. Однозначної відповіді на питання про статус науки дати не зможе, мабуть, ніхто.

Автори політологічного енциклопедичного словника в редакції 2004 року визначають політичну етику як галузь, аспект загальної етики, що досліджує моральні засади політики і влади (у широкому розумінні), і як професійну етику суб'єктів політичної діяльності (у вузькому розумінні) [5, с. 187]. Це домінуюча точка зору наукового співтовариства на пострадянському просторі, хоч іноді і зазначається, що політична етика — це нормативна теорія політичної діяльності, що торкається таких основоположних проблем, як справедливий соціальний устрій, взаємні права і обов'язки керівників і громадян, фундаментальні права людини і громадянина, розумне співвідношення свободи, рівності і справедливості [6, с. 650]. Але на віть внаслідок констатації цих фактів зароджуються сумніви щодо принадлежності етики політичної до філософської науки про належне. Надто вже незвична для останньої проблематика. На думку автора статті, починаючи вже з другої половини минулого сторіччя, всі ми є свідками народження якісно нової дисципліни, пов'язаної своїм проблемним полем як з філософією, так і з політологією. Першою на цей шлях вступила етика Заходу,

адже приблизно з 1970-х рр. тут був здійснений поворот до розробки нормативних, соціальних, психологічних проблем моралі. Західна етика, яка тривалий час зберігала вірність методологічному принципу ідеологічної і ціннісної нейтральності, академічної чистоти, змушена була звернутися до життєвих проблем і знов вирішувати питання співвідношення моралі і політики, моральних відносин суспільних класів, способів нормативно-ціннісного освоєння світу. В цей же період характерним для етики стає звернення до соціології, до її окремих теорій і конкретних результатів досліджень. Серед найважливіших завдань нового напрямку у етичних пошуках важливе місце посідають пошук зв'язку політичних проблем із загальним кодексом суспільної моралі, переосмислення основних цінностей суспільства, формулювання нового розуміння соціальної відповідальності, нового характеру відносин між людьми, народами, державами, що відповідають сучасним умовам суспільного розвитку тощо [7, с. 55].

З початку 1990-х рр., внаслідок причин як об'єктивного, так і суб'єктивного плану, новий напрямок етичних студій зародився і в пострадянській науці. За дуже стислий період вітчизняними інтелектуалами був пройдений шлях від здебільшого некритичного використання теоретичного інструментарію, розробленого західними колегами, до створення власних інтерпретаційних моделей і пояснювальних схем щодо належного в сфері політики та суспільних відносин. Таким чином, суттєві зрушенні й зміни в предметно-проблемному полі як західної, так і вітчизняної етичної думки дають підстави для стримано оптимістичного висновку про існування політичної етики як наукової теорії. Поява останньої пояснюється тенденцією предметної спеціалізації і диференціації в межах “традиційних” наук, а порівняно пізнє дисциплінарне відокремлення — специфікою політики як об'єкта дослідження.

Враховуючи міждисциплінарний характер політичної етики, а також наявність досить суперечливих поглядів на її спроможність виступати в статусі механізму вирішення конфліктів, автор, користуючись стратегією К. Хомана і Ф. Блом-Дреза, пропонує не строгу дефініцію науки, а наступне її визначення:

Політична етика вивчає питання про те, які моральні норми чи ідеали можуть мати значення для суб'єктів та їх груп в умовах сучасної політики і суспільства [8, с. 182].

До проблемного поля політичної етики з точки зору автора можна віднести такі питання:

1. Обґрутування системи базових цінностей суспільства.
2. Формування соціального порядку, що відповідає цим цінностям.
3. Питання інституційних відносин.
4. Відносини соціальних груп і рухів.
5. Основні поняття громадянської етики та етики професійних політичних акторів тощо.

У зв'язку з цим, **основними завданнями** політичної етики можна назвати наступні:

1. Визначення змісту основних політико-етичних цінностей (соціальна справедливість, свобода, відповідальність, благо, добро, зло).
2. Прояснення змісту традиційних політичних понять (влада, конфлікт, насилиство) крізь призму етичних теорій і концепцій.
3. Визначення принципів соціально-політичного будівництва в Україні.
4. Дослідження методів політичної практики, їх вдосконалення.
5. Опис в поняттях політичної етики політичних процесів, що відбувається в нашій країні і в світі в цілому, характеру соціально-етичних відносин в українському суспільстві тощо.

Стосовно власне теоретичних завдань політичної етики на сучасному етапі в Україні необхідно відзначити, що вони зводяться до понятійного відтворення, сутнісного осмислення і обґрунтування її предмету — політичної моралі як такої.

Кажучи про основні структуроутворюючі рівні знання в політичній етиці, необхідно відзначити наступне. У структурі наукового знання зазвичай виділяють три рівні — емпіричний, теоретичний і практично-прикладний. Кожному з них відповідають специфічні форми пізнавальних завдань і діяльності. Емпіричне дослідження, спрямоване безпосередньо на об'єкт, і спирається на дані спостережень і експериментів. Основним завданням тут є збір та узагальнення первинного матеріалу.

Теоретичний рівень спрямовано на пізнання законів та закономірностей явищ, які досліджуються, розкриття їх суті у відповідних гіпотезах, концепціях, теоріях, системах наукових понять тощо. На цьому ж рівні відбувається вдосконалення понятійного апарату науки.

На прикладному рівні будь-якої науки відбувається безпосереднє використання отриманих знань на практиці [9, с. 29].

У політичній етиці на *емпіричному рівні* головними завданнями виступають виділення чинників, що стосуються моральної поведінки людини і суспільства у сфері політики, їх збір і опис, їх первинна систематизація в межах тієї або іншої пояснювальної схеми, встановлення на їх основі узагальнення певних емпіричних закономірностей. Конкретним рішенням цих завдань займаються переважно такі розділи етичного пізнання, як історія і соціологія моралі, із зачлененням цілого комплексу суміжних наук: культурології й етнографії, психології і соціальної психології, семіотики культури, мистецтвознавства тощо [9, с. 30].

Теоретичні дослідження в політичній етиці пов'язані з сутнісним пізнанням політичної моралі, дають емпіричним розвідкам основу для узагальнення. Найважливіші проблеми, які повинні розглядатися на цьому рівні, можна, з точки зору автора, розділити на наступні блоки: 1. “Мораль і політика: проблеми взаємозв’язку” (аналітичні традиції у вирішенні проблем); 2. “Етичні ресурси легітимації політичної влади” (етична легітимація політичної системи, етична аргументація в процедурі легітимації політичного лідерства, етика політичної відповідальності); 3. “Етичні проблеми діяльності політичних інститутів” (етичне значення політичних інститутів, проблема морального виміру функціонування гілок політичної

влади); 4. “Політична етика громадянського суспільства” (вплив цивілізаційних відмінностей на формування етики громадянського суспільства, основні цінності етики громадянського суспільства, етична легітимація конфлікту інтересів, консенсус як центральний принцип політичної етики); 5. “Моральні цінності в політиці” (природа, поняття та функції політичних цінностей, моральне добро та зло в політиці, справедливість, правда й неправда в політиці, політична толерантність, ціннісний вимір політичної свободи); 6. “Моральний потенціал і відповідальність соціальної спільноти в політиці” (співвідношення локальних моральних систем та загальнолюдських норм моралі, проблеми впливу соціального статусу групи на зміст та характер її моральних уявлень, проблема групового egoїзму); 7. “Етика міжнаціональних відносин” (моральні цінності національного буття, етнополітичний ренесанс та етноетика, нація як “моральна суб'єктивність”, патріотизм як моральна чеснота); 8. “Етика ненасильства в політиці” (насиливо в політиці: поняття, види, проблеми легітимації, еволюція теорії ненасильства та її сучасний стан).

Прикладний рівень політичної етики знаходиться у стадії формування, що пояснюється, з одного боку, молодістю цієї дисципліни, а з іншого — специфікою сфери застосування накопичених знань. Але, в цілому, прикладне значення політичної етики як науки істотно обумовлене її спрямованістю на аналіз і обґрунтування моральних норм і цінностей у сфері політики. Врешті-решт це значення зводиться до введення в різних формах і аспектах суспільного життя певної критично вивіреної сукупності подібних цінностей і норм — певного стандарту людської моральності.

Набагато складнішим є питання щодо методів політичної етики як науки. З точки зору автора статті, в цьому відношенні вона залишається поки що більш філософською, аніж власне політологічною теорією. Адже більшість наукових досягнень в цій сфері знання можна розглядати як результати теоретизувань у термінах належного. Внаслідок цього верифікація отриманих даних найчастіше може відбуватися лише за допомогою формально-логічного аналізу.

Не менш важкою проблемою є й питання про наявність у політичної етики власних методів дослідження. Але ця проблема є болісною не лише для неї, але й для політології. Здається, що комплексний, міждисциплінарний характер науки підказує вихід з цієї проблеми. Найперспективнішим тут є методологічний зв'язок політичної етики з соціологією, а якщо бути більш конкретним — з соціологією моралі.

Резюмуючи сказане, ми бачимо, що політична етика — порівняно нова наукова дисципліна. Її поява була обумовлена необхідністю наукової рефлексії тих фундаментальних змін, які відбулися в суспільно-політичному житті людства на рубежі ХХ-ХХІ сторіч. Але в науці й досі триває суперечка щодо наукової субординації політичної етики. Домінуючою є точка зору, за якою політичну етику варто розглядати як частину етики соціальної. Проте, на думку автора статті, предметно-проблемна спрямованість

цієї науки свідчить принаймні про її міждисциплінарний (філософсько-політологічний) характер.

За останні три десятиріччя в межах політико-етичних студій було створено критичний арсенал теоретико-інтерпретаційних схем та моделей, який дає змогу провести первинну структуризацію науки по рівням знання, визначити її предметне поле та основні завдання.

Очевидно, настав час для конкретизації її статусу. Автор вважає за доцільне розглядати політичну етику як частину інтегративної політичної науки.

До перспектив подальших досліджень можна віднести такі:

- продовження дискусії у напрямку предметної визначеності та субординаності політичної етики;
- вдосконалення арсеналу методів політико-етичних досліджень, створення власної методології;
- вироблення нормативної теорії політичної діяльності, позбавленої недоліків абстрактного моралізування;
- теоретичне відтворення процесів ціннісного освоєння індивідами багатовимірного політичного простору в умовах кардинальних суспільних трансформацій;
- вироблення професійних кодексів поведінки політичних функціонерів та державних службовців тощо.

Література

1. Холод В. Феномен параполитики: идеи, свершения, социальные результаты. — Сумы: Университетская книга, 2004. — 504 с.
2. Легеза М. А. Політична етика: реальність чи утопія? // Актуальні проблеми політики. — 2003. — Вип. 19. — С. 404-412.
3. Подмазко Е. А. Общая теория политики: Учебное пособие. — Одесса: Астропринт, 2003. — 172 с.
4. Сутор Б. Малая политическая этика // Политическая и экономическая этика / Пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — С. 29-174.
5. Політологічний енциклопедичний словник / Упорядник В. П. Горбатенко / За ред. Ю. С. Шемшученка, В. Д. Бабкіна, В. П. Горбатенко. — 2-е вид., доп. і перероб. — К.: Генеза, 2004. — 736 с.
6. Этика политическая // Политическая энциклопедия: В 2 т. — М.: Мысль, 2000. — Т. 2. — С. 653.
7. Этика и идеология. Критика современных буржуазных этических концепций. — М.: Наука, 1984. — 358 с.
8. Хоман К., Бломе-Дрез Ф. Экономическая и предпринимательская этика // Политическая и экономическая этика / Пер. с нем. С. Курбатовой, К. Костюка. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. — С. 177-362.
9. Малахов В. Етика — К.: Либідь, 2001. — 383 с.

О. Ю. Хорошилов

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра политологии.
к. 35, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭТИКИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Резюме

Статья посвящена политической этике как новой дисциплине современного обществоведения. Особенный акцент делается на определении внутренней структуры науки, её проблемного поля и основных задач.

Ключевые слова: политическая этика, система науки, методология

O. U. Khoroshilov

Odessa Mechnikov National University,
Institute of social sciences, chair of politology, 35, French avenue 24/25,
Odessa-58, 65058, Ukraine.

TO THE QUESTION OF DETERMINATION OF THE POLITICAL ETHIC'S PLACE IN THE SYSTEM OF SOCIAL SCIENCE

Summary

This article is dedicated to the study of political ethic as a new part of modern social science.

The author lays special emphasis on the determination of the inner structure of the political ethic and its main purpose.

Key words: political ethic, system of science, methodology

УДК 321.7

Н. А. Латигіна, канд. політ. наук, доц., докторант Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України вул. Курчатова, 18, кв. 43, м. Київ-156, 02156
e-mail: latygina@ukr.net

ДЕМОКРАТИЯ: ДЕЯКІ РОЗДУМИ З ПРИВОДУ ВИНИКНЕННЯ

Ця стаття присвячена аналізу джерел сучасного походження демократії як, наприклад, ідеї й установи представницького управління і принцип політичної рівності; передумови сучасного походження демократії надані. Ключові слова: демократія, представницьке управління, політична рівність

Формування української демократичної державності — складний і довготривалий процес, який далеко не завершився з прийняттям Акту проголошення незалежності та Конституції України. Адже самовизначення держави є пошуком власного шляху з урахуванням узагальненого історичного досвіду, постійним пізнанням себе у своїй державності, самоствердженням державницького буття у внутрішніх формах та у міжнародному просторі. Тому цілком закономірним є інтерес до різноманітних наукових обґрунтувань витоків сучасної демократії, прагнення пізнати механізми виникнення та функціонування демократії.

З огляду на світовий, зокрема європейський досвід, та власне історичне минуле особливого значення сьогодні в Україні набуває не лише вивчення, а й практичне освоєння демократичних форм суспільного та державного життя. Але перш ніж здійснювати демократичну розвбудову на практиці, потрібно добре засвоїти політичну теорію.

На превеликий жаль, серед робіт вітчизняних науковців проблемні дослідження витоків сучасної демократії майже відсутні як такі. Через це базовими джерелами для написання даної статті були монографії західних вчених, зокрема Роберта Даля, Дестюта де Трасі, Джорджа Сейбіна, Сіднея і Beатріс Веббів, Артура Вудхауза, Юрієна Габермаса. У цих працях аналізується феномен демократії; надається характеристика певних стадій виникнення сучасної демократії; приділяється увага витокам демократії.

Головними завданнями даної статті є наступні:

- довести, що ідеї й інститути представницького правління відіграли значну роль у становленні сучасної демократії;
- охарактеризувати принцип політичної рівності як джерело виникнення сучасної демократії;
- обґрунтувати, що демократія є феноменом не формаційного, а цивілізаційного, соціокультурного порядку.

Одним з основних джерел виникнення сучасної демократії, з нашої точки зору, були ідеї й інститути представницького правління.

З часів класичної Греції і аж до XVII століття можливість того, що корпус законодавців може створюватися не з усього складу громадян держави, а лише з певної кількості його представників, залишилася поза полем зору теорії і практики демократичного або республіканського правління.

Важливий відхід від превалюючої ортодоксальної традиції стався під час Громадянської війни в Англії, коли пуритани у пошуках республіканської альтернативи монархічному правлінню були змушені підняти багато важливіших питань демократичної теорії і практики. По мірі поглиблення своїх вимог розширили право голосу і зробили уряд відповідальним перед численним електоратом левеллери, зокрема, передбачили майбутнє демократичної думки, наприклад, правомочність, а фактично — необхідність представництва. Проте повне включення представництва в демократичну теорію і практику відбулося на століття пізніше. Навіть Дж. Локк, який стверджував у “Другому трактаті”, що згода більшості (особливо стосовно податків) повинна досягатися “або між усіма, або між представниками, яких вони обрали”, вельми скupo писав про представництво і його місце в демократичній теорії [1].

Насправді представництво не було винайдено демократами, а розвинулось як середньовічний інститут монархічного й аристократичного правління. Його витоки можна знайти, перш за все, в Англії і Швеції у вигляді зібрань, які скликалися монархами, а іноді і самою знаттю для вирішення важливих державних проблем: збирання податків, війни, королівського успадкування. Зазвичай на збори призовалися особи з-поміж станів і для їхнього представництва. Представники кожного стану зиралися окремо. Згодом кількість станів скоротилася до двох — лордів і общин. Вони, зрозуміло, утворювали різні палати.

Багато мислителів XVIII століття стали помічати те, що левеллери побачили ще раніше: поєднання демократичних принципів народного правління і недемократичної практики представництва дозволяє демократії здобути нову форму і виміри. Вже через декілька поколінь після Ш.-Л. Монтеск'є і Ж.-Ж. Руссо представництво було широко визнано демократами і республіканцями як рішення, яке зняло старі обмеження демократичної держави і перетворило демократію з вчення, прийнятного лише для маленьких і нестабільних міст-держав, на концепцію, яку можна широко застосувати до сучасних великих націй-держав. Так, наприклад, на початку XIX століття французький теоретик Дестют де Трасі стверджував, що “представництво або представницьке правління можна оцінити як новий винахід, який був невідомим за часів Монтеск'є... Представницька демократія... це демократія, придатна для тривалих часів і для великих територій” [2]. У 1820 році Джон Мілль проголосив “систему представництва... головним відкриттям сучасної епохи”, в результаті якого “вирішення всіх проблем і теоретичних, і практичних буде знайдено” [3].

Відповідне перетворення демократичної теорії і практики, яке стало

результатом їхнього злиття з представництвом, мало серйозні наслідки. Найбільш важливим з них, відомим кожному, було те, що народне правління більше не лімітувалося маленькими державами, а було в змозі охопити необмежену кількість громадян. Таким чином, ідея демократії, яка, здавалося б, могла зникнути зі зруйнуванням міст-держав, стала ефективно застосовуватися до сучасної системи націй-держав. В межах більш різноманітної системи націй-держав нова концепція демократії, зокрема приватного права, індивідуальної свободи і автономії особистості отримала можливість розвиватися. Більше того, важливі проблеми, які не вирішувалися у тісних межах міста-держави, тепер можна було розв'язати за допомогою уряду, здатного приймати закони й інші нормативні акти на великій території. Подібним чином зросла здатність громадян до самоврядування.

Втім, зміни у демократичній теорії, викликані об'єднанням попередніх ідей з представництвом, призвели до виникнення низки внутрішніх складнощів. Зовсім нове і надзвичайно складне сузір'я політичних інститутів було незвичним для суверенного зібрання — центрального елемента старої демократичної концепції. Інститути представницької демократії так далеко відсунули уряд від демосу, що цілком справедливим видається питання деяких критиків, чи могла взагалі подібна нова система називати себе демократією?! У подальшому стара ідея моністичної демократії, де автономні політичні утворення розглядалися як непотрібні і неправомірні, була на практиці перетворена на плюралістичну політичну систему, де відносно незалежні політичні організації були не лише законними, але й дійсно необхідними для демократії великих вимірів.

У великомасштабній політичній системі, або в нації-державі, існує безліч інтересів і груп інтересів. І ці різноманітні групи є безперечним благом для політичного розвитку нації-держави. Там, де раніше фракціоналізм (установка на досягнення цілей шляхом боротьби фракцій, угруповань, які діють виключно в егоїстичних інтересах і, як правило, за рахунок інших) та політичні конфлікти вважались деструктивними, тепер вони визнаються нормальнюю, неминучою і навіть необхідною частиною демократичного порядку. Відповідно пояснити колишні уявлення про те, що громадяни можуть і повинні переслідувати суспільні блага (тобто інтереси) більше, ніж власні, стає все важче, а часом неможливо, оскільки “суспільне благо” розпадається на індивідуальні і групові інтереси.

Таким чином, ми можемо бачити наявність конфлікту між теорією та практикою представницької демократії і республіканського правління. Але це водночас є і свідченням розвитку демократичної думки, а також говорить про важливу роль ідей і інститутів представницького правління у становленні сучасної демократії.

Наступним джерелом виникнення демократії можна вважати принцип політичної рівності.

Сучасні демократичні уряди не створювалися філософами або істориками, знайомими з грецькою демократією, республіканською традицією або концепцією представництва. Який би самостійний вплив не справляли ці

ідеї, існує взаємодія ідей та дій, і ми знаємо, що демократична теорія не володіє властивістю самореалізації.

Очевидно, що виникнення й усталений розвиток демократичного правління всередині деякої людської спільноти певною мірою залежать від її переконань. Наприклад, якщо значна більшість чи навіть політична меншість заперечують демократичну ідею і віддають перевагу її альтернативі — монархічному правлінню або аристократії, малоймовірно, що така спільнота буде управлятися демократичним чином. Навпаки, у суспільстві, члени якого вірять, що усі вони практично в однаковій мірі здатні (*qualified*) брати участь у прийнятті рішень, ймовірність використання для управління демократичних процедур буде значно вищою. В певний час і в певному місті складаються три обставини, які діють на користь демократичних переконань. Деякі люди утворюють чітко окреслені групи або асоціації. Група, як упевнені її члени, є відносно незалежною від зовнішнього контролю. Нарешті, члени групи сприймають себе як рівно здатних брати участь в управлінні, принаймні у найбільш грубій формі і за готовими сценаріями (*ready sort of fashion*). Вони упевнюються в тому, що не існує краще підготовленого громадянина або меншості, котрі мали б більше прав управляти всією групою. Члени групи переконані, що усі члени асоціації однаково добре підготовлені для рівної участі у процесі управління асоціацією.

R. Даль називає це переконання “суворим принципом рівності” (*Strong Principle of Equality*) [4]. Важливим є те, що члени групи вірять в дієвість цього принципу, і у них формуються подальші уявлення, які є похідними від попереднього. Ці уявлення стосуються проблеми виду правління, яке відповідало би “суворому принципу”. Демократичне правління якраз і є таким, що найбільше відповідає цьому принципу. Звичайно, більшість людей не є логічно послідовними у політичних питаннях. Але, як показує багатий людський досвід, вироблення загальних положень цього принципу не суперечить переконанням звичайних громадян. Раз у раз, протягом усієї історії цивілізації, люди намагалися побудувати такий політичний порядок, котрий би більш або менш відповідав даному принципу.

Цей історичний досвід виявив дві особливі риси “суворого принципу”. Перш за все, віра в ідеї, які нагадують даний принцип, і розвиток, принаймні, примітивних демократичних процедур властиві людям, мало або зовсім необізнаним з грецькою демократією чи республіканською традицією, або з відкриттям поняття представництва у XVIII столітті. Незчисленна кількість племінних асоціацій виробила примітивні форми демократії, навіть і гадки не маючи про ці західні ідеї. Місцеві торговельні клуби або союзи, які виникли в Англії у XVIII столітті, сприйняли практику прямої, простої демократії, пізніше перетворену на представницьку систему, та-кож без допомоги будь-якого теоретичного знання. Так, наприклад, Сідней і Beatrix Webb описували, як “у місцевих торговельних клубах в XVIII столітті виникає демократія у найбільш простих формах” і як “туманно і майже несвідомо після столітнього експерименту у найбільш розвинених галузях” вчені і політики приходять до висновку, що “ніякі виверти пря-

мої демократії, на зразок ротації посад, не можуть замінити представницьку демократію” [5].

І в 500 році до н. е. у греків також не було будь-якого демократичного прикладу для наслідування. Практично одночасно римляни почали перехід від царської влади до аристократичної республіки незалежно від грецького впливу. Подальша демократизація республіки відбулася тому, що плебс та його керманичі наполягали на тому, що вони достатньо підготовлені для участі в управлінні, і вимагали свого включення в цей процес, оскільки “суворий принцип” стосувався плебусу так само, як і патриціїв.

Походження тінгу вікінгів, судових і законодавчих зборів вільних людей губиться в глибинах віків, проте очевидно, що воно було незалежним від зовнішнього впливу. Створення альтингу в Ісландії у 930 році і розвиток цієї унікальної для Європи того часу квазідемократичної конституційної системи були починанням самих норвезьких вікінгів-переселенців, які, можна з упевненістю зазначити, нічого не знали про грецьку демократію, римський республіканізм або про політичну теорію і філософію в точному сенсі цього слова. Вони знали і вірили в те, що всі вони є рівними у своїх можливостях участі в управлінні. Так само відбувалося і в демократіях окремих альпійських общин, які почали процес формування Швейцарської конфедерації.

У 1646 році левеллер Річард Овертон писав у трактаті під назвою “Стріла проти усіх тиранів”: “Усі люди народжуються рівними... і так як нас Господь рукою природи увергнув в цей світ, кожного з усією природою свободою і порядністю... так і повинні ми жити, кожний... користуючись своїми природними правами і привілеями, так і усі, яких Бог за природою зробив вільними... Кожний за свою природою — король, священик, пророк, відповідно до свого природного шляху і напряму, і ніхто інший не може до того прилучитися, окрім як за допомогою поручительства, довіри і вільної згоди від того, кому належить це право” [6].

Ці та інші історичні приклади відкривають ще одну особливість “суворого принципу”. Його зовсім не обов’язково розуміти занадто розширено. Навпаки, він часто визнавався лише вельми ексклюзивно. Так, в Афінах цей принцип не вважали за необхідне застосовувати до більшості дорослих громадян — до жінок, метеків і рабів. У Венеції аристократи розповсюджували цей принцип сугубо на самих себе, крихітну меншість населення міста. Дійсно, оскільки “суворий принцип” не визначав меж свого застосування, його положення були актуальними як для аристократів, так і для простих людей. Він міг однаково легко застосовуватися як до демократії з широким виборчим правом, так і до аристократичних інститутів, таких як палата лордів або колегія кардиналів.

Таким чином, як тільки члени групи або асоціації визнавали те, що “суворий принцип” цілком для них підходить, логічні імперативи і практичні знання приводили їх до прийняття більш або менш демократичного процесу в своєму середовищі. Тому демократію потрібно розглядати як таку систему, що стає демократичною відносно свого демосу, а не обов’яз-

ково є демократичною відносно усіх людей, які підлягають колективним рішенням даного демосу.

Тут ми знову стикаємося з проблемою, яка не була вдало вирішена в жодному з суттєвих джерел демократичної теорії і практики. Навіть при визнанні того, що усі люди, у відповідній мірі підготовлені до участі в процесі прийняття рішень, по праву повинні бути включені у демос, а демосу належить приймати колективні рішення за допомогою демократично-го процесу, залишається незрозумілим, які саме люди мають необхідну підготовку і тому можуть увійти до складу демосу? Переконливої відповіді на це питання не дала не лише демократія, яка ледве зароджувалася, але і, рівним чином, основні пояснення принципу включення до демосу, запро-поновані сучасною демократією, також є далекими від задовільних.

Отже, на початку XVIII століття в Європі виникали політичні ідеї і процедури, яким судилося стати найважливішими елементами більш піз-ніх демократичних думок і інститутів.

Під впливом об'єктивних та суб'єктивних умов і обставин в ряді євро-пейських регіонів — перш за все в Скандинавії, Фландрії, Нідерландах, Швейцарії, Англії — логіка використання принципу політичної рівності сприяла створенню народних зборів, на яких вільні люди мали змогу (до певної міри) прийняти участь в управлінні країною. Ідея про те, що уряди потребують згоди тих, ким вони керують, спочатку стосувалася виключно сфери збирання податків, а потім поступово почала розповсюджуватися на усі закони як такі. Оскільки первинні збори вільних людей не могли охопити такі великі адміністративні утворення, як велике місто, регіон або ціла країна, то необхідність вироблення узгоджених політичних рішень поставила вимогу створення системи представництва в органі, який відпо-відав за збирання податків і законотворчість. Разюча відмінність від про-цедури, яка проводилася в Афінах, полягала в тому, що система представ-ництва забезпечувалася не призначенням за жеребкуванням або випадко-вим відбором, а виборами. І в масштабах країни, нації, національної дер-жави виконання волі вільних громадян вимагало створення виборчих пред-ставницьких законодавчих органів або парламентів, діючих на декількох рівнях — місцевому, національному, іноді на провінційному, або регіона-льному, чи на будь-якому проміжному.

Ці ідеї і процедури, які виникли в Європі, створили ту базу, на котрій міг початися процес демократизації. Серед факторів, які позитивно впли-нули на її подальший розвиток, були історичні відомості стосовно діяльно-сті “народних урядів” в античній Греції, Давньому Римі, італійських міс-тах. Історичний досвід доводив, що уряди, які виконували волю народу, — не лише предмет ілюзорних надій. Колись вони існували насправді, причо-му протягом цілих століть.

У житті Західу з середини XVIII століття почали відбуватися кардина-льні зміни. Вони були викликані, насамперед, істотними зрушеннями в економічній сфері, зокрема — переходом суспільств від сільськогосподар-ського (традиційного) до індустріального способу життя (своєрідним про-

явом якого щонайперше став промисловий переворот в Англії) та рішучим кроком західної цивілізації до нової політико-правової реальності, яка заявила про себе в ході Великої французької революції 1789-1894 років. Документи, створені на хвилі революційного піднесення (а саме: Декларація прав людини і громадянина 1789 р., конституції 1791, 1793 рр.), засвідчили започаткування в політичній практиці Європи принципово нових політико-правових підходів до будівництва державної влади і управління. У Франції було ліквідовано владу монарха, становий устрій, рабство (в колоніях); проголошувалося встановлення республіканської форми правління і федеральної форми державного устрою; законодавчо закріплювався принцип розподілу влади.

Базовими категоріями політико-правового дискурсу в той час стають наступні: “національний суверенітет”, “верховенство народу”, “представницьке правління”. Проголошується надання громадянам низки прав і свобод, в тому числі виборчого права та одного з “найдорожчих прав людини” (§11 “Декларації прав людини і громадянина” від 26 серпня 1789 р.) — права на “вільне висловлювання думок і переконань”, захист якого вже відповідно до Конституції 1793 року однозначно співвіднесено зі свободою асоціацій: “Право висловлювати власні думки і переконання через пресу або будь-яким іншим способом, свободу мирно збиратися... не може бути поставлено під заборону” [7]. Всі ці права, необхідність проголошення яких поставала “з деспотизму або свіжої пам’яті про нього”, сприяли формуванню на юридичному рівні своєрідного — в термінах Ю. Габермаса — “комплексу відкритості”, громадянського суспільства. Революція у Франції “протягом ночі” створила те, на що в Англії пішла сотня років стабільного розвитку — інституції, яких доти бракувало політично резонерській публіці. З’являються політичні клуби, з яких формуються парламентські фракції, створюється щоденна політична преса тощо [8].

Приймаючи власні конституції, Франція надихала країни-сателіти на затвердження аналогічних документів, а інколи насаджувала їх силою, як, наприклад, у випадку з Іспанією, де в 1812 році французи здійснили акт надання конституції, що згодом послужило прообразом конституцій незалежних країн Латинської Америки.

Велика французька революція була також своєрідним імпульсом активізації процесу формування новітніх європейських націй, що своїми коріннями сягав XVII, а подекуди і XVI століття. Націотворення стало однією з провідних ознак демократичного поступу Заходу.

Але потрібно зауважити, що французи не були, так би мовити, піонерами шляху демократизації політичного життя, творення інститутів того феномену, який з кінця XVIII століття почав називатися словом “демократія”. Історія демократичних політичних систем поліцентрична: більшість демократичних нововведень за два останніх століття стартувала в країнах, які на той час не були великими державами [9]. Наприклад, ідея особистої незалежності ще до Великої французької революції була не лише проголошена, а й здійснена на практиці в таких невеликих західноєвропейських

державах, як Баден, Данія, Савойя (остання якраз і послужила моделлю для революційної Франції 1789 р.).

Дух демократії проникав до Європи і з американського континенту.

Свій внесок у політично-модернізаційні процеси Заходу, становлення демократичних режимів і демократичних систем зробили й такі країни, як Англія, Швейцарія, Голландія та інші, тобто цивілізаційний авангард, де, з одного боку, зберігалася прихильність до традиційних політичних інститутів, а з іншого — зароджувалися і розвивалися нові демократичні структури. Так, в Англії поряд з інститутом монарха успішно розвивався парламент як представницький орган влади. Його діяльність, розпочата ще в кінці XIII століття, набула чітких демократичних форм і стала взірцем парламентської демократії в ході розбудови парламентів світу (найперше — у XIX ст. — норвезького сортинга, шведського риксдага, датського фолькетинга).

Демократизація життя на Заході розвивалася на ґрунті культурного досвіду, набутого в попередні епохи. Перш за все — в епоху Реформації, коли, за визначенням Дж. Ролза, ущент було розбито релігійну єдність середньовіччя, коли розкололася така авторитарна, експансіоністська релігія, як середньовічне християнство, і постав релігійний плюралізм, який у свою чергу посприяв розвиткові інших типів плюралізму, котрі з кінця XVIII століття стають постійною рисою західної культури [10]. Реформація породила політичний лібералізм.

Зробила свій внесок у грядуще демократичне оновлення і, зрештою, у появу homo democraticus й епоха Просвітництва, яка була часом народження теорій народного суверенітету, розподілу влади, правової держави. Ці останні стали домінантними при творенні модерніх політичних систем. Ідея особистої незалежності, примату індивідуального над державним, володіння над управлінням запанувала не лише в теорії, а й у політичній практиці Заходу. Також обстоювалася ідея суб'єктності громадян у політичному, соціальному, економічному та інших вимірах. Захищалися права індивіда, дії і вчинки якого обумовлювалися незалежною від держави матеріальною основою. Держава ж розглядалася як один зі звичайних політичних інститутів (а не як стрижень чи осереддя політичної системи). На державу все частіше почали дивитися лише як на утворення, що постало в результаті суспільного договору. Межі її діяльності (поширення чи втручання) мали бути суворо регламентовані спільнотою. Держава розглядалася як інструмент для узагальнення інтересів громадян, а державна влада — тільки як засіб самоорганізації суспільства. Завдяки громадянській відкритості, як влучно висловився Ю. Габермас, вироблялася політична свідомість, яка на противагу абсолютній владі чітко і зрозуміло викладала суть та вимоги до загальних та абстрактних законів, і, насамкінець, саму себе, тобто відкриту (громадську) думку, навчалася відстоювати як “єдине легітимне джерело цих законів” [11].

Деякі інші джерела виникнення демократії докладно проаналізовані в сучасній науковій літературі. Головний акцент, зазвичай, робиться на:

(1) розподіл ресурсів і влади у суспільстві, перш за все на забезпеченні різних акторів постійним доступом до ресурсів, необхідних для вступу у політичну гру і її проведення;

(2) стосунках між основними центрами суспільної і економічної влади та центральними політичними інститутами й аренами;

(3) створенні і “відтворенні” автономних політичних сфер.

Найважливішою серед зазначених у першому пункті даного переліку змінною є положення про неприпустимість монополізації ключових ресурсів і джерел влади у суспільстві будь-якою групою або сектором; це передбачає обов’язкову наявність декількох різних владних центрів, які потенційно мають здатність залишатися поза сферою впливу політичної влади, але які — теж потенційно — мають доступ до центрів своїх суспільств. Іншою критично значущою умовою неперервності існування демократії виступає постійне розширення незалежного доступу соціальних груп до політичної сцени (або сцен), причому мова йде не лише про формальне виборче право, але й про реальну можливість прямої участі і/або прямого впливу. Для того щоб забезпечити такий доступ, необхідні розвиток і постійне функціонування інституціональних структур та організацій, які слугують сполучними ланками між суспільними секторами і політичною сценою. Особливу роль в даному контексті відіграють автономні публічні арени, які не є вбудованими ані в державні структури, ані у “встановлені” статусні або корпоративні межі будь-якого з суспільних секторів. Крім того, щоб гарантувати їх неперервний розвиток, потрібно, щоб вони були вільні від контролю з боку держави, хоча ті, хто на них діє, можуть мати доступ до останньої. Найбільш важливими з вказаних “арен” є ключові органи політичного представництва і політичної організації, такі як партії та інші типи політичних асоціацій, а також канали комунікації і дискурсу, по яким рухається політично значуща інформація.

Постійний процес публічної комунікації всередині і поміж подібними суспільними площацками і об’єднаннями, а також — на іншому рівні — між ними і центрами полегшує вільний вихід основних секторів суспільства на політичну сцену. Наявність цих механізмів забезпечує їхню постійну участь в політичному житті та здатність вимагати звіту від тих, хто ними керує.

Таким чином, пошук обґрунтувань і умов виникнення демократії, безперечно, може надати нам додаткові знання. Але ми твердо переконані, що демократія — це набір інститутів, які потрібно створювати постійно. Отже, демократія в суспільстві й державі з’являється лише тоді, коли є певні джерела, а також існують необхідні економічні, політичні, ідеологічні та державно-правові передумови її виникнення.

До економічних передумов демократії належать економічна свобода особи та рівність усіх форм власності, їхня однакова охорона і захист з боку держави. Економічна свобода особи означає, що демократія встановлюється, коли особа стає економічно незалежною від держави. Це можна пояснити на наступному прикладі. Відразу після буржуазних революцій, коли

встановлювався буржуазний тип держави, у більшості країн вводилося цензове виборче право, яке здійснювалося на основі майнового цензу. Це було пов'язано не стільки з гнобленням трудящих, скільки з тим, що лише економічно незалежна людина, яка мала певне майно у приватній власності, була спроможна висловлювати свою точку зору при голосуванні, адже її не так легко було підкупити. Рівність усіх форм власності, їхня однакова охорона і захист з боку держави означає, що демократія настає, коли держава реально (а не на папері) охороняє і захищає усі форми власності.

Політичні передумови демократії передбачають реальне визнання народу суб'єктом державної влади. Це означає, що народ не формально, а фактично починає впливати на діяльність органів державної влади. Крім того, демократія настає, коли виникає реальна можливість громадян брати участь у формуванні органів державної влади і здійснювати контроль над їх діяльністю.

Ідеологічні передумови демократії — це плюралізм думок та свободи для засобів масової інформації.

Державно-правові передумови демократії передбачають конституційне закріплення прав і свобод людини та громадянина, принципу поділу влади, рівності усіх перед законом і судом та інших положень.

Також потрібно зазначити, що демократію неможливо пов'язувати лише з якоюсь однією суспільно-економічною формациєю. Демократичних порядків дотримувалися за рабовласницького устрою в містах-державах, таких, як Афіни, у низці міст середньовіччя, вони існують і в багатьох сучасних державах. Демократія — це феномен не формаційного, а цивілізаційного, соціокультурного порядку. В рамках однієї і тієї ж формації можуть бути країни з більше чи менше зрілою демократією, а можуть існувати й такі, де абсолютно відсутні справжні демократичні засади.

Література

1. Даль Р. Демократия и её критики. — М.: РОССПЭН, 2003. — С. 45.
2. Tracy Destutt de. A Commentary and Review of Montesquieu's Spirit of Laws. — Philadelphia, 1811. — Р. 19.
3. Sabine George. A History of Political Theory. — New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1964. — Р. 695.
4. Даль Р. Вказана праця. — С. 48.
5. Webb Sidney and Webb Beatrice. Industrial Democracy. — London: Longman, Green, 1920. — Рр. 3, 36.
6. Woodhouse A. S. P. Puritanism and Liberty. — Chicago: University of Chicago Press, 1938. — Р. 69.
7. Кармазіна М. Невідворотність демократії. Країні місця вже заброньовані? // Віче. — 2003. — № 7. — С. 44.
8. Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії "громадянське суспільство" / Пер. з нім. А. Онишко. — Львів: Літопис, 2000. — С. 115-116.
9. Markoff J. Where and when was democracy invented? // Journal of comparative studies of society and history. — Cambridge, 1999. — Vol 41. — № 4. — Р. 686
10. Ролз Дж. Політичний лібералізм / Пер. з англ. О. Мокровольський. — К.: Основи, 2000. — С. 17.
11. Габермас Ю. Вказана праця. — С. 99.

Н. А. Латыгина

канд. полит. наук, доцент, докторант Института политических и этнонациональных исследований НАН Украины
ул. Курчатова, 18, кв. 43, г. Киев-156, 02156

ДЕМОКРАТИЯ: НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Резюме

Эта статья посвящена анализу источников современного происхождения демократии как, например, идеи и учреждения представительского управления и принцип политического равенства; даны некоторые предпосылки современного происхождения демократии.

Ключевые слова: демократия, представительское управление, политическое равенство

N. A. Latyguina

Ph. d., associate professor, doctorant of Institute of political and ethnonational researches of NAS of Ukraine
Str. Kurchatova 18, app. 43 Kyiv-156 02156

DEMOCRACY: SOME REFLECTIONS ARE CONCERNING AN ORIGIN

Summary

This article is devoted to the analysis of the sources of the modern democracy origin such as the ideas and institutions of representative ruling and the principle of the political equality; prerequisites of the modern democracy origin are given.

Key words: democracy, representative ruling, and the political equality

**УКРАЇНА І СВІТ:
МІЖНАРОДНИЙ ВИМІР
ТРАНСФОРМАЦІЙНИХ
ПРОЦЕСІВ**

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА
Дону імені І. І. МЕЧНИКОВА

УДК 327(439:437.1/.2)“199/20”

О. І. Брусиловська, канд. політ. наук, доц.
 Кафедра міжнародних відносин ОНУ ім. І. І. Мечникова.
 к. 32, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна.
 Тел.: (380482) 633259. E-mail: cis_asc@paco.net

ПОЛІТИЧНА ТРАНСФОРМАЦІЯ УГОРЩИНИ ТА ЧЕХІЇ В ДРУГІЙ ПОЛОВИНІ 90-Х РР. ХХ — НА ПОЧАТКУ ХХІ СТ.: ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ

Стаття присвячена проблемі політичної трансформації країн Східної Європи на прикладі Угорщини та Чехії, що представляють два варіанти тактики побудови демократичного суспільства: градуалістський та радикальний. У статті проведено компараторний аналіз політичних реформ в Угорщині та Чехії на межі століть з метою узагальнення досвіду східноєвропейського регіону та з'ясування можливостей його використання в Україні.

Ключові слова: політична трансформація, градуалізм, радикальні реформи

Країни Східної Європи обрали після революцій 1989 р. однакову стратегічну мету посткомуністичної трансформації — побудову демократичного суспільства та повернення до європейської цивілізації, частиною якої вони завжди себе вважали. Але тактика країн регіону відрізнялась досить суттєво. Так, Угорщина обрала “третій шлях”, тобто, намагаючись уникнути “жахів комунізму та капіталізму”, проводила градуалістську політику поступового реформування. Навпаки, Чехія проявила себе прибічницею радикального шляху реформування. Дослідження їхнього індивідуального досвіду є актуальним для сучасної України, яка намагається приєднатись до сусідів на шляху євроінтеграції, тим більш, що наша країна втратила історично важливий час і тепер все залежить від того, чи вистачить у політичних еліт України волі та компетентності наздогнати східноєвропейські країни, не повторюючи їхніх помилок.

Тема політичної трансформації Східної Європи — одна з найпопулярніших у сучасній політології. Умовно її можна поділити за проблематикою досліджень. Серед авторів, що досліджують історію політичної трансформації в Угорщині, слід особливо відмітити Єву Кіш, ужгородську дослідницю, що написала вже цілий ряд цікавих праць щодо різних сторін угорського досвіду. У Росії таке ж місце посідають праці Бели Желіцьки. Аналогічні праці із чеської трансформації проводяться американським дослідником Деніелом Олсоном. Іншу групу досліджень представляють російська дослідниця Елла Задорожнюк та її український колега Олександр Оксак. Їхня увага зосереджена на більш загальних проблемах демократії, партійного та державного будівництва. Разом з тим наразі, по закінченні першого етапу реформ, усе ще існує нагальна потреба впорядкування наших знань щодо різних моделей трансформації, таких як градуалістський та радикальний шляхи.

Отже, стаття має на меті узагальнення досвіду таких центрально-східноєвропейських країн, як Угорщина та Чехія, щодо проблем політичної трансформації.

За кілька років політичної трансформації Угорщина перетворилася на типову парламентську демократію. Угорський парламент — однопалатна Національна Асамблея — обирається населенням на 4 роки. Спеціалісти вважають угорську систему однією з найбільш складних у світі. Голосування здійснюється як за “партійними списками”, так і за одномандатними округами. Частина депутатських мандатів розподіляється серед партій, що “взяли” 5-процентний бар’єр, згідно спеціальній математичній формулі [1, р. 125]. Таким чином, в Угорщині парламентські вибори лише теоретично можуть проходити в один тур, фактично ж перший тур надає лише приблизне уявлення про розклад сил на політичній арені, а на другому цей розклад вимірюється кількісно. Прем’єр-міністр та уряд обираються парламентом за рекомендацією президента, голови держави.

У Чехії законодавча влада належить парламенту, що складається з двох палат — палати депутатів (200 осіб, що обираються на 4 роки) і сенату (81 особа, що обирається на 6 років; третина складу сенату оновлюється кожні 2 роки). Виконавча влада належить уряду; його склад пропонується палатою депутатів та затверджується президентом; сенат не контролює діяльність уряду. Голова держави — президент, що обирається парламентом на 5 років.

У Чехії існує більше 80 партій та близько 200 молодіжних організацій. Специфіка чеського варіанту трансформації полягає в тому, що він є винятком з правила політичного розвитку Східної Центральної Європи. Тут праві (або точніше — правоцентристський блок) довгий час міцно утримували владні позиції. У той же час Чехія, як і інші країни, не уникла протистояння “президент — парламент” і невдалих спроб президента укріпити свою владу. Це протистояння розвело по різні боки колишніх товаришів по боротьбі з комуністичним режимом. Протягом 90-х рр. В. Гавел послідовно виступав проти люстрації: “Ми всі частина комунізму, ми всі голосували за комуністів; вони отримували в більшості випадків 99,99%. А тепер люди підлещуються перед дебольшевізаторами. Ті, хто дійсно працював проти комуністів, не мають потреби зводити рахунки” [2, р. 512]. Президент наклав вето на продовження Закону про декомунізацію (строк його скінчився у 1996 р.), заявивши, що революційна фаза розвитку країни підійшла до кінця; однак парламент переборов вето, і Закон продовжує діяти.

На парламентських виборах у червні 1996 р. перемогу знову здобув блок правих сил (ГДП, ГДА, ХДУ). Він отримав 99 з 200 депутатських мандатів у Національній раді. Уряд знову очолив В. Клаус. Але ЧСДП здобула 26% голосів, таким чином в 4 рази покращила свій колишній результат. Тому посаду голови чеського парламенту зміг зайняти М. Земан. Він оцінив підсумки виборів як “найбільшу перемогу ЧСДП за 100-річну історію партії” [3, р. 152]. Але самим популярним політиком у країні залишився В. Гавел, що майже автоматично став у другому президентом Чехії (20 січня 1998 р.).

Характерною рисою політичного життя другої половини 90-х став вплив лівої опозиції, що поступово зростав. Період прокльонів на адресу колишніх комуністів закінчився наприкінці 20 ст. Комуністична партія Чехії та Моравії (КПЧМ) за опитуванням суспільної думки виявилась найбільш популярною політичною силою. Але до цього її привели не тільки власні зусилля, а й невдалі кроки правих урядів. Іншою новою тенденцією стало падіння популярності радикальних правих партій, таких як Об'єднання за Республіку — Республіканська партія Чехії (ОЗР-РПЧ), Моравська національна партія.

1997-1998 рр. стали роками кризи в Чехії, яка охопила не тільки сферу економіки. Проявом політичної нестабільності стала відставка прем'єр-міністра В. Клауса після гучного скандалу з приводу перерахування великих сум грошей на його таємні партійні рахунки у швейцарських банках. Репутація Клауса як одного з найуспішніших європейських політиків розвіялась, як дим. Тепер преса називала його “більшовиком від капіталізму”, головним корупціонером країни.

Скандал призвів до кризи та розколу всередині ГДП. Клаус залишив за собою посаду голови; це викликало створення внутрішньопартійної фракції для боротьби з керівництвом (до неї належали міністри фінансів, оборони, праці, міністр з питань розвитку регіонів). Але більшість членів підтримала свого лідера. На надзвичайному з'їзді партії опоненти Клауса були затверджені як “зрадники” [4, с. 21].

У січні 1998 р. уряд, у склад якого увійшли представники 3 правих партій, очолив Йозеф Тошовський. Представники ГДП отримали 4 міністерських портфелі (замість 8 у попередньому уряді); Громадянський демократичний альянс та Християнсько-демократична унія — Чехословачька народна партія, які мали раніше по 4 міністерських пости, отримали лише по 3. Уперше в коаліцію увійшли також безпартійні, що отримали 6 з 16 міністерських портфелів. Таким чином, праві лишились монополії на владу.

Головними завданнями уряд назвав євроінтеграцію, боротьбу з корупцією, економічною злочинністю. Мандат уряду повинен був діяти до дострокових парламентських виборів, на яких наполягали найсильніші партії країни.

Напередодні виборів праві зробили все, щоб консолідувати сили, розпущені внаслідок розколу ГДП. Один з її лідерів, Я. Румл, у квітні 1998 створив партію Союз свободи (СС), яку активно почав підтримувати та пропагувати президент Гавел [5, с. 5].

На червень 1998 р. були призначенні парламентські вибори. Особливість цих виборів полягала у тому, що практично ні одна з партій не створила коаліцію; таким чином, жодна партія не мала можливості створити сильний уряд. Отже, вибори не дали переваг ні лівим, ані правим. Уперше після падіння комуністичного режиму в Чехії перемогу отримали ліві, але з невеличким відривом. ЧСДП здобула 32,3% голосів. На другому місці була ГДП — 27,8%. На третьому — КПЧМ (11,1%). У парламент пройшли

також Християнсько-демократична унія — Чехословацька народна партія (об'єднались в 1992) (ХДУ-ЧНП) та СС [6, с. 139]. Таким чином, у палаті депутатів ліві здобули 74 місця, а праві всього на 5 менше, ніж у попередньому складі — 63. Деякі наглядачі відмічають як позитивне явище, що вперше бар'єр не змогли подолати радикали — ані Партія пенсіонерів, ані Республіканська партія.

9 липня ЧСДП та ГДП підписали так звану “опозиційну угоду” (партії домовились про розподіл влади), за якою з'явилась можливість формування однопартійного уряду.

17 липня президент доручив сформувати уряд колишньому голові палати депутатів Мілошу Земану (ЧСДП). Земан за опитуванням суспільної думки став другим найбільш популярним політиком у країні.

В Угорщині, на відміну від Чехії, склалась класична для Східної Європи “система маятника”: кожні 1-2 вибори ліві та праві мінялися місцями при владі. Проте поразка УСП на парламентських виборах у травні 1998 р. була несподіванкою для всіх (134 мандати). Причиною стало широке об'єдання зусиль реформованого правоцентристського блоку СМД-УГП (Союз молодих демократів — Угорська громадянська партія) з УДФ та НПДГ: разом вони отримали 163 мандати в Державних зборах [7, с. 24]. 34-річний лідер СМД-УГП Віктор Орбан, що очолив кабінет міністрів у липні 1998 р., створив імідж висококомpetентного політика, який керувався розумом, а не емоціями у визначені подальшого шляху для країни.

Угорщина повторила негативний досвід Польщі, де певний час надмірну політичну роль відігравав Костюл. Також надмірну увагу Орбан проявив до “хворобливого” питання про долю зарубіжних угорців. За його ініціативою парламент прийняв закон про пільги та привileї етнічним угорцям, що проживають в сусідніх країнах. Вони отримали рівні з громадянами Угорщини права в галузі культури та освіти, у тому числі значні стипендії, безкоштовну медичну допомогу, пільгові транспортні тарифи, право на працю в Угорщині протягом 3 місяців на рік. Закон викликав бурю в сусідніх країнах, перш за все в Румунії, що подала скаргу в Раду Європи та ЄС [8, с. 16]. Ще більше нарікань викликала заява Орбана про необхідність відміни декретів Е. Бенеша про висилку зі Східної Європи етнічних німців. Всі ці заходи пояснювались бажанням прем'єра напередодні виборів отримати голоси націоналістів, прибічників ідеї “Великої Угорщини”, а самому посісти місце нового “отця нації”. Однак у реальності він втратив підтримку більшості громадян, що ясно виявили волю до безконфліктних відносин із сусідами.

В Угорщині на межі століть проявилася дуже важлива тенденція до формування двопартійної системи, що засвідчили як президентські, так і парламентські вибори. У серпні 2000 р. президентом став Ференц Мадл [9, с. 68]. На парламентських виборах у квітні 2002 р. головну роль відігравали 6 політичних партій: СМД-УГП (В. Орбан), УСП (Л. Ковач, П. Меддєши), НПДСГ (Й. Тордъян), КПУ (Д. Тюрмер), СВД (Г. Куппе), рух “Нові ліві” (М. Сюреш). За УСП (41,3%) та СМД-УГП (40,3%) проголосували

90% всіх виборців, хто прийняв участь у виборах. На 3 місці — СВД, що отримав тільки 5,4% голосів. Разом з тим, виборча кампанія була найбільш “брудною” за посткомуністичні часи. Основні суперники вилили одне на одного цілий “щебер” компромату. Порушення виборчого закону носили постійний характер.

У другому турі соціалісти об’єднались з вільними демократами та здобули 205 місць у парламенті. СМД-УГП отримала 180 місць та перейшла в опозицію. Новий уряд очолив Петер Меддъєши, 60-річний економіст, що мав репутацію не тільки одного з найбільших спеціалістів у галузі макроекономіки, а й урівноваженого, прагматичного політика. На меті він перш за все мав виправлення внутрішньо — і зовнішньополітичних помилок попередника та продовження реформування в суворій відповідності до нормативів ЄС.

У Чехії на початку нового століття також відбулися деякі зміни як у партійному житті країни, так і в системі розподілу влад взагалі. На парламентських виборах 2000 р. ГДП знову обійшла за популярністю ЧСДП. Праві — “Коаліція чотирьох” (Союз свободи, християнські демократи, Громадянський демократичний альянс, Демократичний союз) — створили опозицію, що здобула більшість сенаторських крісел.

У січні 2000 р. Палата депутатів за ініціативою ЧСДП та ГДП проголосувала за внесення змін у конституцію країни. Прерогативи президента були скорочені [10, с. 16]. Це стало можливо завдяки угоді двох партій, що поглиблювалась з 1998 до 2002 р., забезпечивши стабільність всієї політичної системи.

У червні 2002 р. на парламентських виборах ЧСДП отримала третину голосів та створила коаліцію з правим Союзом свободи й центристською Християнсько-демократичною партією (ХДП), що дало можливість розраховувати на 101 місце з 200. ГДП отримала 24% голосів та залишилась в опозиції (до наступних виборів 2006 р.) [11, с. 67]. Уряд до липня 2004 р. очолював лідер ЧСДП Володимир Шпідла. Але він швидко втратив популярність в країні через впровадження фіiscalьних реформ, необхідних для підготовки Чехії до членства в Європейському Союзі.

На виборах КПЧМ здобула 18% голосів, що є найвищим результатом для чеської компартії за весь посткомуністичний період. Але це викликало пильну увагу з боку її супротивників і загострення питання про люстрацію. Побоювання викликає не тільки те, що в Чехії все ще існує “коріння комунізму”, отже, КПЧМ може колись виграти вибори та повернутись до влади, але й можливість входження навіть одного комуніста в уряд. Таким чином, Чехія залишається країною з найбільшим “антикомуністичним потенціалом” в регіоні.

У січні 2003 р. В. Гавел покинув посаду президента. Його популярність з кінця 90-х рр. поступово падала; президенту дорікали за соціальні проблеми, що постійно збільшувались, за зростання корупції та злочинності в сфері бізнесу, загальне погіршення криміногенної ситуації в країні. Для Чехії була також характерна відсутність активної політики щодо захисту

прав людини (порівняно з іншими країнами регіону ЄС): це один з найбільших парадоксів її посткомуністичного транзиту, адже В. Гавел уособлював зразкового східноєвропейського ліберала. Всі ці проблеми та також стан здоров'я Гавела не дозволяли йому продовжувати активну політичну діяльність. Колишній радник президента Йірі Пехе заявив: “Той факт, що ми зможемо обійтись без пана Гавела, буде означати, що ми стали стабільною демократією” [11, с. 69].

За конституцією чеський президент обирається парламентом. За ініціативою соціал-демократів було проведено плебісцит, на якому фаворитами в боротьбі за президентське крісло стали колишній прем'єр Мілош Земан (ЧСДП), заступник віце-прем'єра Ярослав Буреш (ЧСДП), голова сенату Петер Піттарт (ХДП) та колишній міністр юстиції Отакар Мотейл. ГДП висунула кандидатуру свого лідера В. Клауса незважаючи на відмову всіх своїх союзників підтримати цю одіозну кандидатуру.

Вибори президента розтяглись на довгий строк. За конституцією обом палатам парламенту надається три спроби обрати переможця, а в разі, якщо цього не станеться, обираються нові кандидати, отже, процедура повторюється. Урешті-решт новим президентом було обрано В. Клауса. Щоб зрозуміти цей вибір, треба мати на увазі бажання депутатів парламенту гарантувати Чехії якомога більшу підтримку з боку ЄС. Черговим парадоксом було те, що кандидат правих В. Клаус до цього займав позицію євроскептика.

Отже, на початку ХХІ ст. у Чехії остаточно склався баланс двох сил: правоцентристів та соціал-демократів. Таким чином, вона більше ніж сусідні країни наблизилась до формування двопартійної системи, визнаної найкращою для розвинутих демократичних держав.

Підсумовуючи досвід цих двох країн — лідерів політичної трансформації, можна виділити декілька найважливіших тенденцій у політичній трансформації регіону. По-перше, будівництво державних структур в Угорщині та Чехії свідчить, що Східна Центральна Європа зробила свідомий вибір на користь парламентської, а не президентської республіки. Не зважаючи на персональні успіхи таких особистостей, як В. Гавел, президент не зумів добитися становища голови виконавчої влади. Він — гарант конституції, але він не визначає політику країни й не несе відповідальності за її здійснення. Виконавча влада в Східній Центральній Європі представлена урядом, законодавча — парламентом. Сьогодні саме парламент затверджує склад уряду, здійснює контроль за його діяльністю, приймає закони і державний бюджет.

По-друге, з середини 90-х рр. почався поворот до об'єднання партій у передвиборні блоки, а в цілому можна говорити й про формування традиційних політичних течій. До найбільш впливових ліберальних партій слід віднести Громадянську демократичну партію (Чехія), Союз вільних демократів (Угорщина). Соціал-демократичне крило представлене УСП. Християнсько-демократичне — ХДП (Чехія). Крім традиційних для Заходу трьох течій, у Східній Центральній Європі слід виділити окреме аграрне крило, яке в ході політичної боротьби підтримує то лівих, то центристів.

По-третє, у ході реформ у країнах Східної Центральної Європи, схильних до “маятникового” правила зміни партій при владі, відбулося зміщення апарату уряду й поділ його на дві частини: політичну (прем'єр-міністр і два віце-прем'єри), де посади належать обов’язково членам правлячої коаліції, і неполітичну (громадянський чиновницький корпус). Це дозволяє зберегти спадкоємність у проведенні реформ і необхідний професійний рівень апарату міністрів.

По-четверте, процес реформ у Східній Європі пройшов лише першу стадію. Завданнями другої буде формування сильного громадянського суспільства, двопартійної політичної системи, незалежності суду, суспільного контролю над електронними засобами масової комунікації. Посткомуністична політична практика досить швидко, але болісно розвіяла деякі ілюзії перших модернізаторів, такі як: 1) створення ринкової економіки, на думку більшості дослідників, само по собі веде до впровадження демократії. Так було в Західній Європі, але це зовсім не правило; 2) повний контроль над подіями не можуть здійснювати ані політичні еліти, ані зовнішні сили; 3) Східна Європа демонструє власний варіант розвитку демократії, що має сильні та слабкі сторони, присутні західноєвропейському варіанту, та дещо власне, породжене перш за все десятиліттями комунізму; 4) важливим фактором у посткомуністичній трансформації став час. Країни, що витратили його марно, наразі майже втратили можливість приєднання до Великої Європи; 5) теоретично демократизація повинна була б супроводжуватись лібералізацією, але ніхто з міжновладців не хоче втрачати влади. Отже, лібералізація зовсім не обов’язково наслідує демократизації.

І останнє, про що слід пам’ятати при аналізі політичної трансформації в Східній Центральній Європі: традиційно великою (якщо не найбільш визначною) була роль зовнішніх факторів у вирішенні долі регіону. Прозахідна орієнтація майже всіх політичних течій у Східній Центральній Європі не була випадковою. Тільки входження до європейських структур могло гарантувати поступальний розвиток регіону по шляху до демократії, гарантувати остаточну відмову від будь-яких форм авторитаризму, що наприкінці 20 ст. усе ще переважав у Південно-Східній Європі і пострадянських державах. Саме це “небезпечне сусідство” було одним з головних стимулів до активного пошуку країнами Східної Центральної Європи свого місця в новій об’єднаній Європі.

Попри всі розбіжності тактики, Чехія та Угорщина ставили перед собою однакові стратегічні цілі, тому у варіантах їхньої трансформації спільного більше, ніж відмінного. Крім того, обидва суспільства об’єднує досить високий рівень обізнаності політичних еліт та наявність певного консенсусу між державою та суспільством. Саме цих компонентів бракує сучасній Україні й заважає їй користуватись досвідом східноєвропейських сусідів.

Література

1. Gero A. Modern Hungarian society in the making. The unfinished experience. — Budapest, 1995. — 276 p.
2. Mateju P., Rehakova B. Turning left or class realignment? Analysis of changing relationship between class and party in the Czech Republic. 1992-1996 // EEPS. — 1997. — Vol. 11. — N 3. — P. 512-513.
3. Olson D. Democratization and political participation: the experience of the Czech Republic // The consolidation of democracy in East-Central Europe / Ed. by K. Dawisha, B. Parrott. — Cambridge: Univ. Press, 1997. — P. 150-197.
4. Гришин П. Гавел думает о преемнике // Эхо планеты. — 1998. — № 24. — С. 20-21.
5. Лактионова М. Гавел усидел на "троне" // Политика. — 1998. — 28 января. — С. 5.
6. Задорожнюк Э. Г. Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности // Международный исторический журнал. — 2000. — № 11. — С. 137-147.
7. Дидусенко А. Сдвиг вправо (парламентские выборы в Венгрии) // Новое время. — 1998. — № 22. — С. 24.
8. Кіш Є. Європейський вибір соціуму Угорщини на зламі 20-21 ст. // Людина і політика. — 1999. — № 3. — С. 15-18.
9. Желицки Б. Общий кризис "реального социализма" и демократические преобразования в Венгрии // ВИ. — 2000. — № 6. — С. 53-70.
10. Оксак О. Концептуальні підходи до порівняльного вивчення моделей представницької демократії // Дослідження світової політики. — 2000. — № 10. — С. 14-17.
11. Задорожнюк Э. Социал-демократия в странах Восточной Европы. — М., 2002. — 310 с.

О. И. Брусиловская

Кафедра международных отношений ОНУ им. И. И. Мечникова,
к. 32, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕНГРИИ И ЧЕХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-Х ГГ. ХХ — НАЧАЛЕ ХХ В.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Резюме

Статья посвящена проблеме политической трансформации стран Восточной Европы на примере Венгрии и Чехии, которые представляют два варианта тактики строительства демократического общества: градуалистский и радикальный. В статье проведен компартивный анализ политических реформ в Венгрии и Чехии на рубеже веков с целью обобщения опыта восточноевропейского региона и выяснения возможностей его использования в Украине.

Ключевые слова: политическая трансформация, градуализм, радикальные реформы

O. I. Brusilovska

Department of International Relations, Odessa National University,
k. 32, French Bul., 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

**POLITICAL TRANSFORMATION OF HUNGARY AND CZECH
REPUBLIC IN THE SECOND PART OF 90'S OF XX — AT THE
BEGINNING OF XXI CENTURY: COMPARATIVE ANALYSIS**

Summary

The article is devoted to the problem of the Eastern European political transformation citing as examples Hungary and Czech Republic. They represent two variants of tactical construction of the democratic society: gradual and radical. In the article the author adheres to comparative analysis of the political reforms in Hungary and Czech Republic on the verge of the centuries with the purpose of generalizing experience of the Eastern European region and revealing possibilities to use this one in Ukraine.

Key words: political transformation, gradualism, radical reforms

УДК 327 (4-17) "20"

Л. Л. Рассоха, аспірантка кафедри міжнародних відносин,
Інститут соціальних наук, Одеський національний університет
ім. І. І. Мечникова
кімната 32, Французький бульвар 24/26, м. Одеса-58, 65058,
Україна. Телефон: 8 (067) 4817405, e-mail: mleo@farlep.net.

ВИМІРИ ЗОВНІШНЬОЇ ПОЛІТИКИ ПІВНІЧНОЄВРОПЕЙСЬКИХ ДЕРЖАВ У ПОСТБІПОЛЯРНИЙ ПЕРІОД

В статті розглянуто виміри зовнішньої політики п'яти держав, що складають регіон Північної Європи. Поряд з традиційними для північноєвропейських держав досліджуються нові виміри, що з'явилися лише в постбіополярний період, такі як "субрегіональний" та "міжрегіональний". Наше завдання складається не лише в розгляді та характеристиці вимірів зовнішньої політики країн регіону, але також в іхньому співвідношенні. Подібний аналіз дозволяє з великим ступенем вірогідності прогнозувати зовнішньополітичні кроки вищезазначених держав.

Ключові слова: "Північне співробітництво", Гельсинський договір

Оцінити місце, яке посідає регіон Північної Європи в постбіополярній системі міжнародних відносин, особливо важливо у зв'язку з отриманням Україною статусу сусіда Європейського Союза, членами якого є три нордичні держави — Данія, Фінляндія та Швеція. В випадку Норвегії мова йде про історичні зв'язки, відновлення традицій торгово-економічного та військового співробітництва, ознайомлення з досвідом (загальновідомим є той факт, що Норвегія є найбільшим експортером та видобувачем нафти в Європі, а для України важливим є питання енергоносіїв, а також розробки раціональних, вивірених проектів відносно шельфів Чорного та Азовського морів).

Метою статті є дослідження зовнішньополітичних курсів північних держав, розгляд еволюції курсів п'яти північноєвропейських держав в нових умовах постбіополярності з огляду на зміни в складі акторів міжнародних відносин, іхні нові можливості.

Завданнями дослідження є 1) розгляд вимірів та напрямів зовнішньої політики Данії, Ісландії, Норвегії, Фінляндії та Швеції (в тому числі, двох нових вимірів — "субрегіонального" "Північного виміру" та "міжрегіонального" Балто-Чорноморського; вивчення обопільного впливу всіх вимірів).

Наступна стаття є однією з перших спроб комплексно описати та співвіднести всі виміри зовнішньої політики країн регіону Північної Європи в постбіополярний період. В своєму дослідженні автор спиратиметься на дослідження скандинавських авторів [1], [8], [9]; джерела [5], [6]; а також на наукові праці українських [2] та російських авторів [3], [7].

Зі стратегічної точки зору, регіон Північної Європи мав надзвичайну важливість в період “холодної війни”. “Сторож Балтійських проток” — Данія, “авіаносець, що неможливо потопити” — Ісландія, а також північноєвропейська держава, кордон якої був єдиним районом в Європі, де проходив сухопутний кордон між країнами НАТО та Радянським Союзом, Норвегія, складали “північний фланг НАТО” (так звана “атлантична Скандинавія”). Разом з цим, Балтика визначалась як “витягнута рука НАТО”, спримована углиб території соціалістичних держав. У постбіополярний період ситуація докорінно змінилась, бо “сила атлантичної Скандинавії залежить від рівня військової напруги в Північній Європі, ціль посилення (збільшення) атлантичного виміру потребує стратегії напруги” [1, с. 66], а загрози, що існували до цього, під час “холодної війни”, суттєво зменшились. Увага НАТО переводилася спочатку на Балкани, пізніше на інші точки Земної кулі (що суперечить статті 6 Статуту НАТО, яка дає тлумачення категорії “територія НАТО”).

Що стосується власне Північної Європи, зовнішньополітична ситуація, визначена норвезькими дослідниками Н. Холстом та Д. Петерсеном як “північний баланс” або “поляризація” зовнішньої політики нордичних держав, припинила існування, змінилася. Як відомо, пріоритетні для Фінляндії “особливі” відносини з Радянським Союзом, що базувалися на угоді “ДСВ-48”, були також засадою фінської політики безпеки. В постбіополярний період ситуація змінилась. Лінію Паасиківі-Кекконена у зовнішній політиці Фінляндської Республіки також було змінено.

Геополітичні зміни 1990-х років ілюстрували руйнування системи попередніх зв’язків та відкривали шлях для встановлення нових форм взаємодії та взаємозалежності. Згідно з Самуелем Хантінгтоном, із завершенням “холодної війни” “оксамитова завіса” культури замінила “залізну завісу” ідеології як найсуттєвіша лінія розподілу в Європі [2, с. 101]. Для постбіополярної системи міжнародних відносин характерним є збільшення зв’язків північноєвропейських держав із міжнародною спільнотою.

Окрім традиційних для північноєвропейських держав вимірів зовнішньої політики (“універсального” (ООН та інші міжнародні організації), “атлантичного” (США, НАТО), “європейського” (або “континентального” — ЄС, Європейська Асоціація вільної торгівлі), “балтійського” та “регіонального” (“північне співробітництво” — Північна Рада та Північна Рада міністрів), в постбіополярний період посилюється “субрегіональне” співробітництво під егідою ЄС (“Північний вимір”), а також з’являється ще один новий вимір — “міжрегіональний” (“Балто-Чорноморське партнерство” або “співробітництво/регіональне партнерство за “віссю Північ-Південь”, чи “співробітництво вздовж “чорноморсько-балтійської осі”).

Дослідники-нордисти вирізняють важливі риси скандинавської ідеології, які ми маємо змогу використовувати для пояснення чи обґрунтuvання тих або інших зовнішньополітичних кроків, зроблених Данією, Ісландією, Норвегією, Фінляндією чи Швецією: 1) раціоналізм; 2) культ індивідуалізму, але разом з тим сильно розвинене почуття спільнотного, однакового з усі-

ма іншими індивідуумами сприйняття дійсності (що полегшує наявність етнічно однорідного населення в Скандинавії); 3) сильно розвинена потреба в спілкуванні, готовність до її консенсуальної форми: “неспроможність до консенсуального спілкування може викликати звинувачення в екстремізмі. А його в Скандинавії не дуже полюбляють” [3, с. 241]; 4) притаманна якість використовувати корпорацію або демонстрацію, ніколи не домагатися будь-чого безпосередньо самому, не діяти *in persona*; 5) специфічний різновид, притаманний державам Північної Європи, вирішення питань шляхом переговорів (*forhandlinger*), яким тут завжди віддають перевагу на противагам страйкам чи силовим методам [3, с. 241].

В період “холодної війни” північні країни вперше створили координаційний центр “північного співробітництва” — Північну Раду (або спільний Скандинавський парламент) та міжурядову Північну Раду міністрів (форум для погодження позицій п’яти Північних урядів у міжнародних організаціях). Ця модифікація “північного співробітництва” спиралась на спільну скандинавську ідеологію — “скандинавський націоналізм” та “скандинавський соціал-реформізм”), а також спільну правову базу — Гельсинський договір про співробітництво. Гармонізація та уніфікація законодавства наблизила північні країни більше одна до одної, ніж деякі штати США або членів ЄС. Поява в 1974 році в урядах північних країн міністра, відповідального за співробітництво з північними сусідами (не міністра за кордонних справ, але й не внутрішніх), ротація головування в Північній Раді та Північній Раді міністрів, а також факт представлення спільних для всіх країн регіону “північних інтересів” на міжнародній арені Президію Північної Ради змусили багатьох називати “північне співробітництво” у біполлярний період “унікальним” для Європи досвідом та розглядати його як найдоречнішу інтеграційну модель в спільноєвропейському масштабі. “Північне співробітництво” — “павутинна інтеграція”: було досягнуто результатів переважно по другорядних питаннях, яких з огляду на широкий характер співробітництва виявилось багато.

На сесії у Рейк'явіку в 1996 році Північна Рада офіційно закріпила відносини із прикордонними територіями Півночі як один з напрямів своєї діяльності. Поняття “прикордонні території” включає Естонію, Латвію, Литву, а також північно-західні регіони Російської Федерації (а саме республіку Карелія, Архангельську, Калінінградську, Мурманську, Ленінградську області, місто Санкт-Петербург) [4]. На практиці подібне співробітництво здійснюється з початку 1990-х років на основі спеціальних робочих програм, що їх приймає Рада міністрів північноєвропейських країн для прикордонних територій. Головні сфери взаємодії: дотримання громадянських прав, охорона навколошнього середовища, забезпечення стійкого розвитку, зміцнення зasad ринкової економіки, раціональне використання природних ресурсів, збереження культури [4].

Тричі у постбіполлярний період 21 серпня 1991 року в Тампере; 18 березня 1993 року в Гельсинкі; 29 вересня 1995 року в Копенгагені) в базовий договір “північного співробітництва” — Гельсинський — вносили зміни.

Причину було пояснено в преамбулі: “прагнути й надалі поновлювати та посилювати співробітництво між північними країнами в світлі розширення участі північних країн в процесі європейського співробітництва” [5]. Тобто зміни були обумовлені вступом до Європейського Союзу Швеції та Фінляндії. Особливо привертають увагу зміни до статей 1, 2 і 33 Гельсінського договору — правової бази “північного співробітництва”. Стаття 1 виглядає так: “Високі сторони, що домовляються, прагнуть встановити та розвинути подальше співробітництво між північними країнами... Сторони повинні проводити спільні консультації з питань, що представляють взаємний інтерес, що їх ставлять на порядку денному європейські та міжнародні конференції” [5]. Стаття 33 договору повністю виправдовує прямий зв’язок “північне”-“європейське співробітництво” (концепція Олофа Пальме “Взаємозв’язку між розрядкою напруги та укріпленням європейської безпеки і розширенням “північного співробітництва””): “Участь Високих сторін, що домовляються в співробітництві на європейському та міжнародному рівнях, надає можливість спільного отримання користі для північних громадян і компаній. Уряди північних країн несуть часткову відповіальність у цьому зв’язку за забезпечення інтересів та цінностей, що поділяють всі” [6].

В постбіополярний період Північна Рада ініціювала парламентське співробітництво за трьома “північними” напрямами: 1) балтійським; 2) арктичним; 3) баренцевим. Структура та діяльність Північної Ради стали моделлю для створення парламентської організації країн Балтії — Балтійської Асамблей. Діяльність Північної Ради та Північної Ради міністрів в 1990-і роки була спрямована на розвиток принципово нових відносин з країнами Балтії та Росією.

В постбіополярний період збільшилась політична вага субрегіонального співробітництва, саме на ньому зараз робиться наголос. В 90-і роки ХХ століття з’явилися два підходи до цього питання: фінський та шведський. Ідео-концепцію-програму “Північний вимір” ЄС було запропоновано Фінляндією, котрій довелося в дуже короткий термін в 1997 році здійснити політичний, ідеологічний та дипломатичний демонтаж “лінії Паасиківі-Кекконена”. Цю проблему можна розглянути з точки зору трьох підходів: 1) політичного реалізму; 2) ліберально-ідеалістичної парадигми; та 3) глобалізму. За своїми наслідками для держав, що беруть участь, та субрегіональних організацій інші приклади в Європі відсутні: ця форма субрегіонального співробітництва є основою для формування іншої системи міжнародних відносин із використанням нестандартного підходу в вирішенні актуальних питань на Півночі Європи. Тим самим було здійснено новаторську спробу поглибити та розширити взаємодію країн та народів субрегіону із залученням нових суб’єктів міжнародних відносин (Латвії, Естонії, Литви, РФ).

“Північний вимір” — свідоцтво появи нових політичних технологій у сфері міжнародних зв’язків. Концепція програми відображає об’єктивну тенденцію ускладнення комплексної та багаторівневої структури зовнішніх дво- та багатосторонніх міждержавних відносин в північноєвропейсь-

кому субрегіоні. Крім цього, було активно застосовано на практиці “стратегію політичних сітей” (“political network strategy”) з метою здійснення транскордонного співробітництва та врегулювання питань, що викликають суперечки, в обхід владних державних структур [7, с. 78].

Отже, для постбіполярної системи міжнародних відносин характерною рисою є кількісне та якісне збільшення зв’язків північноєвропейських держав із міжнародною спільнотою. Розглянувши відносини п’яти північноєвропейських держав з ЄС, ми з’ясували, що з завершенням “холодної війни” 1 січня 1995 року дві нордичні країни, Фінляндія та Швеція, стали чотирнадцятим і п’ятнадцятим членами ЄС, таким чином приєднавшись до Данії, яка протягом двадцяти одного року була єдиною країною Північної Європи та членом ЄС і позиціонувала себе як міст, що поєднує Північну Раду (“північне (регіональне) співробітництво”) та ЄС (європейська інтеграція). На посаді голови Європейського Союзу Фінляндія зробила багато для врегулювання Балканської кризи та припинення дій НАТО в Югославії. Дві північні країни — Норвегія та Ісландія — залишились поза меж Європейського Союзу, не дивлячись на те, що Норвегія в різні часи подавала чотири заяви на вступ. У випадку Норвегії та Ісландії більш сильним є “атлантичний” вимір зовнішньої політики. Шведська, датська та фінська “континентальна” орієнтація виявилася сильнішою за їхню “атлантичну”.

Три північноєвропейські країни, Данія, Ісландія та Норвегія, стали членами Північноатлантичного альянсу ще за часів “холодної війни”. Результати засідання НАТО на вищому рівні в Лондоні в 1990 році засвідчили, що після завершення біполярного протистояння часів “холодної війни” організація працює та має спроможність до самореформування, аби відповісти новим обставинам. Норвегія та Ісландія ще до свого вступу в НАТО домовились про те, що на їхній території не буде військових баз США та НАТО в мирний час. У випадку Ісландії (база Кефлавік) все виявилось не так. В теперішній час база Північноатлантичного альянсу знаходиться лише на території Данії (Гренландія, Туле), а в пам’яті й досі залишається Гренландська атомна катастрофа часів “холодної війни”. Звертає на себе увагу і той факт, що США прийняли рішення збудувати радіолокаційну станцію “Глобус-2” поблизу російського стратегічного космодрому Плесецьк. Окрім цього, в 2001 році в США з’явився план створення Національної системи протиракетної оборони, частиною якої має стати радіолокаційна станція раннього попередження в Гренландії. Данія — перша країна-член НАТО, що дала дозвіл жінкам формувати передові військові підрозділи. Дві інші північноєвропейські країни, Швеція та Фінляндія, погодились взяти участь у програмі “Партнерство заради миру” на запрошення НАТО в січні 1994 року, а також в миротворчих операціях НАТО, зокрема на Балканах в складі миротворчих сил цієї організації в Боснії. Як в європейських, так і в атлантических структурах, нордичні країни беруть участь за попередніми домовленостями (“*fodnoteland*”), на “особливих умовах”.

Прихильність до справи ООН — принцип, що декларують та здійснюють на практиці Данія, Ісландія, Норвегія, Фінляндія та Швеція, — “нарі-

жний камінь” зовнішньої політики держав регіону Північної Європи. Норвежець Трюгве Лі — перший Генеральний секретар цієї універсальної міжнародної організації, швед Даг Хаммаршельд — один з найвидатніших Генсеків ООН. Після завершення “холодної війни” “місіонерський імпульс” [8, с. 345] північноєвропейських держав набув нової сили. Нордичні держави відомі також завдяки наданню фінансової допомоги державам Третього світу на двосторонній, регіональній (від імені Північної Ради, тобто, спільно) та багатосторонній основах. Норвегія, наприклад, є піонером в наданні такого роду допомоги (нарівні з США та деякими в минулому колоніальними державами), цю країну визначають як “гуманітарну велику державу” [8, с. 369]. В 90-і роки ХХ століття і на початку ХХІ століття “активне сприяння” [8, с. 369] в розв’язанні міжнародних протиріч (посредницькі зусилля держав Північної Європи) та участь в багаточисленних миротворчих акціях під егідою ООН, в цілому, були успішними.

Слід зауважити, що стабілізація ситуації в Росії та на Балтиці була пріоритетним завданням для Швеції. З історичних та географічних причин Швеція розвинула плідне співробітництво з щойно отримавшими незалежністю Естонією, Латвією та Литвою. 3-4 травня 1996 року в Вісбю було відкрито конференцію країн Балтійського моря, в якій взяли участь одинадцять держав. Йоран Перссон очолив роботу конференції. Уряди соціал-демократів, що перемагали на виборах в 1994 та 1998 роках, робили наголос на важливості співробітництва з балтійськими країнами. Як оголосив прем’єр-міністр Швеції Йоран Перссон в презентації програми уряду в 1998 році, “це співробітництво також стимулює “північне співробітництво”” [9, с. 124]. Він також підбив підсумок, що важливо будувати плідне співробітництво навколо Балтійського моря. Перссон заявив, що в 1999 році особливу увагу буде приділено співробітництву з Польщею. Він пообіцяв, що Швеція підтримає Польщу, Латвію, Естонію та Литву в їхніх спробах стати членами Європейського Союзу.

Прибалтійські держави приділили особливої уваги розвитку відносин з країнами Північної Європи, підkreślши наявність спільних інтересів з ними через малі розміри та географічну близькість. Як стверджує дослідник Улав Рісте, кола в Норвегії, що їх заохочують США, вважали, що скандинавські країни мають взяти на себе особливу відповідальність за безпеку та добробут прибалтійських держав. На зустрічі НАТО в верхах, що відбулась в Мадриді в липні 1997 року, прем’єр-міністр Норвегії Турб’єрн Ягланн виступав в перших рядах тих, хто закликав не зачиняти двері перед прибалтами, навіть якщо не можна включити їх до першої групи кандидатів на вступ. Практичне співробітництво в балтійському регіоні здійснюється в межах Ради країн Балтійського моря, одним з членів якого є Норвегія (що не має виходу до Балтійського моря).

На початку 1990-х років комерційні контакти Фінляндії з її південним сусідом — Естонією також різко збільшились.

В постбіополярний період з’явився ще один новий — “міжрегіональний” вимір (“Балто-Чорноморське партнерство” чи “регіональне партнерство /

співробітництво за “віссю Північ-Південь”, або співробітництво вздовж “чорноморсько-балтійської осі”). Динаміку міжрегіональному співробітництву надала Україна, ініціювавши проведення в 1999 році в Ялті міжнародної конференції на вищому рівні “Балто-Чорноморське співробітництво: в ХХІ сторіччя без ліній розподілу в Європі”.

Отже, для постбіополярної системи міжнародних відносин характерною рисою є кількісне та якісне збільшення зв’язків північноєвропейських держав із міжнародною спільнотою. Окрім традиційних для північноєвропейських держав вимірів зовнішньої політики (“універсального” (ООН та інші міжнародні організації), “атлантичного” (США, НАТО), “європейського” (або “континентального”) — ЄС, Європейська Асоціація вільної торгівлі), “балтійського” та “регіонального” (“північне співробітництво” — Північна Рада та Північна Рада міністрів), в постбіополярний період посилюється “субрегіональне” співробітництво під егідою ЄС (“Північний вимір”), а також з’являється ще один новий вимір — “міжрегіональний” (“співробітництво вздовж “чорноморсько-балтійської осі””).

Прихильність до справи ООН залишається “наріжним каменем” зовнішньої політики держав регіону Північної Європи. В випадку Норвегії та Ісландії в постбіополярний період більш сильним є “атлантичний” вимір зовнішньої політики. Шведська, датська та фінська “континентальна” орієнтація виявилась сильнішою за їхню “атлантичну”. Як в європейських, так і в атлантических структурах, нордичні країни беруть участь на “особливих умовах”.

Зміни, що вносились у договірно-правову базу “північного співробітництва”, були обумовлені вступом Швеції та Фінляндії до ЄС. Стаття 33 Гельсинського договору повністю виправдовує прямий зв’язок “північне”-“європейське співробітництво” (концепція Олофа Пальме “Взаємозв’язку між розрядкою напруги та укріпленням європейської безпеки і розширенням “північного співробітництва””). Участь Данії, Ісландії, Норвегії, Фінляндії та Швеції в співробітництві на європейському та міжнародному рівнях надає можливість спільного отримання користі для північних громадян і компаній. Стабілізація ситуації в Росії та на Балтиші була пріоритетним завданням для Швеції, тому збільшилась політична вага субрегіонального співробітництва, саме на ньому зараз робиться наголос. Це співробітництво, на думку північноєвропейських політиків та політологів, також стимулює “північне співробітництво”.

Література

1. Тунандер О. Геополитика на Севере: скандинавский треугольник силы // Международная жизнь. — 1997. — № 5. — С. 66-69.
2. Мадіссон В. В., Шахов В. А. Сучасна українська геополітика: Навч. посібник. — К.: Либідь, 2003. — 176 с.
3. Ісаєв М. Механизм государственной власти в странах Скандинавии. — М.: ОАО Издательский дом "Городец", 2004. — 400 с.
4. О Северном Совете // www.norden.org/nr/uk/3-1-4-0-om_nr.asp?m=upper 2&lang=6.
5. The Helsinki Treaty on Cooperation between Denmark, Finland, Iceland, Norway and Sweden (with amendments) // www.norden.org (from the official cite of the Nordic Council).
6. Хельсинский договор о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией // www.eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/Nordic.htm.
7. Воронов К. Северное измерение: затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. — 2003. — № 2. — С. 76-86.
8. Ристе У. История внешней политики Норвегии: Пер. с англ. — М.: Издательство "Весь мир", 2003. — 416 с.
9. Johnsson H.-I. Spotlight on Sweden. — Stockholm: The Swedish Institute, 1999. — 256р.

Л. Л. Рассоха

Одесский Национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт Социальных Наук, отделение международных отношений,
к. 32, Французский бульвар 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина.
Тел. 8 (067) 4817405, e-mail: mleo@farlep.net.

ИЗМЕРЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

Резюме

Данная статья рассматривает измерения внешней политики пяти государств, формирующих регион Северной Европы. Наряду с традиционными исследуются и новые, появившиеся только в постбиполярную эпоху измерения, такие как "субрегиональное" и "межрегиональное". Задача состоит не только в рассмотрении и характеристике измерений внешней политики, но и в их соотнесении. Подобный анализ позволит с определённой долей вероятности прогнозировать внешнеполитические шаги вышеназванных государств.

Ключевые слова: "северное сотрудничество", Хельсинский договор, "Северное измерение" ЕС, Балто-Черноморское межрегиональное сотрудничество, измерение внешней политики

L. L. Rassokha

Odessa Mechnykov National University, Institute of Social Science,
International Relations Department.

Room 32, 24/26 French Boulevard, Odessa-58, 65058, Ukraine.

Tel.: 8 (067) 4817405, email: mleo@farlep.net.

**NORDIC EUROPE: FOREIGN POLICY DIMENSIONS IN THE
POSTBIPOLAR ERA**

Summary

The foreign policy dimensions of the five states that form the region of the Northern Europe are being viewed in this article. Together with the traditional for Nordic states foreign policy dimensions two new ones that have emerged during the postbipolar rivalry period “the subregional” and “the inter-regional” one are being studied. The goal combines the research and characterization of the foreign policy dimensions of the states belonging to the region as well as their comparison and correlation. Such an analysis allows us to prognosticate the future foreign policy steps that the above mentioned countries might take.

The Key Words: “Nordic Cooperation”, The Helsinki Treaty, The EU Northern Dimension, Black Sea — Baltic Inter-regional Cooperation, The Foreign Policy Dimension

УДК 327(4)ЕС:332.14

М. В. Войтенко, аспирант кафедры международных отношений
ОНУ им. И. И. Мечникова,
к. 32, Французский бул. 24/26, г. Одесса, 65058, Одесса, Украина,
8-0482 -633259, max_Delta@mail.ru

ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ: ПРОЦЕСС И ПРОБЛЕМЫ

В данной работе рассмотрены процессы регионализации в странах ЕС. Рассмотрены различные формы сотрудничества, создания органов, координирующих данный процесс, роль регионализации в трансформации системы международных отношений, а также различные сценарии дальнейшего хода регионализации в Европе и ее итогов.

Ключевые слова: регионализация, Евросоюз, еврорегион, границы, перспективы

В данный момент в Европе проходят процессы регионализации. Они имеют как положительные, так и отрицательные стороны. Опыт стран Европы, которые создали определенную модель сотрудничества между регионами различных государств, может быть полезен для Украины и позволит использовать уже отработанную модель.

Статья базируется на материалах российских авторов, посвященных данной проблематике. Работы рассматривают как положительные и отрицательные аспекты процесса (“Региональные элиты России и Европейского Союза: различия в трактовке процессов регионализации” И. Шевцова, “Тенденции регионализации в Европе и интересы России” О. Барабанов, “Региональная политика Европейского Союза: итоги 40-летней деятельности; опыт для России” И. Бусыгина), так и материалы критического характера (“Почему модель еврорегионов неконструктивна?” О. Рейт). В статье использованы материалы российских авторов, так как данная проблематика в России изучается достаточно долго, и данная проблема рассматривается во многих аспектах.

Однако данные вопросы освещены в указанных работах не полностью.

Целью статьи является комплексное рассмотрение процесса регионализации в странах Европы.

Характерной чертой Европейского континента является не только общая культура и история, но и существование большого количества границ.

Образование общего европейского рынка в Европейском Союзе, демократические перемены в странах Центральной и Восточной Европы в конце 80-х годов открыли большинство государственных границ и присоединили к сотрудничеству многие новые пограничные регионы. Увеличились также возможности кооперации в других государствах, о чем свидетельствуют совместные французско-британские и датско-шведские проекты. В конце

80-х годов начались два процесса, которые имеют основополагающее значение для трансграничного сотрудничества. Первый из них — это постоянная ликвидация внутренних границ на территории ЕС с 1 января 1993 года. Этому явлению сопутствовал перенос государственных границ в направлении внешних границ ЕС с другими странами. Этот процесс возник в результате присоединения к ЕС Австрии, Швеции и Финляндии (однако после терактов, произошедших в июле 2005 года в Лондоне, этот процесс частично пошел в обратную сторону. Первой закрыла свои границы для свободного перемещения граждан ЕС Франция). Вторым фактором являются усилия, направленные на установление контактов на территориях, выходящих за новые внешние границы ЕС, с целью поддержки создания интеллектуальных, политических и экономических связей с другими странами, например, Швейцарией. Оба эти процесса непосредственно воздействуют на ситуацию во внутренних и внешних европейских приграничных регионах, они привели также к определенной интенсификации трансграничного сотрудничества. Сотрудничество может быть реализовано в формах международных комиссий, комиссий пространственного планирования, а также включать региональный и локальный уровни, может принять форму трансграничных еврорегионов. В Восточной Европе “еврорегионы” рассматриваются ЕС как инструмент для приближения отдельных территорий к определенным стандартам, существующим внутри единой Европы. Основным юридическим документом, который регулирует международное сотрудничество на региональном и местном уровнях, является Европейская рамочная Конвенция по трансграничному сотрудничеству, принятая 21 мая 1980 года в Мадриде.

Приграничные регионы характеризуются очень различной географической величиной и плотностью населения, отличающимися экономиками и уровнями развития (это заметно на примере еврорегиона “Нижний Дунай”, в который входят приграничные регионы Украины, Молдовы и Румынии — стран с различным уровнем социально-экономического развития).

Приграничные регионы можно классифицировать, применяя различные критерии. Эти критерии могут касаться специфических проблем, а также разнородных барьеров, задерживающих развитие сотрудничества. Среди существенных критериев, определяющих типы данных регионов, находится уровень однородности трансграничного региона. На некоторых территориях приграничных регионов возникает чувство совместного понимания или регионального сознания, которое ведет к трактовке трансграничного сотрудничества как естественного процесса. Это чувство единого понимания возникает из исторических, культурных, языковых составляющих либо подобных и экономического единства, в соответствии с состоянием рынка.

Политические и экономические перемены в Центральной и Восточной Европе, начиная с 1989 года, благоприятствовали возникновению новых, изменяющихся условий для развития трансграничного сотрудничества. Это сотрудничество, принимающее разные формы в каждом отдельном приграничном регионе, характеризует несколько общих черт, а также проблем:

1) до недавнего времени — отсутствие исторических и политических подходов развития трансграничного сотрудничества, например, в приграничных регионах, расположенных на территории новых немецких земель; 2) политическая реальность, тормозящая трансграничное сотрудничество; 3) отсутствие экономического равновесия, частично вследствие перехода к рыночной экономике, вместе с существующими неправильными подходами в области промышленности и торговли; 4) миграция (беженцы, эмигранты — в связи с экономическими проблемами) в приграничных регионах, направляющаяся в сторону ЕС; 5) значительная разница в административных структурах между государствами, расположенными на внешних границах, начиная с продолжающимся централизмом стран Центральной и Восточной Европы до более федерализированных структур государств — членов ЕС (Германия, Австрия). Несмотря на перечисленные преграды, трансграничное сотрудничество с начала 90-х годов сделало значительные достижения вдоль немецко-польских и немецко-чешских границ. Здесь возникли кооперативные структуры в форме еврорегионов. Сотрудничество ведется в различных формах: от организации транспортной инфраструктуры, совместных проектов, направленных в сторону улучшения ситуации в области охраны окружающей среды, до более “мягких” действий, таких как коопeração в сфере бизнеса, в области образования, обучения, коммуникаций, культуры, спорта. Повышенное внимание уделяется проблеме границ и приграничных территорий, особенно в пределах Европейского Союза. Этот интерес обусловлен постепенным ослаблением политических демаркационных линий и запланированным исчезновением экономических барьеров. Какова была реакция региональных элит ЕС на усиление интеграционных процессов? С начала 90-х годов в ЕС происходит постепенное увеличение роли региона и региональной элиты. В июне 1991 года по инициативе парламента немецкой земли Северный Рейн-Вестфалия в Дюссельдорфе состоялся форум, в котором участвовали представители региональной элиты немецких земель и других европейских регионов. Основная идея встречи состояла в том, что объединение Европы ни коим образом не должно препятствовать сохранению компетенции регионов внутри Союза. Участниками форума была принята резолюция, в которой содержались следующие требования: 1) Введение принципа субсидиарности в договор о Европейском Союзе; 2) Создание нового института, представляющего интересы регионов; 3) Возможность прямой апелляции регионов в Европейский Суд; 4) Возможность для глав регионов представлять государство в Совете Министров ЕС.

В тексте Маастрихтского договора (а теперь и в Конституции ЕС) принцип субсидиарности был обозначен в качестве одного из основополагающих принципов функционирования Союза, что стало главным достижением представителей европейских регионов.

В 1994 году в качестве консультативного органа был образован Комитет регионов [1]. По Маастрихтскому договору Комитет регионов состоит из представителей не только региональных, но и местных властей. Это имеет

большое значение, так как не все страны ЕС обладают развитой региональной структурой, и в некоторых странах местная власть находится под сильным давлением региональной.

Согласно Маастрихтскому договору главы регионов могут представлять свои государства в Совете министров, естественно, что при этом они представляют интересы государства в целом, а не своего региона. Однако регионы не получили права апелляции в Европейский Суд, например, в случае нарушения утвержденного принципа субсидиарности. На это имеется причина: различие правового статуса регионов во внутреннем праве стран Союза неизбежно бы вело к юридическим противоречиям.

Кроме Комитета регионов и прямого представительства регионом своего государства в Совете министров, европейские региональные лидеры имеют дополнительные каналы участия в общеевропейской политике. В начале 90-х годов было образовано множество организаций, призванных представлять интересы европейских регионов — Комиссия регионов, Собрание регионов Европы, Совет регионов и общин Европы и другие. Многие регионы учредили в Брюсселе свои информационные представительства. Первыми здесь стали земли ФРГ. По сути, эти организации несут и политические функции, занимаясь прямым лоббированием региональных интересов на общеевропейском уровне.

Появление новых негосударственных акторов на международной арене становится все более закономерной особенностью мировых политических процессов на современном этапе. Основные теории международных отношений по-разному оценивают этот процесс. Либералистские концепции утверждают, что за новыми акторами — будущее и что тенденция к отходу от принципов Вестфальской системы, основанной на приоритете суверенных государств в международных делах, является все более ускоряющейся и необратимой. Реалистские подходы, защищая базовое для них понятие национальных интересов, ищут доказательства, что новые акторы являются ничем иным, как инструментом в руках суверенных государств. Радикальные конструктивистские парадигмы объясняют происходящее через определение индивидуумов и элит в качестве основного субъекта международных отношений и мировой политики.

Однако при всей разнице интерпретаций и оценок сам факт того, что деятельность новых акторов приводит к постепенной эрозии Вестфальской системы, остается фактом.

В последнее время происходит расширение круга наиболее значимых новых акторов. Ранее основными негосударственными участниками мировых политических процессов традиционно считались транснациональные корпорации, международные и неправительственные организации. Сейчас же к числу новых акторов все чаще и обоснованней добавляются и внутригосударственные регионы, которые придают мировой политике новое измерение. Это акторы, которые ведут свою международную деятельность иногда вопреки государству, в которое они входят (сепаратистские регионы), иногда пытаясь конкурировать с государством в стремлении показать

свою самодостаточность перед ним (т. н. “сильные” регионы, “региона-доноры” и т. п.). Такого рода международная активность внутригосударственных регионов, впрочем, носит негативный, внесистемный характер. Однако помимо этих всплесков, регионы проводят и международную деятельность, не пытаясь “опередить” государство, а нейтрально, параллельно ему, дополняя его собственные международные проекты, а все чаще — и получая прямое поощрение со стороны государства. Распространение такого рода явлений заслуживает особого внимания и заставляет говорить о появлении нового уровня в мировых политических отношениях — межрегионального.

В современной Европе это проявилось с особой силой. Причина этого — в том, что в Европе действовали дополнительные стимулы, трансформирующие традиционные представления о приоритете суверенных государств в международных отношениях. Две основные линии развития в настоящий момент “расшатывают” эту систему на этом континенте. Во-первых, это усиление надгосударственной федерализации в Европейском Союзе, когда государства, его составляющие, фактически “делятся” частями своего суверенитета с наднациональными органами Евросоюза. Комиссия ЕС во все большей степени становится реальным “международным” правительством, которое переняло часть функций от национальных правительств стран — членов Евросоюза, и которые должны подчиняться ее решениям и директивам (процесс этот, однако, часто тормозится). Параллельно этому процессу размывания государственного суверенитета “сверху”, а отчасти и вследствие его, в рамках Европейского Союза можно наблюдать и точно такую же тенденцию, происходящую уже “снизу” — со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств в ЕС. В последние годы все более очевидно усиление их роли в процессе принятия решений в ЕС в ряде вопросов (сельское хозяйство, рыболовство, проблемы островных и прибрежных территорий, деятельность структурных фондов ЕС).

Помимо этого единый рынок позволяет внутригосударственным регионам ЕС играть более активную и самостоятельную роль во внешнеэкономических связях. Одновременно происходит и процесс освобождения политических сил регионов от постоянного и жесткого контроля со стороны национальных правительств. Трансграничное экономическое сотрудничество регионов постепенно размывает и национальные протекционистские барьеры. Единый рынок постепенно формирует и новую экономическую географию Европы, определяемую уже не одними только национальными границами. Региональная компонента начинает играть в ней все большую роль.

Кроме того, благодаря Комитету регионов ЕС, а также Конгрессу региональных и местных властей Европы под эгидой Совета Европы и различным межрегиональным ассамблеям регионы этих государств имеют свой постоянный форум, через посредство которого их голос, их позиция могут быть услышаны на общеевропейском уровне и получить самый широкий резонанс.

В будущем тенденция к все большей регионализации внутри ЕС возможно будет и далее прогрессировать. Наиболее ярко процессы регионализации проявляются в одном из таких сценариев, образно названном “Сотней цветов” [2, с. 67]. Суть его в том, что центральные власти государств повсюду в Европе в силу усиливающейся забюрократизированности оказываются не в состоянии эффективно отвечать на запросы гражданского общества. В результате под сенью общеевропейских структур большинство их функций переходит к региональным и локальным сообществам. Региональное и местное самоуправление становится единственным реально действующим механизмом власти и затмевает собой государство. Это вызывает упадок центральных публичных властей повсюду в Европе — реализуется лозунг “жизнь без правительства”. Большинство налогов перемещается с государственного на региональный уровень. Происходит консолидация локальных профсоюзов и их трансформация, когда они начинают играть роль защитников всех граждан региона, а не только профильных рабочих, и постепенно становятся новой региональной властью. И, как правило, все эти новые локальные сообщества открыты навстречу внешнему миру через информационное сотрудничество, партнерство и обмен опытом, причем не только внутри ЕС, но и с соседями в Восточной Европе, Средиземноморье и Африке.

Одновременно с этим происходит и серьезное политическое расслоение уже не между государствами, а между регионами. Сильнейшие регионы получают значительное внешнее влияние и силу, в то время как другие могут опуститься до анархии или же оказаться под контролем крупной компании или криминальных структур. Используя термины авторов сценария, такую ситуацию можно охарактеризовать как то, что некоторые регионы начинают впадать в летаргию, из которой в среднесрочном плане никогда не выйдут, другие же будут рваться вперед с огромным потенциалом. Как видно, официальные прогнозные структуры ЕС не исключают возможности доведения регионализации в Европе до ее крайнего логического завершения и полной замены в рамках континента Вестфальской системы суверенных государств на новую систему — сообщество регионов, действующее лишь под общей эгидой ЕС.

Другие сценарии развития Европы хотя и не доводят процесс регионализации до его крайних пределов, тем не менее, все равно отводят ему гораздо большее место, чем сегодня. В “оптимальном” сценарии, названном составителями сценарием “Разделяемой ответственности” [3, с. 70], и суть которого сводится к заключению всеми слоями общества и государства своего рода нового общественного договора “во имя Европы”, регионализация также присутствует в полной мере. Главенствующей в этом новом общественном договоре становится именно идея децентрализации управления на всех уровнях, и как только возможно полное делегирование полномочий и ответственности от центрального уровня власти — в регионы. Региональная политика в связи с этим также подвергается трансформации и основывается на так называемой системе региональных контрак-

тов — своего рода договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между ЕС, национальными государствами и регионами. Согласно этой системе, регионы сами должны будут определять свои приоритетные задачи на каждые пять лет для того, чтобы государства и ЕС могли бы более адресно и скоординированно давать им свою поддержку. Внешние связи регионов как несомненный и неоспоримый фактор этой новой системы также не ставятся под сомнение.

Еще один сценарий — “Побеждающих рынков” [3. с. 74] — основывается на торжестве в ЕС постулатов неолиберальной экономики, в которой самостоятельность и внешняя активность регионов также призваны занять ключевое место. Однако в этом случае регионы в значительной мере лишаются изначальной поддержки со стороны ЕС и национальных государств. Вызванная данной политикой необходимость снижения госрасходов ЕС приводит к сокращению фондов, предназначенных для региональной политики. Этот шаг в совокупности с акцентом на свободный рынок приводит к усилению внутрирегиональных диспропорций и неравенства. В менее развитых странах ЕС эти процессы приводят к разрыву между городом и деревней, перемещению сельского населения в города. В других регионах Европы это приводит к депопуляции “старых” городов и регионов и росту “новых”, использующих выгоды глобализации и информационного общества. Другие города и регионы будут стараться равняться на них, но это произойдет ценой усиления их зависимости от более продвинутых регионов. Такая тенденция, очевидно, может вызвать в свою очередь напряженность как между разными типами регионов, так и между наиболее продвинутыми регионами с одной стороны и целыми государствами с другой.

В результате, при всем различии данных сценариев общим очевидным выводом является то, что усиление роли регионального уровня в политике относительно национального — это тенденция, которая в той или иной форме реализуется в большей части данных прогнозов и с которой необходимо считаться.

Этот процесс регионализации в значительной степени стимулирует и дебаты о внутригосударственной федерализации в европейских странах. Во многих из них регионы в последние годы требуют и добиваются юридического закрепления и фактического предоставления гораздо большего круга полномочий внутри государства — в том числе относительно финансовых, налоговых и бюджетных вопросов, а также права выхода на международную арену. Это приводит к тому, что важнейшей характеристикой современного этапа развития в Европе является рост тенденций к региональной автономизации с одновременным движением к меньшему доминированию государства в функционировании международных связей.

Самым показательным примером институционального оформления данных тенденций является активизация создания новых еврорегионов между пограничными областями отдельных государств. Иногда трансграничные объединения регионов в Европе, как правило, исторически разде-

ленных, начинают приобретать и характер прямого вызова соответствующим национальным государствам. К числу таких примеров стоит отнести попытку австрийского Тироля и итальянского Трентино — Альто-Адиже основать свое общее представительство при ЕС.

Стремление внутригосударственных регионов стать более или менее самостоятельными акторами в международных связях, сопровождающееся при этом тенденциями к федерализации или большей федерализации внутригосударственного устройства, становится вполне выраженной тенденцией современного политического развития прежде всего в Европе. Этот общий для Евросоюза политический процесс начинает получать и свою идеологическую базу. Зачастую идеи регионализации вторгаются и в традиционную сферу национальных государств. К примеру, предназначение Комитета регионов ЕС многие видят ни в чем ином, как в установлении более тесных связей “между народом Европы и европейскими институтами”, то есть в том, что по идеи должно составлять задачу как раз национальных государств. Таким образом, на уровне концепции регионы в Европе начинают постепенно конкурировать с государствами и кое в чем — заменять их. Ко всему вышесказанному стоит добавить, что в целом практика еврорегионального строительства имеет достаточно негативных примеров. Европейские эксперты ещё в самом начале 90-х годов указывали на неблагоприятную ситуацию на итальянско-швейцарской границе, демонстрирующую полную неэффективность и безуспешность создания еврорегионов на данной территории. В качестве ещё одного несостоявшегося проекта формирования надтерриториального сообщества можно рассмотреть еврорегион на венгеро-румыно-югославской границе. Румынская сторона предложила использовать модель формирования еврорегиона Банат [3]. Однако наличие двух жёстких “границых условий” — необходимости, в соответствии с практикой шенгенских соглашений, введения Венгрией визового режима для стран-соседей, в том числе Румынии и Сербии и закрытости сферы действия программы технической помощи ЕС ФАРЕ для республик бывшей Югославии — не позволило заместить разделительные линии кооперацией. Практическое использование этой идеи оказалось неконструктивным и даже произвело некоторый негативный эффект, выразившийся в углублении имеющейся асимметрии отношений. Профессор И. Бусыгина [4, с. 27], также обратившая внимание на данный феномен, исследовала греко-македонскую границу, иллюстрируя ситуацию, при которой отсутствует эффект “срастания”: наблюдается отток “экономической деятельности из приграничных, обычно слаборазвитых территорий в регионы, расположенные ближе к центру страны”.

В данной статье были рассмотрены как положительные моменты регионализации (на примере стран Западной, Центральной и Восточной Европы), так и ее негативные стороны — такие как тенденция чрезмерного усиления региональной власти. Как видно, существует несколько тенденций создания региональных объединений — например, по принципу соседства (как, например, в еврорегионах), по принципу нахождения у границы

(как в ассоциации приграничных еврорегионов) или без разделения (как в АРЕ — Ассоциации регионов Европы). Каждый из этих подходов имеет свои преимущества и недостатки. Естественно, у приграничных португальских и украинских регионов существуют общие проблемы подобно нелегальной миграции и контрабанде. Однако в силу большой географической отдаленности друг от друга, список проблем скорее разнится. Этую проблему некоторые регионы решают просто — в частности Одесская область одновременно входит в Еврорегион “Нижний Дунай”, АРЕ и Ассоциацию приграничных европейских регионов. То есть, участвуя в каждой из этих организаций, она может заниматься только нужными ей вопросами.

Теория и практика регионализации в Европе показывает, что усиление регионов является объективным процессом, который способствует усилению роли регионов вследствие налаживания экономических связей с соседями и обмена опытом.

Литература

1. Шевцова И. Региональные элиты России и Европейского Союза: различия в трактовке процессов регионализации // <http://elis.pstu.ru/shevcova.htm>
2. Барабанов О. Тенденции регионализации в Европе и интересы России. Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. М. Лебедевой. — М.: МОНФ, 2000. — 220 с.
3. Рейт О. Почему модель еврорегионов неконструктивна? // <http://www.edc.spb.ru/conf2001/Reut.html>
4. Бусыгина И. Региональная политика Европейского Союза: итоги 40-летней деятельности; опыт для России// Доклады Института Европы. — 1995. — № 17. — С. 14-19.

М. В. Войтенко

к. 32, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна,
8 –0482 633259, max_Delta@mail.ru

ЄВРОПЕЙСЬКА РЕГІОНАЛІЗАЦІЯ: ПРОЦЕС ТА ПРОБЛЕМИ

Резюме

У статті розглянуті процеси регіоналізації у країнах ЄС. Розглянуті різноманітні види співпраці, утворення органів, які координують цей процес, роль регіоналізації в трансформації системи міжнародних відносин, а також різноманітні специарії подальшого розвитку регіоналізації в Європі та її підсумків.

Ключові слова: Європа, регіоналізація, трансформація, варіанти, підсумки

M. Voytenko

r. 32, Frantsuzkiy bulvar 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine,
8-0482-633259

EUROPEAN REGIONALIZATION: PROCESS AND PROBLEMS

Summary

The author of this article considers process of regionalization at the states, which are members of European Union. He describes different forms of partnership, creation of organizations, which control this process, role of regionalization in the transformation of international relations system and different ways of the development of such process in Europe and its results.

Key words: Europe, regionalization, transformation, ways, results

Сучасні процесси регіоналізації в Європі є результатом прагнення держав Європейського Союзу зберегти свій вплив на міжнародні відносини та підвищити свою економічну та політичну сили. Це вимагає створення нових форм партнерства та організацій, які контролюють цей процес. Регіоналізація виконує роль в трансформації міжнародної системи відносин та розглядає різні способи розвитку цього процесу в Європі та його результати.

Ключові слова: Європа, регіоналізація, трансформація, способи, результати

УДК 327:94(477):316.28

О. В. Петкова, аспирантка,
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра международных отношений
Французский б-р, 24/26, г. Одесса, 65058, Украина,
тел. (38 0482) 69 85 17

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИМИДЖ УКРАИНЫ

Усиление роли информации в целом в современной жизни, а также в международных политических процессах приводит к формированию нового явления — международно-политического информационного пространства. В качестве одного из основных элементов такого пространства нами выделен и рассмотрен на примере Украины имидж страны.

Ключевые слова: информация, международно-политическое информационное пространство, имидж, имидж страны

В современных международных отношениях информация используется не только как составная часть каких-то процессов, акций и технологий, но она часто предстает в качестве автономных элементов действительности. Увеличение доли таких существующих преимущественно на базе информации и информационных технологий сфер жизни выделяется исследователями в обобщенную категорию в виде определенного информационного поля или информационного пространства. Например, сегодня уже разработаны категории информационного экономического пространства, информационного киберпространства и др.

Учитывая высокую роль информации в современных глобализационных процессах, можно предположить, что и в международно-политических отношениях также приходится иметь дело с информационными пространствами. Политическая деятельность предполагает не столько количественное распространение информации, сколько использование ее качественного воздействия на субъектов и объектов политических отношений. В этой связи одной из основных форм использования информации являются обретающие особую актуальность в современных условиях технологии создания имиджей (образов, репутаций). Очевидной является высокая взаимообусловленность развития имиджелогии, имидж-технологий и информации. Эта взаимосвязь может быть представлена как единство содержания (в виде информации) и формы (различных образов, видов презентации и интерпретации информации).

Поскольку процессы, связанные с информацией, напрямую влияют на состояние дел в области образотворчества, то можно отметить, что широте распространения информации до глобального уровня соответствует укруп-

нение масштабов имиджей (имиджи стран, регионов, геополитических блоков). Данный процесс актуализирует исследовательский интерес к более подробному изучению внешней информационной среды для таких "макроимиджей" и специфики их формирования. В практике международных отношений непосредственно только в октябре 2005 года были продемонстрированы две яркие имидж-акции. В Украине прошел ряд международных конференций и встреч по вопросам изменения имиджа НАТО у населения Украины. А по странам Ближнего Востока в это же время совершилась поездка ответственного сотрудника США Карен Хьюз, имевшая своей целью улучшение имиджа Соединенных Штатов в мусульманских странах. Инициаторы данных акций прилагали усилия по целенаправленной информированности населения, интерпретировали содержание информации, что в целом служило оформлению или переоформлению в заданном направлении имиджа НАТО и США.

Опираясь на имеющиеся уже исследовательские материалы по имиджелогии, мы предлагаем рассмотреть значение еще одной его (имиджа) составляющей. Цель данной работы будет заключаться в изучении тех сторон имиджа страны, которые формируются непосредственно в международно-политическом информационном пространстве конкретной страны, в частности, Украины. Для этого нам необходимо логически обосновать категорию "международно-политическое информационное пространство" и выявить основной принцип влияния информации на имидж страны.

Тема информационного пространства в научной литературе разработана достаточно полно. Однако для Украины существуют специфические как в геополитическом, так и во временном аспектах, условия формирования информационного поля, в отношении которых и строится наше исследование. Проблемами информации и информационного пространства в украинской науке занимаются В. П. Цымбал, Л. Г. Мельник. Защищены кандидатские диссертации по международной информационной деятельности Д. В. Будковым и по международной безопасности Б. А. Кормичем. Кроме этого, в сфере международно-политических исследований информации и информационных технологий в нашей стране занимаются А. Баранов, А. М. Бандурка. Социологический аспект политico-информационных проблем представлен в работах Б. Головко. В философско-лингвистическом ключе рассматривается информация Г. Почепцовым.

Проблемы имиджа стран только начинают активно изучаться и основываются пока на политологических работах Д. Н. Замятиной, Т. А. Галкиной, Е. С. Юра. Хотя в последних материалах "Известий Российской Академии имиджелогии" уже представлены научные материалы непосредственно по имиджу России и сравнительные данные имиджей других стран (А. П. Панкрухин, Д. В. Журавлев).

Международно-политическое информационное пространство

Информация сама по себе существует с человеком с момента его появления. Но информация, как основополагающий культурный фактор становится особо значимой в эпоху постиндустриального общества. Теоретические основы этого общества (информационного) разработаны у Д. Белла, А. Гурена, М. Кастельса, Э. Тоффлера. Сегодня информационное общество — это не только универсальное проникновение информации во все сферы жизни, но и выход за пределы одного общества, одной культуры, это еще и межгосударственная интеграция.

В результате анализа различных определений понятия “информация” можно дать следующее ее толкование: это некая реальность, формирующая поступки людей и материальный мир посредством алгоритма: поступление сообщений — формирование понимания, замысла — выработка установки на деятельность. Для международно-политического дискурса в определении комплекса процессов, связанных с информацией, более подходит словосочетание “международно-политическое информационное пространство” или “международно-политическое информационное поле”. Непосредственно информационное пространство Л. Г. Мельник толкует как “совокупность баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных сетей и систем, функционирующих на основе общих принципов и правил” [1, с. 247]. Когда-то по поводу информации было устойчивым выражение: “Предупрежден, значит вооружен”. Постиндустриальная эпоха часто ассоциировалась с таким устойчивым высказыванием: “Кто владеет информацией, тот владеет капиталом”. В настоящих условиях информация прочно увязывается с сетью, а сеть имеет свойства улавливать, ограничивать или навязывать поведение. Сетевая структура современных развитых обществ и присоединяющихся к ним отражается в новой парадигме, где уже правящая элита обозначается как netократия, ее принципы поведения как сетикет, и в целом появляется специфический метаязык в общении посвященных [2]. В этом случае под информацией подразумеваются не просто сообщения и знания, оформленные в знаки и символы, но и их интерпретация с позиции той или иной политической силы. Таким образом, в общих чертах понятие “международно-политическое информационное пространство” можно определить как совокупность различной информации, средств и технологий деятельности с ней, находящейся в распоряжении внешних, по отношению к какому-либо государству, политических сил и используемой ими в своих политических интересах. Как правило, понятие “международно-политическое информационное пространство” уместно употреблять с конкретным уточнением — международно-политическое информационное пространство Украины или какой-то другой страны, региона. Этим очерчивается специфика международной политики, которая непременно сориентирована на какое-либо государство или геополитическое пространство.

Проведенный анализ генезиса влияния информации на политические процессы позволяет убедиться в том, что информация от первоначального своего значения как “научное сообщение” трансформировалась в базовый элемент современного процесса глобализации. Современные достижения телевидения и электронных средств сделали возможным распространение более общих для всех людей образов, доступной всем одинаковую информацию. Л. А. Микешина и Н. Ю. Опенков считают, что сегодня “каждый “вычерпывает” текст на ту глубину, которая ему лично доступна” [3, с. 99]. Хотя, безусловно, информация в политическом пространстве при помощи различных технологий дозируется, активизируется, скрывается и претерпевает различные интерпретации и переинтерпретации. В международном пространстве информационные технологии создаются и осуществляются в соответствии с принципом “доминирования — подчинения”. Это означает, что информация нормативно-регулирующего плана распространяется дифференцировано: от более сильных и развитых стран на менее развитые. Во-вторых, сбор информации подчинен тому же принципу: самодостаточные развитые страны стремятся сами определять, какую информацию и в каком объеме делать достоянием мирового сообщества, в то время как “демократизирующиеся” страны подвергаются более пристальному, если не тотальному, контролированию и сбору информации о них. В-третьих, содержание информационных потоков чаще всего имеет политическую окраску, то есть представляет собой заданную интерпретацию информации в интересах тех или иных сил. В результате через доступность информации вполне можно корректировать представления о той или иной стране.

Информационная составляющая имиджа страны

В работе А. П. Панкрухина представлена схема имиджа России как страны с глубокими историческими корнями, традициями и символами [4, с. 106]. В схеме, отражающей основные факторы имиджа и их взаимосвязи, несколько опосредованно, недостаточно полно, на наш взгляд, упоминается информационная составляющая. Скорее всего, это потому что автор рассматривает проекцию внутренних основ имиджа России вовне. В нашем же случае предполагается изучение имиджа страны (на примере Украины), образующегося во внешнем международном информационном пространстве и основывающегося на “вбрасываемой” об Украине информации внешними по отношению к ней силами.

На внешнеполитический имидж страны особо влияет и такой связанный с информацией фактор, как историческая память. Российские исследователи Т. А. Галкина, Д. В. Заяц, Е. С. Юр рассматривают имиджи государств в контексте эволюции географических образов. По их мнению, исторические события порой так отпечатываются в национальной памяти, что образ страны сохраняется, даже когда сама она исчезает с карты мира. Время жизни образа зависит в значительной мере от вклада страны в мировую историю [5, с. 48]. Естественно, человечеству гораздо больше известно

о тех древних государствах, которые оставили письменные источники. Изобретение письменности было той информационной революцией, благодаря которой стало возможным создание и существование империй. Развитие информационных технологий привнесло существенные изменения в формирование в целом всех имиджей, но особенно в формирование имиджей стран. Сегодня мы можем изучать историю древних империй, которых уже нет, исходя из этой информационной составляющей их образа.

Еще один взгляд на имидж страны изложен в работе Д. Н. Замятиной и он более соответствует выбранной нами позиции. Автор обращается к историко-географическим и geopolитическим характеристикам имиджа страны. Помимо стран со стандартными устоявшимися образами Д. Н. Замятин выделяет страны **промежуточных территориальных зон или буферные страны**, с нестандартными образами [6, с. 17], к которым собственно относится и Украина, имеющая к тому же еще и непродолжительный срок государственной самостоятельности. Поэтому имидж этой страны, как и еще целого ряда вновь образовавшихся стран, в большой степени зависит от процессов в международном информационном пространстве.

Формирование имиджа страны в современных условиях происходит при посредстве высокоэффективной электронной техники, разнообразной широкой информации и высокой скорости ее трансляции. Для стран с различным международным статусом и уровнем политической самостоятельности это означает, что имидж одних будет оставаться устойчивым и малоуязвимым от внешних информационных воздействий, а для других — высоко зависимым и, наоборот, сильно уязвимым. Во втором случае речь идет о странах постсоветского пространства, имидж которых только начинает формироваться в современных условиях и одновременно с их государственностью.

Особенности формирования имиджа страны как объекта восприятия

В исследованиях, посвященных даже политологическому аспекту имиджа, нельзя обойтись без учета психологических основ его формирования. За основу можно взять определение имиджа, близкое изложенному у Д. В. Журавлева — **специфическое единство типичных признаков, управляющих индивидуальным, групповым и массовым сознанием** [7, с. 186], и основанное на принципах формирования социальных представлений. Если исходить из утверждений специалистов в области социальных представлений, таких как В. А. Барабанщиков, Т. П. Емельянова, Жан-Клод Абрик, то можно выделить и у имиджа так называемое ядро (или функциональный центр) и **периферийную часть**. Именно в периферийной части происходит “контакт, касание субъекта восприятия с объектом”, где объект может быть представлен, в том числе и информационным содержанием [8, с. 69]. Для данного направления характерны методологические трудности, связанные со способами разграничения ядерных и периферических эле-

ментов, тем не менее как процесс формирования памяти и образов, он является достаточно распространенным.

В случае с таким сложным объектом как страна в формировании имиджа принимает участие целый комплекс перцептивных, когнитивных, исторических, геополитических, информационно-содержательных и технологических систем. Несмотря на сложность структуры имиджа страны, можно убедиться, что некоторые стороны имиджа стран имеют устойчивый характер по типу ядра, а некоторые — изменчивый. По поводу такой страны, как Украина, можно отметить, что ее имидж представляет собой еще сравнительно неустойчивую (по примеру периферийно зоны образа, стереотипа) структуру, сильно зависящую от информационных воздействий, особенно извне.

Информация, которая в той или иной степени влияет на имидж страны, определяется следующими параметрами:

- источники информации (газета, журнал, веб-сайт, пресс-агентство, телевизионный канал и пр. со своей репутацией);
- авторство информации (государство, политический или государственный лидер, чиновник, известная личность в искусстве, спорте);
- содержание информации;
- смысловая или целевая направленность информации.

В вопросах “источников” и “авторства информации” некоторые исследователи выделяют “высокую” и “низкую” геополитику. К “высокой” геополитике относятся официальные внешнеполитические документы и труды экспертов, к “низкой” — набор символов и социальных представлений о месте страны в мире, распространяемых в обществе. СМИ — это плоскость сопряжения “высокой” и “низкой” геополитик [5, с. 33]. Один из основоположников PR — Габриэль Тард — открыл возможности манипуляции общественным сознанием при помощи средств массовой информации. В 19 веке основным таким средством были газеты. Их тщательно сформулированное послание достигает не только тех, кто сам читает газеты, но и тех, с кем читатели газет общаются. В современном обществе можно говорить о totalном охвате информацией.

Что касается содержания современной информации, влияющей на формирование имиджа страны, то ее можно рассматривать с таких 2-х позиций — количественной и качественной. Первая связана с частотой упоминания страны, ее местом в потоке сообщений. Вторая характеризуется насыщенностью информационного потока, тематикой сообщений, их тональностью, очередностью подачи информации [5, с. 33]. На образы всех без исключения стран существенное влияние оказывают две постоянные составляющие: а) спорт и б) скандалы, конфликты, стихийные бедствия, террористические акции, криминал [5, с. 39]. В представлении граждан некоторые страны связаны главным образом с достижениями их спортсменов. Крупные террористические акции, чрезвычайные ситуации — лучшее мировое “пабликити” стране. Вопрос только в том, в какую сторону СМИ разворачивают общественное мнение.

В современных международных отношениях все большее значение приобретает информационная составляющая этих отношений и процесса глобализации. Кроме геополитического пространства государства взаимодействуют в международно-политическом информационном пространстве, главным элементом которого являются информационные технологии, создающие или видоизменяющие образы государств-участников. Спичрайтер президента США Р. Никсона утверждал, что в процессе создания имиджа надо изменять не человека, а создаваемое впечатление, которое зачастую больше зависит от средств массовой информации, а не от самого человека. Те же слова можно отнести и к государствам. В современном информационном обществе влияние одной стран или нескольких на другую осуществляется на больших дистанциях посредством высокоразвитых СМИ и через образную сферу.

В качестве подведения итогов можно систематизированный материал применить к анализу современного имиджа Украины в международно-политическом информационном пространстве. В результате об имидже данной страны можно заметить следующее:

- имидж Украины формируется в условиях высокотехнологического информационного обмена одновременно со всеми элементами ее государственности. А поскольку процесс преобразований и новообразований в международном политическом пространстве Украины сопряжен с наличием “проб и ошибок”, то и имидж ее пока не имеет устойчивых очертаний;
- имидж Украины в отличие от имиджа стран с длительным историческим опытом суверенности практически еще не имеет “ядра” согласно внутренней структуре социальных стереотипов, поэтому основывается и зависит в значительной степени от информации во внешнеполитическом информационном пространстве;
- в связи с тем, что Украина занимает с точки зрения геополитического пространства промежуточную зону, то ее образ формируется “нестандартно”. В частности, нестандартность имиджа современной Украины в разнонаправленности ее региональных структур между Востоком и Западом, что может ассоциироваться также с двуглавым орлом-символом, как у России. Исследования по этнопсихологии (со ссылкой на американские источники) указывают, что интеграция различных этнических групп должна скорее рассматриваться “не как смешение с образованием однородной амальгамы”, а как постоянный процесс “сопоставления — принятия и признания различий” [9; 240]. Поэтому в образной символической системе современной Украины ощущается потребность в отражении этой полифоничности и неоднородности;
- основными внешними источниками имиджеобразующей информации в отношении Украины в настоящих условиях являются СМИ соседних с Украиной стран, информация которых распространяется не только “вокруг Украины”, но и транслируется самими украинскими СМИ на своих граждан. Это, как правило, СМИ России (на востоке и юге Украины) и СМИ Польши (на западе). При этом необходимо отметить, что польские

СМИ придерживаются более согласованной между собой позиции в отношении Украины, в то время как российские СМИ не все отражают одинаковую позицию. Такие, как “Эхо Москвы”, “НТВ”, а также ряд газет могут не совпадать в оценках и комментариях с российскими государственными каналами, в том числе и по поводу Украины. Кроме российских и польских информационных источников другие являются менее доступными для населения Украины. Они формируют имидж больше во внешнем международном пространстве, хотя все больше становятся доступными украинцам через кабельное телевидение и Internet. Обобщающий взгляд европейских стран представляет канал “EuroNews”. Взгляд на украинскую действительность в близком Украине телеэфире также выражает телеканал “RTVi”, который транслирует позицию США и Израиля. Сравнительно частыми и значимыми для Украины во внешнем информационном пространстве являются высказывания в ее адрес таких известных лиц, как Л. Валенсы, А. Квасневского, М. Саакашвили, а также В. Черномырдина, М. Гонгадзе, Н. Мельниченко;

– по содержанию информацию, влияющую на имидж Украины, можно в общих чертах систематизировать следующим образом:

а) информация о международном политическом статусе страны (страна постсоветского пространства после победы “цветной революции”, с развивающейся демократией, но с высоким уровнем коррумпированности, с относительной региональной и религиозной разобщенностью, с несформировавшейся еще политической системой). Победившая политическая сила ориентирована на интеграцию в Евросоюз и блок НАТО, но юго-восточный регион не достаточно откликается на данный призыв);

б) информация о межгосударственных контактах Украины (охлаждение отношений с соседними Россией и Белоруссией, неопределенность с еще одной страной-поставщиком газа — Туркменистаном, налаживание отношений с Казахстаном. Западноевропейские страны и США отдают должное заслугам “участников майдана” и президента В. А. Ющенко, но уже с определенной осторожностью высказываются о нынешних успехах. Взаимосимпатии, скорее, на уровне лидеров стран: Украины с прибалтийскими странами, Грузией, Молдовой, Румынией. С Польшей взаимосимпатии выходят за рамки лидеров стран, а ощущаются на региональном уровне, о чем свидетельствует акция восстановления во Львове польского кладбища);

в) информация о состоянии дел в экономике Украины (в настоящее время доминирует образ государства с “неблагоприятным инвестиционным климатом”, проблемы с поставками российского газа);

– целевую направленность информации, распространяемой во внешнем международно-политическом пространстве Украины, можно охарактеризовать следующим образом: усилиями российских официальных источников формируется представление о том, что даже вопреки глубоким историческим, конфессиональным и этнонациональным связям, Россия ограничивается добрососедскими и партнерскими отношениями с Украиной, самостоятельность которой не столь беспокоит “новых старших братьев” в

лице западноевропейских стран и США. При этом страны, патронирующие развитие демократии в Украине, не очень стремятся опровергать такой намек со стороны России.

Література

1. Мельник Л. Інформаційна економіка. — Суми: ІТД “Університетська книга”, 2003. — 288 с.
2. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия: новая правящая элита и жизнь после капитализма. — М., 2003. — 252 с.
3. Микешина Л. А., Опенков Н. Ю. Новые образы и реальность. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 240 с.
4. Панкрухин А. П. Імідж країни // Ізвестия академии імиджелогии. — Т. 1. — М.: РІЦ АІМ, 2005. — С. 103-134.
5. Галкина Т. А., Заяц Д. В., Юр Е. С. Геополітическая картина мира в средствах массовой информации // Политические исследования. — 2003. — № 3. — С. 33-49.
6. Замятин Д. Н. Феноменология географических образов // Социологические исследования. — 2001. — №. — С. 12-21.
7. Журавлев Д. В. Образ, стиль, имидж // Ізвестия академии імиджелогии. — Т. 1. — М.: РІЦ АІМ, 2005. — С. 185-188.
8. Барабанщиков В. А. Динамика зрительного восприятия. — М.: Наука, 1990. — 240 с.
9. Стефаненко Т. Єтнопсихологія. — М.: Академіческий проект. — 2000. — 320 с.

О. В. Петкова

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова,
Інститут соціальних наук, кафедра міжнародних відносин
Французький б-р, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна.

МІЖНАРОДНО-ПОЛІТИЧНИЙ ІНФОРМАЦІЙНИЙ ПРОСТІР ТА ІМІДЖ УКРАЇНИ

Резюме

Посилення ролі інформації в цілому в сучасному житті, а також у міжнародних політичних процесах призводить до формування нового явища — міжнародно-політичного інформаційного простору. Як один з основних елементів такого простору нами виділено імідж країни й розглянуто його на прикладі України.

Ключові слова: інформація, міжнародно-політичний інформаційний простір, імідж, імідж країни

O. V. Petkova
Odessa National University, Institute of Social Science,
Department of International Relations
Frantsuzsky blvr., 24/26? Odessa, 65058, Ukraine

INTERNATIONAL POLITICAL INFORMATION SPACE AND IMAGE OF UKRAINE

Summary

Information role intensification in general both in modern life and in international political processes results in forming of new phenomenon — international political information space. As one of main elements of such space we have chosen the image of a country and examined it on Ukraine's example.

Key words: information, international political information space, image, image of a country

УДК 327: 94(470+571)

Ю. М. Иванова, аспирантка кафедры международных отношений
Одесского национального университета им. И. И. Мечникова,
к. 70, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина,
тел. (380482) 687284, e-mail: cis_asc@pacos.net

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ РОССИИ: ТЕОРИЯ И РЕАЛИИ

Статья посвящена внешней политике России, формированию ее основных концептуальных основ в контексте посткоммунистической трансформации. Автор указывает на необходимость более детального изучения и обобщения внешнеполитической мысли РФ. В статье предлагается классификация основных внешнеполитических идей в соответствии с хронологией.

Ключевые слова: внешнеполитическая мысль, трансформация, атлантисты, евразийцы, державники

В результате распада Советского Союза и обретения независимости перед Россией всталась проблема построения нового жизнеспособного государства с развитой экономикой и активной внешней политикой. Преодоление стереотипов имперского государства стало одним из самых больших препятствий на пути формирования новой внешнеполитической идеологии. Свое влияние оказала осуществляемая в стране политическая и экономическая трансформация.

Пришедшие к власти политики пытались применить различные подходы к проведению внешней политики РФ в условиях рухнувшей bipolarности. Не удивительно, что у интеллектуальной элиты России возникла необходимость в анализе осуществляющейся внешней политики, а вместе с теми желание переосмыслить роль России в мире. Наибольшую активность, на мой взгляд, проявили такие ученые, как А. Абрамов, А. Зубов, И. Исаев, А. Кара-Мурза, А. Кортунов, Э. Поздняков, В. Сергунин, А. Ципко, В. Цымбурский.

Работы этих авторов внесли большой вклад в процесс изучения внешнеполитической мысли России. Тем не менее, тот факт, что вышеперечисленные ученые, а с ними и ряд других являются отечественными политологами, не позволил им с должной критичностью отнести к проблеме. Их взгляды радикально отличны и бескомпромиссны. На мой взгляд, внешняя политика России за прошедшие годы претерпела много концептуальных изменений, требующих детального рассмотрения и обобщения.

Становление внешнеполитической мысли России в посткоммунистический период, а с ней и новой идеологии можно условно разделить на несколько этапов. Первую группу идеологов можно отнести к так называемым "атлантистам".

“Атлантисты” или “западники” — небольшая, но влиятельная группа высокопоставленных чиновников и ученых, поддерживавших прозападную ориентацию Москвы. Лидером являлся министр иностранных дел Андрей Козырев. Они настаивали на том, что Россия исторически принадлежит к европейской цивилизации и главную задачу видели в интеграции России в европейские структуры: НАТО, ЕС, МВФ. Больше всего стремились к членству в НАТО — символу трансатлантической безопасности. Выразителями этих идей в первую очередь являлись: Б. Ельцин, вице-президент А. Руцкой, госсекретарь Г. Бурбулис. Ярко выраженные “атлантистами” из среды интеллектуальной элиты являются также А. Арбатов, А. Абрамов, А. Карап-Мурза, А. Кортунов. Например, А Арбатов считал, что угроза от НАТО могла исходить в период bipolarности и холодной войны. “С начала 90-х НАТО стал в большей степени символом безопасности, нежели угрозы” [1; с. 222]. По мнению “западников”, России следовало сконцентрироваться на своих внутренних проблемах, а в отношении НАТО выстраивать диалог о разоружении.

Этап деятельности атлантистов начался сразу после распада СССР и продолжался примерно до середины 1993 года. Исходная установка концепции заключается в том, что внешнюю политику следует подчинить интересам рыночного преобразования экономики, максимально быстрого становления демократических институтов и радикальной демилитаризации общества и государства.

По замыслам российских политиков, сменивших в конце 1991 г. в Кремле М. Горбачева, отношения между РФ и США могли и должны были обеспечить максимально благоприятные внешние условия для трансформации России в современное правовое государство с развитой рыночной экономикой, плюралистической демократией и гражданским обществом. Результатом стала разработка в 1992 году “Концепции внешней политики”, в которой отмечалось, что на обозримое будущее отношения с США “будут сохранять на шкале приоритетов внешней политики России одно из приоритетных мест” [2; с. 10]. С российской стороны речь шла даже о создании стратегического союза с Соединенными Штатами на основе принципов равенства, взаимной выгоды и максимального благоприятствования интересам друг друга.

Далее следует теория *евразийства* — очень популярная среди российских интеллектуалов, которые пытались отыскать альтернативные концепции внешней политики. Ими являлись А. Зубов, И. Исаев, В. Цымбурский. Главный постулат — уникальность России, а также то, что в цивилизационных масштабах она никогда не являлась частью Европы. То есть РФ должна найти третий путь между Востоком и Западом, а то и стать мостом между ними.

Первое направление евразийцев представлено *демократами*, второе — *славянофилами*.

По мнению демократов, у России особенная роль в истории. В своем составе она соединяет многие народы и все цивилизации, именно ей сужде-

но стать гарантом процветания и стабильности на постсоветском пространстве. Демократы были уверены, что правительство во внешней политике должно большее внимание уделять не западному направлению, а своему югу — мусульманским народам, — дабы улучшить отношения с Турцией, Ираном, Саудовской Аравией. Также приоритетом следует сделать интеграцию в СНГ и возвращение статуса-кво в отношениях с Восточной Европой [3; с. 59].

В противовес демократической версии евразийства славянофилы нивелировали роль уникального геополитического положения России, отмечая ее существенные различия от Запада и Востока. Предлагали опираться на свои собственные ресурсы. Также были против интеграции России в европейские институты [4; с. 20].

На практике воплощение евразийства началось в середине 1993 года. Под влиянием все более жесткой критики со стороны влиятельных кругов элиты и, возможно, эволюции позиции президента руководство МИДа России частично изменило внешнеполитические установки. Курс на создание “пояса добрососедства” вдоль российских границ сменила стратегия интеграции постсоветского пространства под эгидой России. Эта линия была официально закреплена в документе “Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств”, утвержденном президентом в сентябре 1995-го [5; с. 7].

Практика последующих лет показала, что “проамериканская” и “прозападная” внешняя политика России не оправдала себя в ожидавшейся степени.

Утвержденный в конце апреля 1993 г. Советом Безопасности РФ документ определил систему внешнеполитических приоритетов страны. На первый план были вынесены отношения России со странами СНГ и Балтии. Другим приоритетным направлением внешней политики России, как отмечалось в концепции 1993 г., должны быть отношения со странами Восточной Европы, которые находятся в исторически сложившейся сфере интересов России.

Отдельный раздел концепции был посвящен российско-американским отношениям. Объективной базой для их развития, по мнению авторов концепции, является взаимная заинтересованность в формировании стабильной и безопасной системы международных отношений.

Ярким примером неоимперских установок середины 90-х годов стало создание Евразийского Экономического Сообщества (ЕврАзЭС), объединяющее Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан. Также следует упомянуть Договор о коллективной безопасности (ДКБ), в котором участвуют Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан, целью которого стало развитие, углубленное военно-политическое сотрудничество. Перед государствами-участниками Договора стояла важная задача — преобразование ДКБ в международную региональную организацию.

Третий этап наступил в 1996 году, когда главой МИДа стал Евгений Примаков.

Новый министр, судя по его высказываниям, скептически оценивал возможность полноценного сотрудничества с противниками времен холодной войны, рассматривал постсоветское пространство как зону соперничества с Западом и подозревал его в намерении подорвать влияние России в этой зоне ее особых интересов [6; с. 6].

С теоретической точки зрения данную группу можно назвать *державниками* или *государственниками*. Они настаивали на необходимости более активной защиты жизненно важных интересов России в ближнем зарубежье, будь то вопрос о передаче России советского ядерного оружия, урегулирования пограничных споров или защите диаспоры этнических русских на постсоветском пространстве.

Державники также настаивали на том, что подход с позиции силы остается важным фактором в международных отношениях. Безусловная, автоматическая поддержка политики Соединенных Штатов, которую, по их мнению, практиковали атлантисты, являлась несовместимой со статусом России как великой державы. Российские политики и идеологи в большинстве своем постоянно подчеркивали, что, несмотря на трудное экономическое положение и слабость обычных вооруженных сил, Россия остается и останется великой державой. В пользу этого, считают они, свидетельствуют размеры ее территории, богатые запасы природных ресурсов, высокая квалификация рабочей силы и научно-технический потенциал мирового уровня. Особое значение придавалось ядерному оружию. Не будь его, рассуждают многие публицисты и аналитики, Россия давно бы уже превратилась в третьестепенное государство.

Геополитическое положение страны также рассматривается как фактор ее влияния: находясь между Европой, Китаем и мусульманским миром, в зоне пересечения их интересов, Россия может использовать это обстоятельство для укрепления своего международного влияния и веса.

Для создания системы противовесов Америке была сделана ставка на развитие “особых отношений” с Францией, Германией и особенно с Китаем. Среди приоритетов российской внешней политики заметно возросла роль таких режимов, как иранский и иракский. Важнейшей стратегической задачей внешней и военной политики было провозглашено противодействие расширению НАТО, которая стала рассматриваться как имманентно антироссийское начало в мировой политике. В качестве основы взаимоотношений с новыми, независимыми государствами была избрана, по всей видимости, модель “центр-периферия”.

Встает вопрос. Какую сверхзадачу решали Примаков и его интеллектуальные сподвижники, добиваясь ограничения влияния США и западной цивилизации? В начале 1992 года российская элита, вероятно, искренне верила, что отказ от коммунизма будет немедленно вознагражден массовым потоком финансовой помощи извне. Поскольку этого не произошло, разочарование вылилось в недовольство внешней политикой. На примере столь радикального изменения в принципах внешней политики можно констатировать прямое влияние социально-экономической ситуации на нее.

Второе обстоятельство было, возможно, еще важнее. Общественный статус отдельных влиятельных групп элиты, их положение в бюрократической или экономической системе страны были прямо или косвенно связаны с советской внешней политикой, предполагавшей высокий уровень конфронтации в отношениях с Западом. Стратегия Козырева противоречила их интересам.

Концепцию, связываемую с именем Примакова, часто называют “прагматической” или “реалистической”. Исходное положение этой системы доктринальных установок: безопасность России — это прежде всего ее влияние на мировой арене; сокращение же его ведет к ослаблению безопасности. Ставится также знак равенства между безопасностью и сохранением статуса великой державы. Внешние силы обвинены в том, что они подрывают международное влияние России, вытесняют ее из традиционных зон влияния и регионов, где сосредоточены ее интересы. Процитирую отрывок из Концепции национальной безопасности РФ: “Угрозы национальной безопасности Российской Федерации в международной сфере проявляются в попытках других государств противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире, помешать реализации национальных интересов и ослабить ее позиций в Европе, на Ближнем Востоке, в Закавказье, Центральной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе” [7; с. 2].

Особое место в российском видении современных международных отношений занимала так называемая концепция многополярности. Суть ее в том, что после окончания холодной войны в мире быстрыми темпами формируются независимые друг от друга центры силы. Основные среди них — интегрирующаяся Европа, Япония, Китай, Россия и США, которых дополняют “центры” более низкого уровня. К последним обычно относят Индию, Бразилию и другие страны, набирающие вес и влияние на международной арене. Москва, говорили авторы этой концепции, должна проводить активную политику, всемерно поддерживая и стимулируя данную тенденцию [8; с. 31].

Эта система взглядов, которую условно можно назвать “концепцией Примакова”, воспроизводит традиционное для России восприятие внешнего мира как средоточия угроз и опасностей. И дело здесь не только в особом менталитете российской элиты, но и в ее стремлении усилить контроль над населением. Геополитическое положение России тоже скорее осложняет внешнеполитические позиции страны, чем укрепляет их. Нестабильный мусульманский мир на юге представляет собой источник опасностей, предотвращение которых требует немалых материальных и интеллектуальных ресурсов. На востоке у российских границ расположены экономически мощная Япония и наращающий свою мощь Китай, который может превратиться либо в мировую сверхдержаву с неясными пока амбициями, либо в распадающуюся страну, политические институты которой не выдержали форсированной модернизации.

В отдельную графу следует выделить Турцию, с которой Россию связы-

вают экономические партнерские отношения в Черноморском регионе. Тем не менее, идеологическая конфронтация оказывается неизбежной по причине все большего распространения турецкого влияния на мусульманские страны постсоветского пространства. Ведь в культурной сфере эти мусульманские страны оказываются гораздо ближе друг другу. Помимо собственных интересов Турция преследует интересы НАТО в этом регионе, отчего России становится все труднее удерживать под своим влиянием, например, Грузию, Киргизию, Азербайджан, Узбекистан, опираясь лишь на их стратегическую связку на РФ с советских времен.

Ядерное оружие, которое часто считают важнейшим, если не единственным признаком великой державы, не конвертируется в политическое влияние на международной арене. Ядерный статус России не помог ей предотвратить расширение НАТО, войну против режима Милошевича и его падение, а также другие события, рассматривавшиеся в Москве как крайне нежелательные и опасные. Есть и другая сторона дела. Ядерный фактор в российской политике тесно связан с ориентацией на сохранение стратегической стабильности. Это имеет два негативных следствия. Во-первых, закрепляется ощущение угрозы, исходящей от внешнего мира. Во-вторых, затрудняется формирование новых представлений о стратегической стабильности, соответствующих возникающему миропорядку. Среди них, например, снижение роли ядерного оружия, необходимость действовать совместно против экстремистских режимов, пресечь распространение оружия массового поражения, терроризм, различные формы международной организованной преступности и иные новые или нетрадиционные угрозы.

Касательно XXI столетия следует отметить, что, несмотря на приверженность В. В. Путина демократии, нынешний президент России твердо стоит на защите российского суверенитета и даже, по мнению А. Ципко, пытается подвести под него соответствующую идеологическую базу [9; с. 71].

2001 год означал начало нового этапа во внешней политике России, характеризующегося отказом от остаточного соперничества с США: закрылись военные базы во Вьетнаме и на Кубе, был похоронен Договор о ПРО, почти молча проглощено расширение НАТО, и главное — Россия закрыла глаза на американское военное присутствие в Центральной Азии и на Кавказе. Во время операции в Афганистане Россия продемонстрировала, что она может быть действительно ценным партнером для США. Но с окончанием операции “Неограниченная свобода” Путину вновь пришлось искать формулу для укрепления стратегического партнерства с Америкой. В условиях высоких цен на нефть и надвигающейся угрозы энергетического кризиса фундаментом для российско-американского сотрудничества могла стать совместная энергетическая стратегия. Путин представлял ее следующим образом: США поддерживают вступление России в ВТО, способствуют признанию ее рыночного статуса и привлечению в российскую энергетическую промышленность западных инвестиций и передовых

технологий. В свою очередь Россия способствует стабилизации мирового нефтяного рынка в случае полномасштабного политического кризиса на Ближнем Востоке и становится как бы гарантом нефтяной безопасности Америки [10, с. 23].

Путинский план был безупречен, и если бы вместо Буша в Белом доме сидел Клинтон, то вполне возможно, что его удалось бы реализовать. Очень быстро наметились конфликтные точки, или сферы непонимания между Россией и Америкой: Северная Корея, Иран, Грузия, Чечня (в мягкой форме) и самая главная — Ирак. Следует отметить, что Вашингтон в иракской проблеме сделал все возможное, чтобы подтолкнуть Москву в европейские объятия, и фактически сам обеспечил накануне своего вторжения в Ирак возникновение оси Париж — Берлин — Москва с явной антиамериканской направленностью.

Встреча Буша с Путиным в Братиславе в феврале 2005 года подтвердила привязанность Кремля к оплоту демократии. Видно, что на открытую конфронтацию с США Россия идти не намерена, да и оснований, кроме как разного отношения к “революции роз” в Грузии и “оранжевой” в Украине, нет.

Таким образом, обращаясь к теоретическому аспекту внешнеполитической мысли Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что на данный момент в России происходит синтез идеологем. В лице Путина, на мой взгляд, Россия нашла и современных атлантистов, ратующих за европейский проект, и евразийцев, вмешивающихся в дела ближнего зарубежья, и державников, для которых суверенитет и целостность РФ незыблебел. Сегодняшнюю Россию можно назвать *либеральной империей*. Трансформация произошла в сторону института частной собственности, свободного рынка и конкуренции, формирования политического режима — демократии, хоть и управляемой. С другой стороны имеют место: соединение бизнеса и власти во имя экономической экспансии на постсоветском пространстве, авторитарные методы управления, огромная территория, распространение влияния в регионе. Так как России не удается ни в теории, ни на практике отказаться от осознания себя великой державой, а обществу — от приобретенных демократических ценностей, то роль либеральной империи, хочу подчеркнуть, пока региональной империи — это тот компромисс, который даст возможность России развиваться и произвести модернизацию.

Литература

1. Sergounin A. Russian post-communist foreign policy thinking at the cross-roads: changing paradigms // Journal of international relations and development. — 2000. — Vol. 3, № 3. — P. 217-245.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации // Дипломатический вестник. — 1993. — № 1-2. Спецвыпуск. — С. 3-23.
3. Зубов А. Б. Советский Союз из империи в ничто? // Полис. — 1992. — № 1, 2. — С. 56-75.

4. Исаев И. А. Геополитика России-Евразии: возвращение к традиции?// Национальные интересы. — 2003. — № 4. — С. 20-22.
5. Цымбурский В. Национальные интересы России // Вестник Московского университета. Сер. 12, Социально-политические исследования. — 1994. — № 3-4. — С. 7-9.
6. Примаков Е. М. Международные отношения накануне XXI века: Проблемы и перспективы // Международная жизнь. — 1996. — № 10. — С. 3-11.
7. Концепция национальной безопасности Российской Федерации // http://asiainfo.narod.ru/news/17_01_2000/konsepsia_vneshney_politiki.htm
8. Поздняков Э. А. Геополитический коллапс и Россия//Внешняя политика и безопасность современной России / Под ред. Кортунова А. В. — М.: Винити, 1999. — Т. 1. — С. 20-37.
9. Ципко А. Аргументы в защиту российского суверенитета // МЖ. — 2003. — № 8. — С. 60-82.
10. Абрамов А. В. Нужна ли России общероссийская патриотическая идеология? // Национальные интересы. — 2004. — № 1. — С. 24-26.

Ю. М. Іванова

асpirантка кафедри міжнародних відносин
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова.
к. 70, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна,
тел. (80482) 687284, e-mail: cis_asc@paco.net

ЕВОЛЮЦІЯ ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОЇ ДУМКИ РФ: КОНЦЕПЦІЇ ТА РЕАЛІЇ

Резюме

Стаття присвячена зовнішній політиці Росії, формуванню її основних концептуальних підвалин в контексті посткомуністичної трансформації. Автор вказує на необхідність більш детального вивчення та узагальнення зовнішньополітичної думки РФ. У статті пропонується класифікація зовнішньополітичних ідей згідно з хронологією.

Ключові слова: зовнішньополітична думка, трансформація, атлантисти, євразійці, державники

J. Ivanova

graduate student of the Department of international relationship,
Odessa National University.

R. 70, Frantsuzskiy bul. 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine,
8(0482)687284, e-mail: cis asc@paco.net

THE EVOLUTION OF FOREIGN POLICY THINKING OF RUSSIA: THEORY AND REALITY

Summary

The article is dedicated to foreign policy of Russia, forming of its basic conceptual grounds in the context of its post-communistic transformation. The author points at the necessity of more detailed researching and generalization of foreign policy thinking of Russia. There is classification of basic foreign policy ideas in accordance with chronology.

Key words: foreign policy thinking, transformation, atlantists, euroasians, derjavynki

УДК 327:355. 4:94(267. 35)"1980/1988"

В. Ю. Богатый

асп. кафедры международных отношений Института социальных наук,
ОНУ им. И. И. Мечникова,
к. 70, Французский бул. 24/26, г. Одесса-58, 65058, Украина
8-(048)-7323080 bogatyy@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА В ПЕРИОД ИРАНО-ИРАКСКОЙ ВОЙНЫ

Рассмотрены основные направления внешней политики государств Персидского залива в период, предшествующий ирано-иракской войне, и во время неё. Изучено образование и развитие такой региональной организации, как Совет содружества арабских государств Персидского залива, начало и развитие "танкерной войны".

Ключевые слова: Персидский залив, Совет содружества арабских государств Персидского залива, "танкерная война", Ормузский пролив

Не будет преувеличением сказать, что самой горячей точкой планеты в начале ХХI в. является Ирак, который приковал к себе внимание всего мирового сообщества. На протяжении последних 25 лет политика этого государства неразрывно связана с личностью Саддама Хусейна, суд над которым происходит в настоящее время. Наряду с другими обвинениями ему вменяют в вину развязывание ирано-иракской войны, которая пошатнула основы стабильности в регионе Персидского залива.

В середине 80-х гг. ирано-иракский конфликт в прессе называли забытой войной. Бои тогда шли вокруг спорного отрезка территории вдоль реки Шатт-эль-Араб, шли с переменным успехом сторон, унося однако многие жизни. Когда театр военных действий включил в себя и Персидский залив, эта война стала хронической сенсацией, самой горячей точкой планеты, потому что речь пошла о нефти. Именно фактор нефти привлек к конфликту военные армады США и их западных союзников. Именно нефть поставила весь регион в центр внимания мировой прессы.

Ирано-иракская война в своей сути дала толчок американскому военному присутствию в регионе. Возникшая из-за территориального спора между двумя государствами, она переросла в войну, в которую могли быть втянуты все государства Персидского залива и Ближнего Востока. Она пошатнула сложившийся в регионе "баланс сил" и могла привести к полной деформации существующих границ и политических систем.

Именно эта война чрезвычайно усилила военную мощь как воюющих сторон, так и сторон нейтральных. После неё Ирак вышел довольно таки сильным в военном плане государством. Иран же успел закрепить свою позицию на международной арене как сильное мусульманское государство,

сплоченное войной. И самое важное — и Иран, и Ирак получили опыт боевых действий, который в дальнейшем можно будет использовать. Чем не преминул воспользоваться Ирак в 1990 г. Таким образом, сама ирано-иракская война остается актуальной и по сей день как предпосылка к возникновению двух мощных государств Персидского залива, влияющих на всю систему международных отношений залива.

Кроме того, следует еще отметить тот факт, что, несмотря на ведение боевых действий и объявление “танкерной войны”, война все-таки смогла принести и добавочную прибыль производителям и продавцам нефти. Бесконечное накаливание взаимоотношений в регионе позволяет производителям получать дополнительные прибыли “за риск”. Этот факт является еще одним аспектом актуальности, поскольку мировые цены на нефть зависят напрямую от обстановки в зоне Персидского залива. Любые подвижки среди основных акторов региона могут в любой момент вылиться в очередной экономический кризис.

Проблематика данного вопроса довольно неполно освещена в отечественной и зарубежной литературе, поскольку хронологические рамки рассматриваемой проблемы совпадают с другими ближневосточными событиями, обладающими большим интересом для исследователей. При этом следует подчеркнуть, что в существующих публикациях просматривается явное расхождение в видении роли стран Персидского залива в период конфликта, вызванного началом нового витка холодной войны в 80-е гг. Ярким примером является противостояние советских [1-7] и западных [8-13] исследователей относительно аспектов, влиявших на внешнюю политику государств данного региона. Представители этих двух направлений не дают объективной оценки происходящему, поскольку испытывали явное давление со стороны правящих элит обоих враждующих лагерей. Однако на современном этапе отечественная наука обладает большей свободой действий и в состоянии дать более объективные результаты исследования проблемы.

Исламская революция в Иране и ирано-иракский конфликт поставили перед арабскими монархическими режимами зоны Персидского залива сложные проблемы. Прежде всего их встревожило то обстоятельство, что Иран перестал играть роль регионального жандарма, будто следившего за тем, чтобы в зоне Залива не возникла революционная ситуация. Кроме того, они стали опасаться, что политика нового руководства может привести к созданию “беспорядков” в их собственных странах. Важнейший же урок, который они извлекли из событий в Иране, состоял в том, что они должны полагаться на сотрудничество друг с другом, а не с США, если хотят обеспечить себе безопасность и стабильность.

Ирано-иракская война, которая вспыхнула в сентябре 1980 г., отвечала интересам не только США и Израиля, заинтересованных в ослаблении обоих участников конфликта, но в определенной степени и династии Саудидов, так как Иран и Ирак надолго лишились возможности проводить активную политику в зоне Персидского залива.

В создавшихся условиях правящие династии Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Катара, Омана и Бахрейна в феврале 1980 г. пришли к выводу о необходимости учредить систему совместной обороны стран Залива. В ходе переговоров о создании блока арабских государств возник вопрос об участии в нем Ирака. Саудиды не были заинтересованы в этом, так как Ирак мог играть в проектируемом блоке руководящую роль. Остальные же арабские страны Залива стремились к тому, чтобы в состав блока вошли оба эти государства, так как их соперничество воспрепятствовало бы чрезмерному усилению одного из них.

В конце 1980 г. Саудовская Аравия выдвинула проект договора о заключении пакта коллективной безопасности арабских государств зоны Залива [1, 154-156]. Хотя с самого начала в официальных заявлениях Совета подчеркнутый акцент был сделан на стремлении его членов сотрудничать не только в военно-политической сфере, а и в экономике, информации, культуре, образовании и т. д. Было абсолютно очевидно, что государствам "шестерки", даже если бы они к этому не стремились, не удастся игнорировать или обойти вопросы сотрудничества и координации действий в военно-политической сфере. Более того, можно было с полным основанием утверждать, что степень жизнеспособности новой организации едва ли не в решающей мере зависела от того, смогут ли члены Совета договориться об общем подходе к решению вопросов с ней связанных. Опыт предыдущих попыток в этой области свидетельствовал о том, насколько нелегкой была данная задача: трудно представить, что государства, ранее неоднократно подтверждавшие различие своих позиций и своего понимания проблемы регионального военно-политического сотрудничества, вдруг могли бы за столь короткий срок, в течение которого окончательно вырисовывалась идея создания Совета, изменить свою точку зрения. Несогласованность арабских монархий проявила себя на первом же совещании министров иностранных дел в феврале 1981 г. в Эр-Рияде, где обсуждались предложения Саудовской Аравии, Омана и Кувейта.

Саудовская Аравия выдвинула как первоочередную задачу в деятельности Совета заключение двусторонних соглашений в области внутренней безопасности в качестве первого шага на пути к единому региональному пакту безопасности шести арабских монархий Персидского залива.

Что касается кувейтского предложения, то оно призывало к более тесному сотрудничеству между шестью странами в политической и социально-экономической областях как наилучшему способу предотвратить вмешательство извне в дела стран этого региона [2, 79-83].

Основные пункты проекта, предложенные Саудовской Аравией, включали в себя ряд условий для остальных государств Залива. Когда был опубликован саудовский проект, министр иностранных дел Ирака Саадун Хаммади заявил, что нет нужды в его осуществлении, так как уже существует Пакт о взаимной обороне в рамках ЛАГ. Иран также отнесся неодобрительно к саудовскому проекту. Реакция правительства Ирака и Ирана вполне объяснима, так как они прекрасно понимали, что саудовское руковод-

ство решило захватить инициативу в свои руки, воспользовавшись тем, что Иран и Ирак увязли в войне.

Правители Омана, ОАЭ и Бахрейна поддержали саудовский план. В то же время они не отказывались от американского военного присутствия в этих странах. Однако, хотя саудовские руководители и терпимо относились к тому, что правители этих государств предоставили американским вооруженным силам особые права на территории этих стран, они не только продолжали отказывать американцам в праве на создание военных баз в Саудовской Аравии, но и выступили против формирования США Сил быстрого развертывания. Как они неоднократно заявляли, им приятно сознавать, что США всегда готовы помочь Западной Азии в отражении внешней агрессии, но было не менее важно, чтобы американский флот не курсировал вдоль и поперек Залива [3, 86].

В связи с напряженной ситуацией, сложившейся в регионе к концу 1981–1982 гг., становилось все более очевидным, что вопросы координации политических действий, обеспечения внутренней и внешней безопасности уже не могли иметь для “шестерки” второстепенного значения.

В первую очередь это было связано с ирано-иракской войной: она заставила членов Совета учесть враждебность Ирана к арабским монархиям Залива и ускорить меры по обеспечению своей безопасности. Уже говорилось о тех побудительных мотивах, которые заставили правящие семейства района солидаризироваться с Ираком. Здесь представляется интересным проследить эволюцию официальной позиции “шестерки” в отношении ирано-иракского конфликта [4, 131–134].

С лета 1982 г. эти государства начали предпринимать усилия для предотвращения своей вовлеченности в конфликт. Кувейт отказался удовлетворить неоднократные просьбы Ирака предоставить в аренду стратегически важные о-ва Варба и Бубиян, которые можно было бы использовать в военных целях. ОАЭ, в свою очередь, аэропорты для иракских военных самолетов. Это позволило странам Совета сохранить дипломатические отношения с Тегераном и продолжать посреднические усилия.

В мае–июне 1984 г. сложилась чрезвычайно серьезная ситуация в районе Персидского залива. Ирано-иракская война переросла в войну “танкерную”: обе стороны стали топить нефтеналивные суда нейтральных государств. Этой ситуацией решили воспользоваться, прежде всего, США. Они заявили о готовности вмешаться в конфликт с целью обеспечения беспроцентной транспортировки нефти по Персидскому заливу и Ормузскому проливу. Но при этом американская администрация пожелала, чтобы какое-либо нейтральное государство зоны Залива (т. е. не Иран и не Ирак) обратилось к США за военной помощью. Таких просьб не последовало, так как ни одна из арабских монархий не решалась просить о размещении на своей территории подразделений американских ВВС в условиях, когда антиамериканские настроения в арабском мире усилились в ходе пятой арабо-израильской войны. Несмотря на то что “танкерная война” продолжалась и в последующие годы, позиция стран-членов Совета Со-

трудничества Арабских Государств Персидского Залива (ССАГПЗ) осталась неизменной.

Программу обеспечения системы безопасности в рамках ССАГПЗ разработал министр обороны Саудовской Аравии принц Султан. Эта программа состояла из ряда пунктов, согласно которым члены Совета сотрудничества были намерены обеспечить защиту нефтяных месторождений и специализированных портов на случай удара с суши, с воздуха или с моря, а также координировать свою деятельность в этой области. Предусматривалось развертывания дорогостоящих систем раннего оповещения и ракет противовоздушной обороны, а также создание укрепленных зон. Кроме того, некоторые важнейшие составные части нефтепроводов, к примеру, узловые подстанции должны были размещаться под землей. В странах Залива были созданы резервы жизненно важных компонентов трубопроводов, таких как насосы и турбины, которые невозможно было купить в готовом виде. Предусматривалось также строительство в недалеком будущем запасных трубопроводов в обход Ормузского пролива. Возможны были также варианты: или соединить нефтяные месторождения с Оманским проливом, продолжив трубопровод по территории эмирата Шарджа и Фуджайра; или проложить нефтепровод с побережья Аравийского моря через Оман; или же проложить его с побережья Красного моря через территорию Саудовской Аравии, Катар, Абу-Даби в сторону Оманского пролива — к открытому морю. При этом, с его точки зрения, когда по системе не будет идти нефть, её можно будет использовать для перекачки пресной воды из р. Шатт-эль-Араб, воды которой в настоящее время без всякой пользы уходят в море [5, 34-35].

В конце 1987 г. Саудовская Аравия сумела протолкнуть данный проект на рассмотрение Совета. Были подписаны двусторонние соглашения о безопасности с Катаром, ОАЭ и Бахрейном. Затем с Оманом. Значительно больше усилий ей пришлось приложить, чтобы подключить к подобной системе соглашений Кувейт [6, 63].

Кувейт среди малых стран-членов ССАГПЗ занимал особое положение. Он раньше других обрел политическую независимость и расширил рамки своей деятельности на международной арене. Кроме того, он раньше своих соседей приступил к развитию экономики, и в период “нефтяного бума” существенно возросли его финансовые возможности, что дало ему средства для оказания помощи соседним странам. Поэтому Кувейт претендовал на главенствующее положение среди малых государств и в какой-то степени соперничал с Саудовской Аравией в оказании преимущественного влияния на них.

В частности при обсуждении экономической программы малые страны выступили против предложения о предоставлении всем торговым компаниям равных прав во всех странах Совета сотрудничества, опасаясь конкуренции со стороны Саудовской Аравии [7].

Главы государств ССАГПЗ на совещании в верхах в Эр-Рияде утвердили соглашение о создании системы совместной обороны, когда вследствие ирано-

иракской войны крайне обострилась ситуация в регионе. Соглашение предусматривало обмен разведанными, совместную подготовку полицейских и военнослужащих, унификацию систем связи и командных структур. Оно обходило такие вопросы, как выдача преступников и преследование их на соседней территории, которые вызывали ранее несогласие Кувейта.

Негативная первоначальная позиция Кувейта и других малых стран Совета в отношении заключения договора о коллективной обороне была связана с противодействием стремлению Саудовской Аравии осуществить контроль над деятельностью организации. Саудовская Аравия выступила с проектом соглашения, предусматривавшего полную интеграцию в военной области, включая унификацию источников получения вооружения. Тот факт, что Саудовская Аравия обладает значительно большим военным потенциалом, чем другие страны-участницы, вызвало у последних опасение, что они могут оказаться в сильной зависимости от Саудовской Аравии в военной сфере. К тому же Кувейт и другие государства смогли диверсифицировать источники получения вооружения, в то время как Саудовская Аравия получала в основном американское оружие. Поэтому унификация, по-видимому, потребовала бы от Кувейта и других малых государств отказа от достигнутого, что не отвечало их национальным интересам.

Кувейт, как и другие малые государства, поддержал решение о создании сил быстрого развертывания Совета сотрудничества, начало которому было положено проведением в октябре 1983 г. на территории ОАЭ первых совместных маневров стран ССАГПЗ, проходивших под кодовым названием “Щит полуострова” [8, 181-194].

Решение об укреплении национальных вооруженных сил в каждой из стран “шестерки”, наряду с созданием единой оборонительной системы, предусматривавшее регулярное проведение наземных, военно-воздушных и военно-морских маневров, было одобрено всеми членами Совета сотрудничества, так как их собственные национальные армии не могли быть гарантом безопасности из-за их малочисленности. Поэтому совместные усилия по обеспечению безопасности полностью отвечали национальным интересам этих государств. Также было одобрено создание собственной военной промышленности с тем, чтобы несколько ослабить зависимость от поставок вооружения из США и других западных стран, что являлось важным средством оказания давления на их политику [9, 146-154].

На совещании министров обороны стран-членов ССАГПЗ неоднократно обсуждался вопрос о создании собственной военной промышленности. К 1985 г. на эти нужды уже было выделено 1,4 млрд. долл. Однако участники этих совещаний не смогли договориться о том, какую страну привлечь к участию в создании военной промышленности. В качестве возможных кандидатур предлагались Иордания, Ирак, Египет, Турция, Пакистан. Вместе с тем государства-члены Совета пришли к согласию относительно того, что они должны обладать способностью отражать угрозы, исходящие из любого региона, без прямого участия США или других государств, не входящих в Совет сотрудничества. С этой целью все члены

ССАГПЗ выделили по трети своих бюджетных ассигнований на нужды обороны. Эти средства решено было использовать для создания ударной силы в 140 тыс. человек. Одновременно было принято решение учредить совместное военное командование, выработать общую политику в области закупок техники, а также создания военной промышленности и коллективной системы противовоздушной обороны [10, 122-123].

Менее охотно Саудовская Аравия и другие монархии региона склонны были рассматривать возможность тесного сотрудничества в военной сфере с немонархическими арабскими государствами. Такая позиция вызвана их опасениями, что размещение на территории этих стран воинских подразделений из арабских государств могло привести к тому, что солдаты арабы окажутся вовлечеными в заговоры, направленные против правящих семейств Персидского залива. Тем не менее, возможность такого сотрудничества полностью не исключалась с учетом того, что ряд арабских стран, расположенных за пределами Персидского залива, выражал готовность принять участие в обороноспособности стран Залива [11, 128-129].

Таким образом, проанализировав внешнюю политику практически всех государств Персидского залива, можно утверждать, что противоречия "центров силы" Персидского залива сказываются не только на их отношениях между собой, но и в значительной мере определяют политическую ситуацию в регионе, оказывая существенное влияние на решение проблем обще-регионального характера. Арабские режимы, получив независимость, не хотели попасть под сферу влияния западных государств. Даже при наличии такого дестабилизирующего фактора, как ирано-иракская война, в которую в любой момент могли быть вовлечены остальные арабские режимы, многие государства решили сами обеспечить свою безопасность.

Война продемонстрировала также неоднородность арабских режимов в разрешении этого конфликта. Арабский мир был расколот, и противостоять исконному врагу всего арабского народа — Израилю поодиночке арабские режимы не имели возможности. Следует также отметить то, что в результате войны на первые позиции выходит Саудовская Аравия как самое сильное в экономическом и военном плане государство Персидского залива. По этому поводу французская газета "Монд" писала: "Война в Заливе, связавшая по рукам и ногам Ирак и Иран, превратила Саудовскую Аравию если не в нового "жандарма", то в "крестного отца" всего Залива".

Литература

1. Валькова Л. В. Саудовская Аравия: нефть, ислам, политика / АН СССР, Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1987. — 254 с.
2. Жучков В. Кому это выгодно?: Ирано-иракская война на море // Морской сборник. — 1986. — № 3. — С. 79-83.
3. Мишанин А. Ирано-иракская война и обстановка в Персидском заливе // Международная жизнь. — 1987. — № 9. — С. 86.
4. Мишанин А. Нужны дипломатические усилия // Международная жизнь. — 1988. — № 2. — С. 131-134.

5. Петров М. Оман: самый дальний Ближний Восток // Новое время. — 1986. — № 39. — С. 34-35.
6. Рысь Э. В. Персидский залив: горячая точка планеты. — М.: Знание, 1988. — 63 с.
7. Ушаков В. А. Иран и мусульманский мир (1979-1998) // www.iimes.ru.
8. Hiro Dilip. Neighbors, not friends: Iran and Iraq after the Gulf War. — New York: Routledge, 2001. — 407 p.
9. Khadduri, Majid The Gulf War: the origins and implications of the Iran-Iraq conflict. — New York: Oxford University Press, 1988. — 236 p.
10. Lawrence G. Potter Iran, Iraq, and the legacies of the War. — New York: Palgrave Macmillan, 2004. — 224 p.
11. Sterner Michael. The Iran-Iraq War // Foreign Affairs, 1984. — Vol. 63, № 1. — P. 128-143.
12. Milton V. Iraq at War // Foreign Affairs, 1986/87. — Vol. 65, № 2. — P. 349-366.
13. Walker George K. The tanker War 1980-88: law and policy. — Newport: Naval War College, 2000. — 640 p.

В. Ю. Богатий

асп. кафедри міжнародних відносин Інституту соціальних наук
ОНУ ім. І. І. Мечникова,
к. 70, Французький бул. 24/26, м. Одеса-58, 65058, Україна

**ЕВОЛЮЦІЯ ЗОВНІШНЬОЇ ПОЛІТИКИ КРАЇН ПЕРСЬКОЇ ЗАТОКИ
В ПЕРІОД ІРАНО-ІРАКСЬКОЇ ВІЙНИ**

Резюме

Розглянуто основні напрямки зовнішньої політики держав Перської затоки в період, що передує ірано-іракській війні, та протягом її. Вивчено становлення та розвиток такої регіональної організації, як Рада співдружності арабських держав Перської затоки, початок і розвиток “танкерної війни”.

Ключові слова: Перська затока, Рада співдружності арабських держав Перської затоки, “танкерна війна”

V. Y. Bogaty

bachelor student of the department of International Relationship,
Institute of Social Sciences, Odessa National University
Off. 70, Frantsuzskiy blvd. 24/26, Odessa-58, 65058, Ukraine

**THE PERSIAN GULF COUNTRIES FOREIGN POLICY EVOLUTION
DURING THE PERIOD OF THE IRAN-IRAQ WAR**

Summary

The main directions of the Persian Gulf countries foreign policy in the prewar period and during the Iran-Iraq war were analyzed. The foundation and development of such regional organization as the Persian Gulf Arabic Countries Community Council was studied as well as the beginning and evolution of the tanker war.

Keywords: The Persian Gulf, the Persian Gulf Arabic Countries Community Council, the tanker war

УДК 327(477:438)“199/20”

А. Г. Задорожня, здобувач кафедри міжнародних відносин
Інституту соціальних наук
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова
вул. Дворянська, 2, Одеса, 65026, Україна, Alizador@mail.ru

ОСОБЛИВОСТІ УКРАЇНСЬКО-ПОЛЬСЬКИХ ВІДНОСИН У 90-Х РОКАХ ХХ — ПОЧАТКУ ХХІ СТ.

В статті розглядаються питання співробітництва України з сусідньою Польщею. Зі вступом Польщі до Європейського Союзу розпочинається новий етап розвитку двосторонніх відносин держав, який в свою чергу повинен будуватися на основі досягнень попередніх років. Зроблений аналіз особливостей розвитку країн у політичній, економічній, гуманітарній сферах.

Ключові слова: співробітництво, Україна, Польща, стратегічне партнерство

Українській та польській державам судилося існувати поряд: наші народи поєднують давні історичні зв'язки, географічна близькість та бажання бути повноправним членом європейської спільноти. Після здобуття Україною незалежності розпочався новий період двостороннього співробітництва, який носив більш самостійний характер. Особливого значення відносини почали набувати після вступу Польщі до Європейського Союзу. При цьому важливо враховувати здобутки попередніх років.

В роботі розглядаються основні події, які відбувалися у період становлення та зміцнення українсько-польських відносин в контексті євроінтеграційних процесів.

Метою статті є аналіз двостороннього співробітництва сусідніх країн у різних сферах, починаючи з часу здобуття Україною незалежності до входження Польщі в Євросоюз. Відповідно до мети поставлені такі завдання: простежити еволюцію співробітництва, визначити перспективи його розвитку, а також визначити роль цих відносин у процесах європейської інтеграції.

При написанні роботи авторка використовувала міжнародні документи, праці вітчизняних та зарубіжних дослідників. Серед джерел необхідно відділити “Договір між Республікою Польщею та Україною про добросусідство, дружні відносини та співробітництво”, в якому зазначені основні положення співпраці та її подальше розширення. Література на дану тему досить різноманітна. Наприклад, проблеми двостороннього співробітництва детально досліджував український вчений Д. Васильєв. Питання національних меншин поляків в Україні та українців в Польщі висвітлював одеський історик Д. Горун. Слід також відмітити працю дослідника Е. Лисиціна, який акцентував увагу на понятті стратегічного партнерства. В книзі “Польща — твій діловий партнер” розглянуто розвиток економічного співробітництва сторін.

Розпад РЕВ, Варшавського Договору, перші демократичні вибори і прихід до влади демократичного уряду сприяли переходу Польщі до нових суспільно-політичних і економічних відносин. З появою незалежної України традиційні взаємини набули якісно нового виміру. Обидві країни обрали шляхи розбудови демократичних правових держав з метою повної інтеграції до європейських політичних та економічних структур. Тоді перший Президент Республіки Польща Л. Валенса сказав, що без незалежної України неможливе існування незалежної Польщі [1;14].

Становлення українсько-польських відносин проходило у час міжнародної ізоляції України, спричиненої нездоволенням Заходу дезінтеграцією Радянського Союзу. Польща в цей час продемонструвала виважену та далекоглядну позицію щодо України. Це підтверджує той факт, що Республіка Польща першою серед зарубіжних країн визнала державну незалежність України (2 грудня 1991 р.), а у січні наступного року між державами були встановлені дипломатичні відносини на рівні посольств. Важливим етапом у формуванні нової системи двостороннього співробітництва став перший офіційний візит Президента України Л. Кравчука до Польщі 18-19 травня 1992 р. Сторони підписали міждержавний договір “Про добросусідство, дружні відносини та співробітництво”. В документі підтверджується непорушність кордонів нині і в майбутньому, відсутність терitorіальних претензій однієї держави до іншої. Обидві вони відмовляються від застосування сили у взаємовідносинах і не допуссять, щоб з їх території виходила агресія проти іншої сторони. Україна і Польща взяли на себе зобов’язання співробітничати з європейськими структурами у справі роззброєння. Договором передбачено широке політичне, економічне, наукове, культурне співробітництво, щорічні зустрічі міністрів закордонних справ [2;12]. Крім того, були укладені угоди, підписані протоколи і декларації щодо різних напрямків співпраці. А до кінця 1995 року було закінчено процес створення юридичних рамок взаємного співробітництва, в тому числі економічного.

З метою поглиблення двосторонніх зв’язків Україну в травні 1993 р. з офіційним візитом відвідав Президент Польщі Л. Валенса. Одним з головних результатів цього візиту стало створення Консультативного комітету Президентів України і Республіки Польща — безпосередньої форми співробітництва. Як засвідчив подальший досвід, діяльність Комітету істотно вплинула на активізацію двостороннього співробітництва.

Важливою подією в низці взаємних візитів слід назвати державний візит до Польщі Президента України Л. Кучми (25-26 червня 1996 року). Його політичним підсумком стала обопільна констатація виходу українсько-польських відносин на рівень стратегічного партнерства. Що саме мається на увазі: “стратегічне партнерство” — це не просто будь-які стосунки, це спеціальна форма відносин, яка припускає співучасть держав, єдину мету і оформляється спеціальною угодою. Воно можливе лише між тими державами, національні інтереси яких збігаються повністю або частково хоча б в одній сфері функціонування держави. Його ознаками є:

- наявність часткового або повного збігу однієї чи декількох стратегічних цілей, що тим чи іншим чином відображені у відповідній угоді;
- існування відповідної міждержавної угоди з визначенням обов'язків сторін у досягненні цілей;
- адекватність масштабів цих обов'язків стратегічності цілей партнерства [3;32].

Слід зазначити, що активна участь України в розбудові європейської системи безпеки, внутрішньополітичний курс, спрямований на послідовне здійснення радикальних ринкових реформ, розпочатий українським керівництвом у 1994 р., сприяли активізації українсько-польських відносин. Польський професор Здзіслав Найдер (Центр міжнародних відносин) підкреслив, що пріоритетною для обох країн має бути Східна політика Європейського Союзу: “Україні потрібен ЄС згуртований і дійовий: тільки такий союз їй допомагатиме. Україні потрібна Польща, що має міцні позиції в ЄС, здатна знайти партнерів до співпраці та впливати на спільну зовнішню політику та безпеку” [4; 29].

З 1 травня 2004 р. Польща є членом Європейського Союзу, а основною міжнародною угодою, що регулює двосторонні зв'язки, стала Угода про партнерство та співпрацю (PCA). Про особливий характер їхнього співробітництва свідчить спосіб введення візового обов'язку. З 1 жовтня 2003 р. Польща ввела безкоштовні візи для громадян України, які бажають перетнути польсько-український кордон. А от поляки можуть приїздити до України без віз, окрім тих, хто бажає працювати в нашій країні.

Як відомо, Польща є першопрохідником економічних реформ серед країн Східної Європи. Стабілізація, становлення ринку, структурна перебудова економіки — головні економічні процеси переходного періоду. На сьогоднішній день Польща є одним з головних партнерів України у товарно-економічному співробітництві, обсяг якого у 1995 р. склав 398 млн. дол. США, у 1996 р. — 827,2, у 1997 р. — 949,7. У 2003 р. обсяг торговельного обміну між країнами складав 2,3 млрд. дол. США. У 1992-2003 рр. вартість польського експорту в Україні збільшилася майже семиразово, а імпорт з цієї країни збільшився в більш ніж 3,5 рази. Згодом Україна стала першим одержувачем польських товарів серед країн СНД та дев'ятим партнером Польщі в експорті загалом. Серед торговельних партнерів України Польща посіла сьоме місце в експорті (попереду Росія, Німеччина, Італія, Китай, Туреччина й Угорщина) та четверте у імпорті (після Росії, Німеччини, Туркменістану).

Слід зазначити, що у польському експорти домінували товари високого рівня переробки, натомість імпорт з України — переважно сировина. Традиційними товарами українського експорту в Польщу у 1995-1997 рр. були чорні метали, вироби з них, залізна руда, продукція харчової і деревообробної промисловості, автомобілі, харчові продукти. Імпорт України з Польщі переважно складався з кам'яного вугілля, устаткування для харчової та електротехнічної промисловості, медикаментів, товарів широкого вжитку.

Одним з кроків, на якому були зняті певні обмеження у торгівлі між

країнами, було підписання Меморандуму про заходи щодо лібералізації двосторонньої торгівлі між сторонами (23 січня 1997 р.). Наступним етапом до запровадження режиму вільної торгівлі стало підписання об'ємної Угоди про вільну торгівлю.

Значне місце в економічному співробітництві посідає інвестиційна діяльність. Так, наприклад, обсяг польських капіталовкладень в економіку України у 1997 р. складав 25,9 млн. дол. США (14% від загальної суми іноземних інвестицій). На кінець 2003 р. польські інвестиції склали понад 150 млн. дол. США. Приблизно половина з них розміщена у промисловості (передусім хімічній), другий напрямок інвестування — фінансовий сектор, значна кількість інвестицій розміщена у сфері виробництва баночок до напоїв, автомобільних сидінь, перев'язочних матеріалів. Польські фірми все активніше включаються у співробітництво як торгівельне, так і інвестиційне з нашою країною. В Україні на 2003 р. діяло більше 800 підприємств з польським капіталом, і майже всі вони спільні (приблизно 9% усіх підприємств з участю іноземного капіталу в Україні). Найбільшим польським інвестором на українському ринку є польський державний банк РКО ВР. Також слід відмітити такі фірми, як: "Кан-Пак" у Вишгороді (баночки до напоїв), "Белла" у Березані (перев'язочні матеріали), "Форте" у Донецьку і "Новий стиль" у Харкові (меблеві фабрики) та багато інших [5;12]. У березні 1997 р. було підписано українсько-польську комплексну Програму створення й організації виробництва нових конкурентоспроможних країн, підйомно-транспортного обладнання та будівельних машин.

Широкі можливості співробітництва криються у розвитку транспортних зв'язків, що знайшли практичне втілення у створенні міжнародної асоціації "Карпатський Єврорегіон", до якого увійшли відповідні регіони Польщі, Угорщини, Словаччини, України. А саме: польське Підкарпатське воєводство та такі українські області, як Івано-Франківська, Львівська, Чернівецька та Закарпатська. У межах діяльності цієї структури створена українсько-польська урядова координаційна комісія з питань міжрегіонального співробітництва. Укладено десятки угод між областями України і Польщі.

Новим рівнем організації двосторонніх відносин стало транскордонне об'єднання Єврорегіон "Буг", що об'єднало деякі області України, Польщі та Білорусії. В межах цього утворення налагодили співпрацю Люблинське воєводство та українська Волинська область, також Сокальський та Жовківський райони Львівської області. В його рамках підписано ряд угод про прикордонне та двостороннє співробітництво, про співробітництво в галузі охорони здоров'я людей, охорону навколошнього середовища при загрозі надзвичайних ситуацій, гуманітарній сфері. Скоріш за все членство Польщі в Євросоюзі дозволить отримати найбільшу підтримку такого типу співробітництва головним чином через програми організації.

Важливим чинником, який активно впливав на стан українсько-польських відносин, вважалася наявність в Україні польської (більше 200 тис. громадян) і в Польщі української (від 350 до 450 тис. громадян) національ-

них меншин [1;16]. На їхній захист в країнах створені спілки та товариства. У порівнянні з рівнем міждержавного спілкування взаємини між людьми обох країн були ще досить обмеженими. У частині польського суспільства існували антиукраїнські настрої, породжені шовіністичною і комуністичною пропагандою, ще відчувалися наслідки сумнозвісної акції “Вієла”, але нове покоління поляків, ділові кола, бізнесмени скоріше знаходили стежку до українсько-польської співпраці і взаєморозуміння.

Українці згуртовувалися в цілий ряд суспільно-громадських об'єднань, найбільшими з яких можна назвати об'єднання українців у Польщі, об'єднання лемків у Польщі, Союз українців Підляшша. Інтереси поляків в Україні репрезентували на 1995 р. від 23 до 30 громадських об'єднань. Найбільшими з цих об'єднань вважалася Спілка поляків України, що об'єднала поляків центральних та східних областей, і Федерація поляків в Україні, яка об'єднала поляків західних областей України [6;69]. Однак єдина польська організація не створена. Загалом діяльність поляків зосередилася в просвітницькій та релігійній сферах.

Щодо співробітництва в гуманітарній сфері між цими країнами передували контакти українців та поляків в польських об'єднаннях інтелектуалів (“Pomost”, Об'єднання співробітництва народів Східної Європи “Зближення”, паризький часопис “Культура”). Діяла Українсько-польська комісія з питань співробітництва у сфері науки і технологій, Українсько-польська комісія з питань співробітництва у галузі охорони навколошнього середовища. До того ж було створено двосторонню комісію експертів Головархіву України і Головної дирекції державних архівів Польщі. Що стосується мистецтва, то Київський музей українського мистецтва, Музей західного і східного мистецтва передали у дар польському народові 577 музеїніх експонатів, 35 тис. книжок XVI-XVII століть, 7 тис. цінних рукописів діячів польської культури і літератури та 150 тис. томів бібліотеки “Оссолінеум” і Рацлавицької панорами [1;13]. В фармацевтиці існували спільні проекти виробництва вітамінів, одноразових шприців. Створене об'єднання “Ензін” по виготовленню антибіотиків. В екології та у справі охорони природного середовища основна увага приділялася проектам програм “Чистий Буг”, “Карпатський екологічний заповідник”, які існували в рамках єврорегіонів).

Ключовим питанням українсько-польського діалогу залишається сприяння реалізації західного вектору зовнішньополітичного курсу нашої держави. Деякий час розвиток українсько-польського співробітництва мав більш самостійний характер, але з 2004 р. стосунки розглядаються через призму євроінтеграційних процесів. Необхідно враховувати той факт, що на відміну від нашої держави Польща відразу заявила про готовність стати членом ЄС. Їй вдалося за досить короткий час адаптуватися до європейських норм, провести безліч реформ, щоб зрештою потрапити до “першої хвилі” розширення Союзу. Нині для польських підприємств створені нові можливості, які виникли завдяки праці на єдиному європейському ринку. Покращилися умови інвестування. Хоча позиції нового члена в Євросоюзі

ще досить слабкі, та Польща готова підтримати Україну на шляху до Європи, більше того — лобіювати інтереси держави на європейському просторі.

Отже, збереження досягнутого рівня українсько-польських економічних відносин та їх політичний розвиток, співробітництво у гуманітарній сфері залежить від швидких економічних реформ в Україні, а також від того, як наша держава буде пристосовуватися до європейських стандартів життя.

Україна заявила про свій намір вступити до Євросоюзу, тому подальше дослідження співробітництва з Польщею як членом ЄС є особливо важливим.

Література

1. Васильєв Д. Українсько-польські відносини наприкінці ХХ століття // Нова політика. — 1998. — № 4. — С. 13-17.
2. Договір між Республікою Польщею та Україною про добросусідство, дружні відносини і співробітництво // Політика і час. — 1992. — № 7-8. — С. 12-17.
3. Лісіцин Є. Стратегічне партнерство: поняття сучасне // Віче. — 1999. — № 2. — С. 32-43.
4. Найдер З. Україна та Польща після розширення ЄС: нова політика для старих сусідів // Україна та Польща: стратегічне партнерство у новій Європі: Інформаційно-аналітична збірка. — К.: Інститут Євро-Атлантичного співробітництва, 2004. — С. 27-30.
5. Польща — твій діловий партнер (2004-2005). — Варшава: Інститут Кон'юнктур і Цін Зовнішньої торгівлі, 2004. — 162 с.
6. Горун Д. Відносини між Україною і Польщею наприкінці ХХ століття: проблеми розвитку // Материалы 53-й научной конференции профессорско-преподавательского состава и научных работников. — Одесса: Студия "Негоциант", 1999. — С. 59-70.

А. Г. Задорожная

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова
Институт социальных наук, кафедра международных отношений
ул. Дворянская, 2, Одесса, 65026, Украина

ОСОБЕННОСТИ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 90-Х ГОДАХ ХХ — НАЧАЛЕ ХХI ВЕКА

Резюме

В статье рассматриваются вопросы сотрудничества Украины с соседней Польшей. После вступления Польши в Европейский Союз начался новый этап развития двусторонних отношений обеих государств, которые в свою очередь должны строиться на основе достижений предыдущих лет. Сделан анализ развития стран в политической, экономической, гуманитарной сферах.

Ключевые слова: сотрудничество, Украина, Польша, стратегическое партнерство

A. G. Zadorozhnaya
Odessa National University
Institute of Social Sciences and International Relations
Department of International Relations
Dvoryanskaya street, 2, Odessa, 65026, Ukraine

THE MAIN FEATURES OF UKRAINIAN COOPERATION WITH POLAND IN 90-TH OF THE XX CT. — AT THE BEGINNING OF THE XXI CT.

Summary

The article is dealing with questions of Ukrainian relations with Poland. A new period of bilateral cooperation was began after entrance of Poland into the European Union. Further development of this cooperation should be based on the achievements of the last years. Analyse of the development of this countries in the sphere of policy, economy and social field is done.

Key words: cooperation, Ukraine, Poland, strategic partnership

УДК 327:94 (44)

В. В. Сокур, аспірантка кафедри міжнародних відносин Інституту соціальних наук Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова
вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65026, Україна.
Тел.: 80674840142, e-mail: viereine@paco.net

ФОРМУВАННЯ КОНЦЕПЦІЇ БЕЗПЕКИ У ФРАНЦІЇ

У статті йдеться про пошук Францією військової доктрини після розпаду біполярної системи. Спочатку аналізується еволюція концепції безпеки Франції в порівнянні з післявоєнним періодом, далі йде загальна характеристика і хід військової реформи. У закінченні розглядаються основні напрями створення автономної європейської оборони і особливості двосторонньої співпраці Франції з іншими державами.

Ключові слова: альянс, концепція, оборона, реформа

Трансформація всієї світової спільноти після розпаду біполярної системи значно ускладнює позиціонування Францією себе в Північноатлантичному альянсі (НАТО), оскільки в сучасних умовах не завжди ясно, хто є ворогом.

Мета даної статті — охарактеризувавши розвиток основних військових концепцій Франції, її досягнення у військовій реформі, визначити оптимальний розвиток її військової доктрини і можливий ступінь впливу на створення системи європейської безпеки.

Варто зазначити, що свого часу радянські автори значно більше приділяли уваги проблематиці відносин європейських держав, і в першу чергу Франції, з США в рамках НАТО з приводу європейської безпеки. Проте останнім часом можна говорити про зростання інтересу до даної теми з боку в першу чергу російських, але також і українських авторів. Незважаючи на це, зарубіжні роботи значно переважають за кількістю публікацій на дану тему. Специфікою дослідництва французько-американських відносин є небажання французьких діячів оприлюднювати інформацію про поступки Франції США. Тому частіше всього набагато більше інформації можна винести з особистих бесід з французькими офіційними представниками.

Завдання цієї статті такі: проаналізувати еволюцію військових концепцій Франції; оцінити військову реформу, що відбувається у Франції; дати характеристику зусиллям Франції по створенню європейської системи безпеки; дати рекомендації стосовно формування військової доктрини Франції на найближчий період.

Основний висновок по проблематиці даної статті зводиться до необхідності для Франції приdatи законний вигляд її співпраці з НАТО шляхом підписання необхідних угод.

У центрі військово-політичних амбіцій Франції по відношенню до НАТО завжди була упевненість у власній військовій потужності. Упевненість в ефективності ядерної зброї скилила Францію до самостійного вирішення питань своєї безпеки. За часів президента Ф. Міттерана було проведено більше половини всіх ядерних випробувань, які коли-небудь проводила Франція. Проте з часом стало очевидним, що майбутнє — за модернізацією звичайних озброєнь, що в цілому суперечило сталій військовій доктрині Франції. Пристосуватися до нового світу для Франції з її амбіціями і ста-лими поглядами було надзвичайне важко.

Необхідність оновлення військової доктрини Франції виникла за часів президента Міттерана, проте реформатором в цій сфері можна вважати, швидше, президента Ж. Ширака. Першою програмою, яка мала відповіда-ти викликам постбіополярного часу, була програма міністра оборони П. Жоса у 1991 р. [1, с. 2], проте вона не була схвалена. Найбільшим досягненням “Білої книги” (основний документ з питань національної безпеки) 1994 р. була спроба відмовитися від логіки “сфер оборони” і замість неї затвердити метод “сценаріїв” дії в умовах різних ступенів загрози.

Доктрина “трьох сфер” оборони, що з’явилася в період “холодної війни”, зводилася до диференціації Європи на три зони за ступенем важливості для Франції. Наприклад, “перша сфера” включала національну територію Фран-цузької Республіки, яка повністю покривалася ядерними озброєннями, “дру-га” — зону Європи і навколо Європи [2, с. 110], куди входила не вся Європа, а лише ті її частини, від безпеки яких залежала безпека самої Франції [2, с. 65]. “Третя сфера” представлена переважно захистом французьких інтересів у колишніх африканських колоніях. Ці “три сфери” і незалежність оборони, яка була забезпечена власними ядерними силами, до певного моменту були основою національної безпеки Франції [3, с. 108].

Майбутнє ж оборонної доктрини в 90-х рр. ХХ ст. бачилося у вигляді шести основних сценаріїв: 1) регіональний конфлікт, який не зачіпає жит-тєві інтереси Франції; 2) регіональний конфлікт, який зачіпає або міг бы-торкнутися життєвих інтересів Франції; 3) загроза національній території Франції за межами метрополії; 4) випадки, передбачені двосторонніми до-говорами про оборону; 5) миротворчі операції; 6) виникнення загрози для Західної Європи [1, с. 3]. Ці сценарії повинні були лягти в основу нової доктрини, проте через відсутність політичної волі у 90-х рр. не були напра-цьовані практичні механізми їх втілення в життя. Центральним залиши-лося твердження про те, що Франція повинна у будь-який момент бути готова захистити свої інтереси власними силами — така сильна була недовіра до союзників.

Неоголліст Ж. Ширак, який став президентом у 1995 р., почав упевнено відходити від ідеології голлізма, у тому числі й у оформленні військової доктрини. Він відразу зробив ставку на звичайні озброєння, а не на ядер-ний потенціал, що документально виразилося у військовій програмі на 1997-2003 рр. [1, с. 3]. Нова військова програма робила Францію більш підготовленою до різного роду інтервенцій, а також революційно звучало

тверждження про те, що французькі військові доктрини повинні бути сумісні з доктринами НАТО [1, с. 3].

Необхідно зазначити, що Франція дійсно зробила практичні кроки для того, щоб стати у перші ряди “держав-миротворців”. Ж. Ширак почав реформу озброєних сил Франції, яка в цілому повинна закінчитися в 2015 р. [1, с. 4], а реформування самих озброєних сил повинно було закінчитися до 2001 р. Військова реформа передбачала переведення самої масштабної континентальної армії Європи на контрактну основу, за зразок була прийнята британська армія. Бюджет Міністерства оборони виріс, хоча чисельність армії скорочувалася на 1/3, і більш, ніж на 45% були знижені витрати на ядерну зброю. Армія стала мобільнішою, більш здібною до негайного розквартирування у будь-якому місці планети [4]. Прикладом є миротворчі операції З-тиччного контингенту Франції в нещодавно в Кот д’Івуарі [5, с. 25].

Щоб яскравіше представити реальні досягнення військової реформи сьогодні, необхідне порівняння зі станом французьких збройних сил у минулому. Наприклад, під час війни в Перській затоці у 1991 р. армія Франції налічувала не менше 670 137 чоловік, з яких приблизно 300 000 чоловік складала професійна армія, а друга частина була представлена призовними солдатами. Французький контингент у війні налічував приблизно 16 000 солдатів і 4 000 чоловік резерву, що складало близько 3% всіх солдатів коаліції [1, с. 4]. Не дивлячись на порівняльну нечисленність, навіть відправку цих солдатів Франції було неймовірно складно здійснити через відсутність необхідної військової техніки.

Не можна назвати успішною і участі Франції у вирішенні конфлікту в Руанді. В ході операції “Туркуаз” у червні 1994 р. французькі війська, сподіваючись, мабуть, на дипломатичне вирішення конфлікту “місцевою владою”, замість того, щоб розділити воюючі сторони, запропонували допомогу своїм традиційним партнерам — племені хуту, на яких і покладають основну провину в геноциді, в результаті чого загинуло до мільйона чоловік [6, с. 7; 7, с. 7].

Швидше за все, саме слабкість Франції у війнах нової епохи стала поштовхом до реформування армії. Але сам хід реформи, що припускає розгортання озброєних сил за межами національної території, виглядає абсолютно невластивим для всієї зовнішньої політики Франції другої половини ХХ ст. Річ у нових викликах у вигляді регіональних конфліктів в країнах Центральної і Східної Європи (ЦВЄ), з якими міг справитися тільки НАТО, швидко і ефективно розгортуючи свої контингенти де завгодно. Франції просто довелося “підтягуватися” до ситуації, господарями якої були США і Великобританія.

До середини 90-х рр. Франція була не в змозі надати більше 9 000 солдатів на операції по підтримці миру [1, с. 6]. Згідно “Стратегічної програми” Ширака, до 2015 р. Франція буде здатна одноразово розквартирувати свій контингент у 30 000 чоловік при виникненні конфлікту або напруженості, у розв’язанні яких Франція визнає необхідним брати участь [1, с. 16].

Військова реформа продовжується, бюджет Міністерства оборони на 2003 р. склав 39,68 мільярдів євро, що вивело Францію на 4-е місце у світі за даним критерієм [8] — в порівнянні з 2002 р. бюджет був збільшений на 6,1%. Військова програма на 2003-2008 рр. має три основні напрями, які покликані збільшити мобільність і ефективність французької армії: 1) скорочення до мінімуму часу, необхідного для приведення військової техніки в повну бойову готовність; 2) модернізація озброєння і підготовка до того, щоб відігравати провідну роль в створенні європейської системи безпеки; 3) завершення професіоналізації армії [9].

Значних змін у військовій програмі зазнав статус ядерної зброї, хоча раніше самосвідомість Франції як світової держави покоялася на двох компонентах: членстві в Раді Безпеки ООН і ядерній зброї [10, с. 11]. Дебати з приводу ролі і бюджету ядерних озброєнь почалися у Франції у 1991 р., але з різних причин внутрішньополітичного характеру рішучі кроки в цьому напрямі зміг зробити тільки президент Ширак.

Згідно “Стратегічної програми” Ширака, ядерний потенціал Франції до 2015 р. повинен бути скорочений до двох компонентів: 4 ядерних підводних човнів нового покоління з поліпшеними ракетами M51 і ракет класу земля-повітря (ASMP ameliore) для озброєння ВПС і ВМС. Тактичні ракети і наземні ядерні бази ліквідуються [10, с. 16].

Сьогодні Франція не в змозі навіть самостійно проводити випробування своїх ядерних озброєнь: випробування на Тихому океані заборонені, а віртуальні тести ніколи не були сильною стороною французьких військових. Щоб зберегти можливість ядерних випробувань, у 1996 р. президент Ширак уклав відповідний договір з США про спільні випробування, таким чином зробивши Францію ще більш залежною від США у сфері оборони [1, с. 22]. Приблизно у той же час Франція почала купувати у США бортові системи дальнього радіолокаційного виявлення і попередження (АВАКС) [11, с. 107].

Паралельно з роботою над своїм власними потенціалом, протягом всієї другої половини ХХ ст. і початку ХХІ ст. Франція прагнула до збільшення ролі європейців у складі НАТО і створення незалежних від НАТО структур за такими напрямами: 1) посилення Західноєвропейського союзу (ЗЕС); 2) робота над створенням Багатонаціональних об'єднаних оперативно-тактичних сил (МООТС/CJTFs); 3) посилення і розширення Єврокорпусу.

Спроба пожвавлення ЗЕС була зроблена у 1973 р., але не була продовжена ні за Помпіду, ні за Жискар д'Естена, оскільки дії в цьому напрямі вважали неактуальними [2, с. 64]. У 90-х рр. ситуація із ЗЕС не зазнала значних змін, але і статичною вона не залишається. У практичному плані у 2000 р. почали працювати 2 нові європейські органи: Тимчасовий комітет з політики і безпеки і Тимчасовий військовий комітет [12]. У 2003 р. ЗЕС прийняв на себе командування над міжнародними силами в Македонії замість Стабілізаційних сил НАТО (SFOR). ЗЕС також є “спадкоємцем” миротворчої місії сил НАТО (IFOR) в Боснії і Герцеговині [4].

Концепція БООТС (МООТС/CJTF) спочатку була запропонована Радни-

ком Держдепартаменту США Л. Аспеном у 1993 р. і призначалася для операцій НАТО поза євроатлантичною зоною. Ці сили є гнучкими й ефективними через мобільність штаб-квартири і можливості зміни національного складу командування і самих озброєних сил залежно від виконуваної місії [1, с. 22]. У операціях БООС можуть брати участь не тільки сили країн-членів НАТО [13, с. 264]. У практичному плані ця концепція знаходиться у стадії розробки, але саме на ці сили покладена одна з основних ролей в реформуванні НАТО.

Третій напрямок діяльності по створенню європейської оборони, з одного боку, можна назвати найуспішнішим. У 1987 р. була створена французько-західно-германська бригада чисельністю 4 200 солдатів. Саме з французько-західно-германської бригади у 1991 р. виріс Єврокорпус чисельністю в 35 000 чоловік [1, с. 11]. Назву було змінено з французько-західно-германської бригади на Єврокорпус, по-перше, тому що він покликаний служити інтересам всієї Європи, а, по-друге, тому що сьогодні він дійсно французько-германсько-бельгійсько-люксембурзько-іспанський. Проте все це має мало спільного зі створенням незалежної європейської системи оборони: договір про Єврокорпус, проголошуючи непорушність євроатлантичних зв'язків [14, с. 13], містить також положення про можливість його використання в операціях НАТО відповідно з підпорядкуванням командним структурам цієї організації [15, с. 11, 12].

Міттеран прийняв пасивну позицію по відношенню до реформування НАТО, тому що він в цілому розглядав час як основний параметр для вимірювання політики і був упевнений, що він працює на Францію. Схоже, що такий оптимізм в цілому притаманний французьким політичним діячам. Наприклад, Перший секретар посольства Французької Республіки в Україні пан Ф. Делаус пояснив, що Франція в питанні створення автономної європейської оборони, яка потрібна Європі, поза сумнівом, спирається на такі принципи, як нереволюційність, неруйнування НАТО і розуміння того, що для створення могутніх ефективних сил необхідний час [4]. Спочатку необхідно ретельно розробити ідею і закріпити її в європейських договорах, щоб створення європейської оборонної системи стало невід'ємною частиною європейського будівництва в цілому. Робота в цьому напрямі вже має місце. Скажімо, статті про європейську оборону містяться в договорі Ніцци, який зобов'язані підписати нові члени ЄС [4]. Положення про створення європейських сил оборони включене в проект конституції ЄС, і це одна з причин, чому ФРН і Франція форсували ухвалення цього документа до розширення ЄС [16, с. 45]. Європейська оборона також була центральною темою на самітах в Гельсинкі і Кельні [17].

Крім того, за часів прем'єр-міністра Т. Блера Великобританія стала виявляти більше зацікавленості до формування структур європейської оборони [18, с. 29; 19, с. 20]. Наприклад, Декларація про європейську оборону була підписана в Сан-Мало у 1998 р. саме Францією і Великобританією [20, с. 33] без Німеччини.

Співпраця Франції з Великобританією завжди носила подвійний харак-

тер через специфіку самих цих держав. У певні періоди часу держави зближувалися, співробітничали навіть у сфері розробки ядерної зброї [21, с. 52], але все-таки своїми діями Великобританія не раз доводила, що першорядним союзником для неї залишаються США.

У справі створення системи європейської оборони існують як внутрішні, так і зовнішні перешкоди. Наприклад, протидія США з їх твердженням про те, що не слід дублювати вже існуючі структури, цілком здатна забезпечити безпеку Європи.

Внутрішні європейські причини для гальмування цього процесу можна виділити в основному три: по-перше, навіть якщо б європейські держави домовилися про практичні шляхи втілення в життя системи загальноєвропейської оборони і прийшли б до загального для всіх її бачення, то організація системи безпеки все одно залишалася би дуже недешевою справою, а західноєвропейські держави, як відомо, дуже не люблять виділяти кошти до загальноєвропейського бюджету [17].

Друга складність полягає в тому, що поки що навіть домовитися про загальне бачення європейської оборони держави Західної Європи не можуть. Немає згоди в тому, які будуть взаємовідносини між НАТО і європейською системою оборони [22, с. 3].

Врешті-решт, незрозуміло, яким чином 15 або 25 держав ефективно і швидко ухвалюватимуть рішення про проведення тієї або іншої операції. У ЄС немає країни, подібної США, яка здатна оперативно організовувати решту членів на проведення тієї чи іншої операції [23, с. 3; 24, с. 45].

Свою пасивність у альянсі Франція замінювала двосторонніми союзами [25, с. 10]. Наприклад, активізувалася навіть французько-китайська військова співпраця. У березні 2004 р. у Жовтому морі вперше за 50 років пройшли сумісні французько-китайські військово-морські навчання, причому відносно близько по відношенню до Тайваню і якраз напередодні виборів президента і референдуму з питання про підпорядкування острова китайському уряду. Ці дії відповідним чином були сприйняті Тайванем [26, с. 89].

Менш ситуативний, але все-таки не дуже постійний характер мають відносини Франції з новими членами НАТО. Традиційно від імені НАТО з новими членами веде діалог США, і для Франції в цьому процесі місця немає. Франція дещо спізнилася з налагодженням відносин з країнами ЄС, віддавши першість Німеччині і США, і обрала досить цікаву стратегію для власної популяризації в цьому регіоні: курси французької мови і різні культурні заходи. Чиновникам з країн ЄС, чия робота пов'язана з єврокомісією, Париж пропонує безкоштовні літні курси французької мови в старовинному замку під Авіньйоном [27, с. 89]. На питання, чи є інші приклади співпраці Франції з Україною в рамках НАТО, Перший секретар посольства Французької Республіки в Україні з деяким збентеженням відповів, що вони дійсно вважають, що французька мова дуже важлива [4].

Суть протиріч між Францією і США в питанні створення європейської системи оборони і додання завершеності французькій військовій доктрині в тому, що у західноєвропейських держав, на думку США, останні 50 років

була і є сумісна зовнішня політика і політика безпеки в рамках НАТО. Саме тому США не розуміють, що ще потрібно Західній Європі [19, с. 25].

Спроби замінити участь в альянсі двосторонньою співпрацею не приводять до відчутних результатів. Створення незалежної європейської системи безпеки залишається метою на дуже далеку перспективу. Фактичний стан речей наштовхує на висновок про те, що для Франції першочерговим завданням найближчого періоду у формуванні своєї військової доктрини є створення офіційного механізму співпраці з Військовим комітетом НАТО, оскільки він фактично існує вже багато років. Отже, відсутність продуманої і узгодженої схеми для участі Франції у військовій структурі НАТО приводить до зайвої риторики у той час, коли необхідні чіткі узгоджені дії.

Література

1. Rynning S. French Military Doctrine in the 1990s // www. copri. dk/publications/wp/wp%202001/29-2001. doc
2. Славенов В. П. Очерки внешней политики Франции (1981 — 1986). — М.: Межд. отн., 1986. — 301 [1] с.
3. Yost D. S. France in The New Europe // Foreign Affairs. — 1990/91. — Winter. — Vol. 69. — № 5. — Р. 107-128.
4. Интервью Первого секретаря посольства Французской Республики в Украине Делауса Ф. автору. — 25 марта 2004 г.
5. Ульяновский Ю. 22-й Саммит “Франция и Африка” // Компас. — ИТАР-ТАСС. — 06. 03. 2003. — № 10. — С. 25-30.
6. Utley R. “Not to do less but to do Better...” French military Policy in Africa // International Affairs. — 2002. — №. 78. — p. 129-146.
7. Rwanda — Résolution 935 adoptée par le Conseil de sécurité des Nations unies // Politique Etrangère de la France. — 1994. — Juillet-Août. — P. 7-8.
8. UK Ministry of Defence Site// The Defence Budget// <http://www.mod.uk/aboutus/keyfacts/budget.htm>
9. National Defense Program // <http://www.ambafrance-us.org/atoz/defense.asp>
10. Ehrhart H. France and NATO: Change by Rapprochement? Asterix' Quarrel with the Roman Empire. — Heft 121. Hamburg. — 2000. — Januar. — 32 p.
11. Menon A. France, NATO and the Limits of Independence 1981-97. The Politics of Ambivalence. — London, Macmillan Press Ltd., 2000. — 258 p.
12. Нота від посольства України в державах Бенілюкс // Поточний архів МЗС України. — 12. 04. 2000. — № 2. 5. 2/1-1435
13. Довідник НАТО. — NATO Office of Information and Press. — Brussels, 2001. — 608 с.
14. Стокроцкий В. Французский публицист об истоках франко-американских противоречий // Компас. — ИТАР-ТАСС. — 13. 03. 2003. — № 11. — С. 10-14.
15. Chirac J. A Responsible Europe Within a Renovated Atlantic Alliance // Regard Européen. — 1999. — Decembre. — P. 11-12.
16. Бернс Н. (Посол США в НАТО) [О проекте конституции ЕС]// Компас. — ИТАР-ТАСС. — 12. 01. 2004. — № 1-2. — С. 45-47.
17. Menon A. Why Proposals For An Autonomous European Defence Are A Costly Mistake // <http://www.defense.gouv.fr/>
18. Ульяновский Ю. Франция: совещание по вопросам внешней политики // Компас. — ИТАР-ТАСС. — 11. 09. 2003. — № 37. — С. 26-31.
19. Schake K., Bloch-Lainé A., Grant C. Building a European Defence Capability // Survival. — 1999. — Spring. — No. 1. — P. 20-40.
20. Howorth J. Britain, France and the European Defence Initiative // Survival. — 2000. — Summer. — Vol. 42. — No. 2. — P. 33-55.
21. Андреева Т. Безопасность Западной Европы и независимые ядерные силы Великобритания // Компас. — ИТАР-ТАСС. — 11. 09. 2003. — № 37. — С. 26-31.

- ции и Франции// Мировая экономика и международные отношения. — 2004. — № 1. — С. 51-61.
22. Gordon P. Europe's Uncommon Foreign Policy // International Security. — 1997/8. — Winter. — No. 22. — P. 3-14.
23. O'Hanlon M. Transforming NATO: The Role of European Forces // Survival. — 1997. — Autumn. — No. 39 — P. 3-25.
24. Sloan S. R. The United states and European Defence // Chaillot Papers. — Paris, WEU Institute for Security Studies. — 2000. — November. — No. 39. — P. 40-63.
25. Келин А. Спокойно негативное отношение к расширению НАТО // Международная жизнь. — 2003. — № 12. — С. 10-23.
26. Сычев В. Тайвань берут на испуг // Эксперт. — 22-28 марта. — 2004. — № 11. — С. 89.
27. Власова О. Франция опять хочет стать великой// "Эксперт". — 22-28 марта. — 2004. — № 11. — С. 89.

В. В. Сокур

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра международных отношений
Ул. Дворянская, 2, г. Одесса, 65026, Украина

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ВО ФРАНЦИИ

Резюме

На протяжении второй половины XX — начала XXI вв. Франция была основным инициатором усиления роли европейцев в НАТО и создания автономной европейской обороны. Для осуществления этих целей Франция никогда не имела достаточно ресурсов. Изменению сложившейся ситуации способствует военная реформа во Франции и пересмотр некоторых позиций относительно НАТО.

Ключевые слова: альянс, концепция, оборона, реформа

V. V. Sokur

Odessa National University, Institute of Social Science,
Department of International Relations
Dvoryanskaya str., 2, Odessa, 65026, Ukraine

FRENCH SECURITY CONCEPT CREATION

Summary

In the course of 2nd half of XX — beginning of XXI century France has been the main initiator of the Europeans role enforcement within NATO and autonomous European security system creation. However France has never had enough resource for realization of these projects. This situation may change due to the French military reform and reconsideration of certain attitudes towards NATO.

Key-words: alliance, concept, security, reform

УДК 327:94 [82:(47+57)]”198”

Ю. С. Касатонов, аспірант

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова

Інститут соціальних наук, кафедра Міжнародних відносин

вул. Дворянська, 2, м. Одеса, 65026, Україна

тел: 80503911947. E-mail: YKasatonov@tango.com.ua

ЕВОЛЮЦІЯ АРГЕНТИНО-РАДЯНСЬКИХ ВІДНОСИН У ПЕРІОД ПРАВЛІННЯ ПРЕЗИДЕНТА Р. АЛЬФОНСИНА

Стаття розглядає еволюцію відносин Аргентини і СРСР в 80-ті рр. ХХ ст. Обидві держави в цей період відчували складнощі у зв'язку зі зміною керівництва і переходом до нового режиму. У статті розглядаються як питання співпраці Аргентини і СРСР в заданий період, так і її результати в сучасності.

Ключові слова: угоди, торгівля, криза, аргентино-радянські відносини

Аргентина грає все зростаючу роль в сучасній зовнішній політиці Росії. На сучасному етапі спостерігається активний розвиток торговельно-економічних зв'язків і активної співпраці у ряді областей, зокрема у області металургії, енергетики і рибальства. Поступово здійснюється перехід від переважання торгових операцій між крупними державними компаніями до операцій на рівні приватного сектора. На території Росії створено більше десятка спільніх підприємств. Варто зазначити, що частина важливих угод в торговельно-економічній сфері, які були складені в 80-ті роки, діють і до цього дня.

Тема аргентино-радянських відносин достатньо широко висвітлена в статтях і виступах офіційних осіб, що безпосередньо брали участь в здійсненні зовнішньої політики Аргентини, роботах аргентинських істориків і політологів і “Загальній історії зовнішніх відносин Аргентини”, використаній як джерело архівних документів країни. Варто відзначити, що вищезазначені роботи не розглядають вплив внутрішньополітичних змін на зовнішню політику даних країн, хоча саме внутрішньополітичні зміни зробили істотний вплив на розвиток відносин Аргентини і СРСР даного періоду. Тому метою статті є розгляд еволюції аргентино-радянських відносин в період правління президента Р. Альфонсина 1983-1989 рр. з точки зору внутрішньополітичних змін, що наступали в обох країнах.

10 грудня 1983 р. президентом країни став лідер партії радикалів Рауль Альфонсин, змінивши на своєму посту останнього військового правителя країни. Перш, ніж прийняти правління, радикали підняли питання про зовнішньополітичні відносини з Радянським Союзом. У інтерв'ю одній з газет майбутній міністр закордонних справ Аргентини Данте Капуто стверджував, що в торгових відносинах з країнами Сходу не застосовуватиметься “жоден вид ідеологічної дискримінації”. І також завірив, що однією з ці-

лей нового уряду президента Альфонсина буде у різноманітнити експорт “задля національних інтересів, оскільки майже виняткова присутність тільки одного покупця (сільськогосподарської продукції) приводить фактично до відносин залежності, що україні невигідно” [1]. Подібні заяви могли бути розцінені як протидія тому надмірно важкому стану, який панував в політичних і торгових відносинах з Москвою за часів “Процесу національної реорганізації” — періоду правління військової диктатури 1976–1983 рр. Крім того, прихід в Рожевий Будинок Р. Альфонсина викликав хвалебні коментарі в радянській пресі. Наприклад, московське видання “Новое время” підкреслило, що програма уряду радикалів була “конструктивною”, і охарактеризувало політику Альфонсина як “прогресивну і новаторську” [2]. Не дивлячись на згадані хвалебні вислови радянської преси, під час першого періоду правління уряду Альфонсина економічні відносини з Москвою пережили період охолоджування. Причиною тому були два чинники: а) перевага в торгівлі соціальних демократій Європи, що викликало охолоджування у відносинах з соціалістичними країнами; і б) безпосереднія криза внутрішньої політики СРСР, виражена у першій половині 80-х низкою смертей вищих керівників. Проте це не заважало серії зустрічей, що завершилися підписанням ряду конвенцій, між Москвою і провінціями Мендоси, Формоси, Чако і Коррієнтес [3].

Першою подією, що свідчила про початок зближення відносин двох країн, стала Восьма зустріч аргентино-радянської Змішаної комісії з економічного і комерційного співробітництва, що пройшла на початку листопада 1984 р. у Буенос-Айресі. На зустрічі був розглянутий ряд заходів для виходу із застою в торгових відносинах, починаючи з обміну товарами і закінчуючи пропозиціями по адаптації аргентинських підприємств під потреби радянського ринку. Проте можливість закупівлі устаткування і техніки радянського виробництва на даний момент сильно компрометувалася двома чинниками: об’ємним зовнішнім боргом, що примушував Аргентину віддавати перевагу відносинам з Вашингтоном і міжнародним кредитним установам; і тенденцією зниження цін на зерно, що знижувало експортні вигоди, такі необхідні для погашення зовнішнього боргу [4].

Також відбувається зближення в політичній області. Прикладом став звіт про візит до Аргентини Генерального секретаря Міністерства закордонних справ СРСР Ю. Фокина в липні 1984 р. Візит носив “дослідницький” характер, метою його був обмін думками з приводу питань, які повинні були розглядатися на 39-й Генеральній Асамблей ООН, і інших питань, що цікавили обидві сторони. У даному контексті Фокин торкнувся проблеми Мальвінських островів, звинувачуючи Великобританію в проведенні колоніалістської лінії на відміну від тієї, якої дотримувалася радянська дипломатія в рамках відносин Захід-Схід. Не дивлячись на те, що Фокин вважав суперечку між Буенос-Айресом і Лондоном питанням другорядної важливості в списку радянських стратегічних пріоритетів, радянські владі були стурбовані розміщенням в південноатлантичному регіоні “передових видів озброєння, оскільки нам загрожують з Північного і Південного

полюсів” [5]. Під час перебування Фокина в Буенос-Айресі стаття, опублікована в радянській пресі, звинуватила уряд США в політичному використанні МВФ для чинення політичного тиску на адміністрацію Альфонсина і підтримала дії радикального уряду в його опорі тиску Вашингтона і кредитним банкам [5].

На початку жовтня 1984 р. відбувся візит до Москви групи аргентинських офіційних осіб на чолі з президентом Комісії по міжнародним міжпарламентським відносинам Сенату, хустісіалістським сенатором Х. Амоедо. Група підписала зі своїми радянськими колегами спільне комюніке, що підкреслює збіг точок зору в різних питаннях між Аргентиною і СРСР, виділяючи серед них радянську підтримку по поверненню аргентинського суверенітету над Мальвінськими островами [6].

У січні 1986 р. міністр закордонних справ Аргентини Капуто відвідав Москву з метою обговорити ряд питань і підготувати ґрунт для планованого в жовтні візиту в радянську столицю президента Альфонсина. Капуто зустрівся з рядом високопоставлених осіб Кремля, з якими він обговорив, крім інших питань, пропозиції сторін по роззброєнню, центральноамериканську кризу і проблему зовнішнього боргу. Заяви Капуто, рівно як і Шеварнадзе, виявили ряд спільних позицій з деякими питань, особливо з питання роззброєння. Міністр закордонних справ Аргентини підкреслив, що “план про повне роззброєння до 2000 р., наданий СРСР, є, на наш погляд, найважливішою ініціативою, запропонованою в даному питанні до сьогоднішнього дня” [7].

Крім цього, 29 січня 1986 р. Капуто підписав ряд угод, стосовно постачань сільськогосподарської сировини, устаткування і з деяких дипломатичних питань. Також варто відзначити досягнутий компроміс з приводу участі радянської сторони в перебудові аргентинського порту в Байя-Бланка і гідроелектричному будівництві, такому як гребля в П'єдра дель Агіла (там же). Декілька місяців після, 2 липня 1986 р., Аргентина підписала з СРСР угоду про рибний лов, що дає право доступу радянським суднам згідно 2-ї статті, у виняткову морську економічну зону Аргентини і згідно 3-ї статті, що дає даним суднам право заходу, в аргентинські порти. Подібну угоду було підписано і з Болгарією. Як і слід було чекати, дані угоди викликали негативні політико-стратегічні й економічні наслідки для Аргентини. Стосовно перших спостерігалася негайна реакція Об’єднаного Королівства, що оголосило 200-мільну зону навколо Мальвінських островів винятковою риболовецькою зоною Англії. Так само Державний секретар США Д. Шульц в сильних виразах критикував угоди про рибний лов і попередив, що “всяка держава повинна бути обережною у відносинах з Радянським Союзом”, оскільки основні цілі росіян — політичні, і їх система правління суперечить “системі цінностей, які є демократією Аргентини” [4].

У жовтні 1986 р. відбувся візит Альфонсина, якого супроводжували провідні аргентинські підприємці, в СРСР. Результати даного візиту для Аргентини були достатньо мізерними. У політичній сфері Альфонсин і Горбачов підписали спільне комюніке, що виражало ряд збігів позицій обох

країн з регіональних і глобальних питань, що стосуються засудження інтервенцій в Центральній Америці, дій Англії, а також схвалення миротворчих зусиль Контадорської групи (Мексика, Венесуела, Панама та Колумбія). Крім того були присутні схожі заяви відносно Палестини, зокрема для вирішення конфлікту країни вимагали виведення ізраїльських військ і пропонували створити палестинську державу. В економічному плані досягнення візиту Альфонсина обмежилися обіцянкою радянської сторони поважати підписану угоду про зернові культури — під час першого півріччя 1986 р. [8].

Варто відзначити, що для радянської сторони візит Альфонсина також не приніс нових результатів. З політико-стратегічної точки зору СРСР виявив в аргентинському президенті співбесідника, який, будучи зв'язаним політичними й економічними проблемами, зміг запропонувати лише вербальну підтримку в більшості питань як регіонального, так і глобального характеру.

В кінці вересня — початку жовтня 1987 р. відбувся візит до Буенос-Айреса міністра закордонних справ СРСР Е. Шеварнадзе, під час якого обидві сторони, будучи незадоволеними результатами торгового обміну, ухвалили рішення підписати сумісну декларацію, діючи згідно угоди про те, що Аргентина і СРСР повинні всіляко сприяти “новому вигляду співпраці, зокрема співпраці в області промисловості і створення спільних організацій і компаній”, для чого слід “пожвавити взаємообмін в промислових процесах” [4].

Так само був зафікований збіг думок в необхідності встановлення нового міжнародного економічного порядку. Відносно даного пункту радянський міністр закордонних справ відізвався про зовнішній борг як про “злоякісну пухлину сучасного світу” і підтримав президента Альфонсина в його висновку, що дана проблема може бути вирішена тільки за допомогою “спільних зусиль” міжнародного співтовариства. Шеварнадзе виділив широкий ряд збігів думок з урядом Альфонсина відносно питання роззброєння — в даному питанні Шеварнадзе виступив з критикою на адресу проекту “зоряніх війн” президента Рейгана [9]. Щодо проблеми Мальвінських островів, Шеварнадзе підкреслив необхідність роззброїти регіон Південної Атлантики і заявив про радянську підтримку аргентинської позиції відносно даного питання. Проте в той же час, щоб уникнути можливих ускладнень з Лондоном і Вашингтоном, радянський міністр підкреслив, що його контакт з аргентинським урядом не мав на меті “нанесення шкоди третім країнам” і не може бути розірваний як нова спроба радянського проникнення в регіон, оскільки таке бачення єrudimentom “застарілого мислення кам'яного століття” [9].

Подібний рівень спільних точок зору з ряду питань був знову досягнутий під час візиту до Буенос-Айреса особистого посланника М. Горбачова В. Ломейко, який зустрівся з президентом Р. Альфонсином в червні 1988 р. в рамках службової поїздки. Обидві сторони дійшли згоди, що результати переговорів Рейгана і Горбачова у Вашингтоні в 1988 р. були символом

розрядки. Проте Альфонсин вручив Ломейко копію декларації Групи шести (Аргентина, Індія, Мексика, Тасманія, Греція, Швеція), в якій наголошувалося, що від двох супердержав очікувалися “значніші результати у області обмеження озброєнь і роззброєння” [10, с. 13].

У вересні 1988 р. до Буенос-Айреса прибула радянська делегація на чолі із заступником міністра зовнішньої торгівлі Ю. Чумаковим. Серед головних досягнень візиту варто зазначити видання аргентинським урядом постанови № 835, згідно якої уряд Аргентини присудив радянській компанії Техноекспорт права на здійснення днопоглиблювальних робіт вхідного каналу, рейду і маневrenoї зони порту Байя-Бланка, не дивлячись на пануючі усередині країни заперечення даному акту. Після розвалу СРСР права на здійснення даних робіт перейшли українській компанії “Черазморпуть”, яка до цього дня співробітничаче з аргентинською стороною.

Таким чином, можна говорити про пожвавлення відносин і зближення Аргентини з СРСР в період правління президента Р. Альфонсина 1983–1989 рр. Причиною тому можна назвати цілий ряд чинників як політичного, так і економічного характеру. Серед політичних причин варто назвати прихід до влади в Аргентині демократичного уряду, того, що прагнув проводити незалежну зовнішню політику, не оглядаючись на Вашингтон; бажання Аргентини одержати могутню підтримку в особі Москви в підтримці устремлінь Буенос-Айреса повернути суверенітет над Мальвінськими островами і позитивні зміни в зовнішній політиці СРСР, пов’язані з новим курсом М. Горбачова, що прагнув показати миру “новий” і відкритий СРСР. Економічними чинниками зближення були спроби уряду Альфонсина знайти способи виплати величезного зовнішнього боргу країни, що сприяло укладенню торговельно-економічних договорів з Москвою, і бажання Радянського Союзу купувати аргентинську сільськогосподарську продукцію за цінами нижче європейських і північноамериканських. Розквіт відносин між двома країнами гальмувався впливом, який уряд США здійснював на аргентинський уряд і міжнародні кредитні інститути, які часто протидіяли устремлінням Альфонсина по зближенню з СРСР. Відносини ускладнювалися також небажанням Радянського Союзу вступати у конфлікт із західними країнами через надання підтримки Аргентині в питанні Мальвінських островів. Втім сьогодні також спостерігається певний тиск, що надається США, на розвиток аргентино-російських зв’язків. Південноамериканські ЗМІ часто натякають на “ради” Вашингтона Москві не просити гуманітарну продуктову допомогу у Буенос-Айреса, бо інакше буде важко чекати рішення спірних проблем, і не тільки економічних в російсько-американських відносинах.

Література

1. Rubén M. P. Argentina en el mundo (1973-1987) // www.ariadnatucma.com.ar/at_articulo.php?id=13
2. Gilbert I. El oro de Moscъ. La historia secreta de las relaciones argentino-soviéticas // www.ejercito.mil.ar/cee/Resumenes/oromoscu.htm
3. Perosa H. R. Las relaciones argentino-soviéticas contemporáneas // <http://roger.ucsdu.edu:2082/search/cF2833.5.S65+P47+1989/cf++2833.5+s65+p47+1989/-2%2C-1%2C0%2CX/requestbrowse&FF=cf+2833.5+s65+p47+1989&2%2C%2C2>
4. Escudé C., Cisneros A. Historia general de las relaciones exteriores de la República Argentina. — Buenos-Aires: Gruppo Editor Latinoamericano. — T. XI-XV // www.argentina-rree.com.
5. Rapoport M. Las relaciones con la Unión Soviética: balance y perspectivas // <http://mil983.tripod.com.ar/mil983/id8.html>
6. Informe sobre la visita a la URSS de la delegación del Congreso Nacional presidida por el senador Amoedo, en Congreso Nacional, Diario de sesiones de la Cámara de Senadores aco 1984, Reunión 30E, Diciembre 5 de 1984, T. IV: Sesiones extraordinarias (5 de diciembre de 1984 al 14 de marzo de 1985) // www.biblioteca.jus.gov.ar/infobibl.html
7. Perosa H. R. Las relaciones argentino-soviéticas contemporáneas. — <http://roger.ucsdu.edu:2082/search/cF2833.5.S65+P47+1989/cf++2833.5+s65+p47+1989/-2%2C-1%2C0%2CX/requestbrowse&FF=cf+2833.5+s65+p47+1989&2%2C%2C2>
8. Rapoport M. "El viaje de Alfonsín a la Unión Soviética" // www.argentina-rree.com/14/14-067.html
9. Spanier J., La política exterior norteamericana a partir de la Segunda Guerra Mundial // www.metabase.net/docs/fuades/02114.html
10. Mensaje de 'los seis' a Gorbachov / Clarín. — 1988. — 8 de junio. — P. 13 // www.clarin.com

Ю. С. Касатонов

Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова,
Институт социальных наук, кафедра международных отношений
Ул. Дворянская, 2, г. Одесса, 65026, Украина (80503911947)

ЭВОЛЮЦИЯ АРГЕНТИНО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА Р. АЛЬФОНСИНА

Резюме

Статья рассматривает эволюцию отношений Аргентины и СССР в 1983-1989 гг. Рассматриваемые страны переживали ряд трудностей и внутренних перемен в вышеуказанный период, связанные со сменой руководства и переходом к новому режиму. В статье рассматриваются вопросы сотрудничества Аргентины и СССР и влияние внутриполитических факторов на формирование взаимоотношений двух стран.

Ключевые слова: соглашение, торговля, кризис, аргентино-советские отношения

Y. Kasatonov

Odessa National University, Institute of Social Science,
Department of International Relations
Dvoryanskaya str., 2, Odessa, 65026, Ukraine (80503911947)

EVOLUTION OF ARGENTINE-SOVIET RELATIONS DURING THE GOVERNMENT OF THE PRESIDENT R. ALFONSIN

Summary

The article examines the evolution of Argentina and USSR relations during the period of 1983-1989. The countries under review experienced a number of difficulties and inner changes in the aforesaid period, connected with government changes and transition to a new regime. Questions connected with argentine-soviet cooperation and the impact of home policy on foreign policy forming of the two countries are examined in the article.

Key-words: agreement, trade, crisis, argentine-soviet relations

КРУГЛЫЙ СТОЛ

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ імені І. І. МЕЧНИКОВА

**БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС:
СОЦІАЛЬНИЙ ДІАЛОГ О РЕФОРМИРОВАННІ
ОБРАЗОВАННЯ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВАРИАТИВНЫХ
НАЦІОНАЛЬНИХ ПРОГРАММ
(“круглый стол” кафедры социологии ИСН ОНУ
им. И. И. Мечникова)**

Худенко А. В.: Очередное заседание методологического семинара кафедры социологии посвящается чрезвычайно значимой теме. Значимой прежде всего потому, что мы намерены обсудить некоторые проблемы реформирования системы образования — той жизненной сферы, которая в современном мире определяет и задает направления социального и политического развития страны на десятилетия. Инициатива в проведении этого “круглого стола” принадлежит проф. Н. А. Победе. В заседании круглого стола выразили желание участвовать проф., доктор филос. наук И. М. Попова, проф., доктор социологических наук В. И. Подшивалкина, кандидаты социологических наук, доценты кафедры социологии О. Р. Лычковская, А. А. Панков, Т. Г. Каменская, С. В. Романенко, С. С. Ветрова, Е. А. Фостачук, Н. Т. Гизатова, Т. И. Кривошея; Е. В. Лисеенко — доцент кафедры философии и социологии Южноукраинского педагогического государственного университета им. К. Д. Ушинского; Марчук И. П. — ст. преподаватель факультета романо-германской филологии ОНУ им. И. И. Мечникова.

Информационные материалы к заседанию “круглого стола” подготовили дипломанты-выпускники кафедры социологии — В. Воронкова и Е. Суворова. Учитывая, что с ними познакомились сотрудники всех отделений ИСН, в том числе преподаватели, пожелавшие участвовать в сегодняшнем обсуждении, можно открыть дискуссию.

Победа Н. А.: Для начала я хотела бы обозначить стратегические цели реформирования высшей школы, вытекающие как из практической необходимости самой отрасли в связи с ее саморазвитием и самодвижением, так и из предложений Болонского соглашения.

Усложнение мира, открытость государственных границ большинства стран, производство универсальных продуктов, удовлетворяющих все более возрастающие потребности населения, неизбежно ставят в качестве первоочередной проблемы конкурентоспособность каждого государства и поиск его ниши в мировом социальном пространстве. Конкурентоспособность — мощный аналитический и политический инструмент. Сегодня это одна из самых влиятельных концепций в экономике развития и практической политике. И не только потому, что она позволяет оценивать стратегию движения вперед и последствия неверно принятых управлеченческих решений,

но и благодаря возможности учитывать неэкономические факторы, такие как уровень и востребованность образования, верховенство закона, информационную инфраструктуру, потенциал научных разработок, функционирующие системы ценностей, общий уровень развития культуры нации. Общая посылка концепции конкурентоспособности состоит в том, что государства конкурируют не только товарами и услугами, но и системами общественных ценностей, системой образования.

Необходимость объединительного европейского пространства в сфере образования возникла не случайно. Отвечая на вызовы глобализации, европейским странам надо было обеспечить достойную конкуренцию американскому образованию в связи с оттоком молодых кадров за океан. Давосский форум, на который собирается мировая интеллектуальная элита, публикует ежегодно материалы о конкурентоспособности 104 стран (из 180, на которые приходится 95% мировой экономики), а Лозанский институт выпускает Мировой ежегодник конкурентоспособности. Коэффициент конкурентоспособности включает в себя 83 экономических показателя, 77 показателей эффективности правительства и управления, 69 показателей "действенности" бизнеса и 94 показателя инфраструктуры (в т. ч. развитость базовой технологической, научной, социальной инфраструктуры, включая образование).

Примечательно, что в течение последних 15 лет у концепции конкурентоспособности появилось "мягкое" измерение: акцент делается на переходе глобальной экономики к новому качеству — экономике Знаний. Любопытная цифра: в современном западном мире лишь 15% активного населения "прикасаются" в процессе производства к товару, остальные 85% — добавляют стоимость в процессе творчества, менеджмента и передачи информации. Из этого следует, что "твердая" инфраструктура (дороги, порты и т. п.) отодвигается в политических акцентах на задний план, тогда как "мягкая" инфраструктура актуализируется. К ней относятся генерирование, хранение, дистрибуция, передача знаний и информации, ее социальные компоненты, связанные с развитием человеческого фактора, в частности — его свойствами и качествами. Для нас принципиальное значение имеют именно социальные компоненты.

Каково же место Украины в мировой системе координат с точки зрения конкурентоспособности? По индексу конкурентоспособности экономического роста за 2003-2004 гг., новым осваиваемым рынкам Украина занимает 86 место, перед ней из бывших стран СНГ — Россия — на 70 месте, за ней Грузия — на 94 месте. В позитивном плане Украина достаточно высоко конкурирует по уровню развития технологических идей, качеству научно-исследовательской базы, образования — в точных науках, а также благодаря относительно неплохому состоянию базовой инфраструктуры. Однако довольно низко оцениваются факторы, обеспечивающие возможность практической "капитализации". Здесь указывается на высокую степень "утечки мозгов", лицензирования новых технологий и услуг, низкий уровень защиты прав интеллектуальной собственности, узкий потенциал по инвестициям в образование, НИИ и опытно-конструкторские работы.

Таким образом, противоречие состоит в том, что по уровню грамотности взрослого населения Украина находится в числе первых 3% стран в мире, а по уровню благосостояния — в числе последних 40; по числу ученых и инженеров — в первых 25% стран мирового сообщества, а по доле экспорта, приходящегося на высокие технологии, в числе последних. Иными словами — экономический уровень страны и ее конкурентные позиции в мире не отражают качества и свойства человеческого фактора Украины.

Приведенные выше аргументы являются первой причиной в необходимости модернизации образования Украины как составляющей общего ресурсного потенциала страны.

Второй причиной являются противоречия в сфере образования и науки. Хотя реформы университетского образования начаты давно, они столь поверхностны и не скординированы, что не решают главного вопроса — повышения качества образования. До экономики Знаний не доходят даже в дискуссиях. Этому противодействует затянувшийся экономический и политический кризис в стране. В результате, несмотря на декларации об увеличении ассигнований в сектор высшей школы, ее общее состояние с точки зрения технической оснащенности остается отсталым от европейских стандартов, а статус преподавательской и научной деятельности продолжает девальвироваться. Частный сектор в сфере образования растет в основном за счет “непроизводительных” профессий, а неадекватное пенсионное обеспечение и социальная защита преподавателей делают труд педагогов и научных сотрудников непрестижным.

Поскольку Украина выбрала стратегическим направлением евроинтеграцию, то реформирование украинской высшей школы является дополнительным стимулом ее модернизации по европейскому образцу. В этом смысле Болонские декларации выступают своего рода толчком в попытке вписаться в *main stream* глобализации.

Из истории объединения высшей школы в европейских странах известно, что попытки его совершенствования начались с 1957 г., когда было подписано Римское соглашение. Это было связано с одной стороны с потерей конкурентоспособности по сравнению с американской высшей школой, как указывалось выше, с другой — с необходимостью приведения национальных законодательств к неким общим нормам, а также с необходимостью создания долгосрочных систем обучения. В последующем эти идеи развивались в решениях конференций министров образования европейских стран (1971, 1976 гг.), в Маастрихтском договоре (1992 г.), Лиссабонской конвенции о квалификациях, Сорбонской декларации (1998 г.).

В 1999 г. 29 стран Европы в городе Болонья официально задекларировали свои намерения, и начался процесс объединения четырех тысяч европейских высших учебных заведений, в которых обучаются свыше 12 миллионов студентов, в единое образовательное и научное пространство. Среди первых 430 основателей Болонского содружества со стороны Украины были Харьковский национальный университет им. В. Каразина, Днепропетровский национальный университет, Одесский национальный университет

им. И. И. Мечникова, Национальный технический университет Украины “Киевский политехнический институт”.

Сегодня уже 40 стран составляют Болонское содружество. Ключевыми целями модернизации образования в рамках общеевропейского образовательного пространства являются: стремление к повышению престижа высшей школы и выравнивание общего багажа сфер образования, науки, искусства и культуры в целом; поддержание конкурентоспособности высшей школы, поскольку развитие цивилизации во многом определяется именно этим социальным институтом; сохранение автономности учебного заведения, его относительной независимости как профессионального сообщества и как базового устройства европейской образовательной системы и др.

Болонская декларация предусматривает ряд конкретных решений, в частности:

- введение двухэтапной модели образования (бакалавр-магистр), в терминологии Болонского соглашения — базового и последипломного (градуального и постградуального). Доступ ко второму этапу требует завершения первого. Степень, получаемая после окончания первого этапа, признается на европейском рынке труда как достаточный уровень квалификации;
- использование системы ясных прозрачных и сопоставимых степеней с выдачей приложений к дипломам, что усиливает конкурентоспособность системы высшего образования;
- принятие системы кредитов, аналогичной ECTS, как средство повышения мобильности студентов;
- стимулирование мобильности и создание условий для свободного перемещения студентов и преподавателей, аспирантов и научных работников;
- развитие европейского сотрудничества в области контроля качества с целью выработки сопоставимых критериев и общей методологии;
- усиление европейской ориентации в таких направлениях образовательного процесса, как проектирование общих образовательных программ, научных исследований.

Замечу сразу, что в Украине все выдвинутые задачи требуют координации, в том числе проектирование вариативных дисциплинарных программ, их сопоставления в рамках вузов, осуществляющих подготовку специалистов по конкретным направлениям, формирование национальных проектов для участия в общеевропейской системе.

О том, что сделано в ходе Болонского процесса в Украине, вы смогли ознакомиться из обширного информационного материала, подготовленного к настоящему заседанию “круглого стола”. Хочу обратить особое внимание на материалы Научно-методического Центра высшего образования Министерства образования и науки Украины, в которых не только детально раскрыты основные принципы и этапы формирования европейского образовательного пространства, но и объяснены социальные характеристики доступности высшего образования, внедрения кредитно-модульной системы организации учебного процесса, как будут оформлены приложения к

диплому. Особено подробно описаны шкалы оценивания результатов работы студентов, а также части, называющиеся самостоятельной работой преподавателей в их общей нагрузке, и даже роли кураторов.

Дискуссионная часть информационного блока представляет итоги экспериментальной работы по новым правилам в вузах Украины в 2004-05 гг. и дает оценочные суждения позитивного и негативного опыта в газетных публикациях и Интернете.

К отмеченному хотелось бы добавить несколько слов о состоянии проблемы в ИСН. По всем отделениям разработаны концептуальные схемы реформирования, в том числе проекты оценивания знаний кредитно-модульной системы. Начата ее апробация на 1-2 курсах. Кроме того, в области совершенствования подготовки по иностранным языкам создан учебник с практическими заданиями по специальностям.

В ОНУ в целом создана общеуниверситетская система Интернета с подключением поисковой системы фондов научной библиотеки и ряда центров научных исследований. По гуманитарным наукам внедряются классификаторы по разделам знаний, адекватные европейским образцам. Начата работа по рационализации сроков подготовки бакалавров, магистров. Готовятся исследования по изучению общественного мнения в указанных направлениях.

Наряду с принятием общих идей Болонского процесса возникает ряд трудностей. Прежде всего они связаны с выбором базовой модели — англо-саксонской (ориентированной на коммерциализацию образования и pragmatische запросы рынка) или немецкой, в которой сохраняется интерес к фундаментальным аспектам образования и отдается предпочтение общекультурным ценностям. В кругу преподавателей в основном преобладает интерес к немецкой модели. И не только потому, что вся наша система исторически развивалась на этом фундаменте, но и потому, что она сохраняет долговременный эффект. Несмотря на то, что она более затратна и трудоемка, все же она постоянно проходит испытания временем и выдерживает конкуренцию в борьбе с легковесностью “человеческого фактора”, изыскивающего способы оптимального с точки зрения затрат и усилий по адаптации к изменениям.

При рассмотрении сроков подготовки в рамках бакалаврской или магистрской программ в Украине мы сталкиваемся с разным уровнем подготовки в школах, гимназиях, колледжах, набором дисциплин по специальности в вузах и качеством их преподавания. В европейском варианте для подготовки бакалавра дается 3 года при учете 12-летнего обучения в лицее, гимназии и соответствующем их профиле. В нашем варианте, когда мы набираем студентов из сельской местности, о каком качестве и профилировании может идти речь? Кто квалифицировано сейчас может читать философию, эстетику, этику, менеджмент даже в гимназиях. Наверное, надо это делать постепенно и формировать эти учебные заведения выпускниками классических университетов.

Третья проблема — освоение модульных технологий. У нас все постав-

лено с ног на голову. Главное, к чему призывают — разработать тестовые задания. Мы это делаем, хотя трудностей здесь много. Но об этом позже. Проблема состоит в гармонизации создания условий для перехода в Европейское пространство, в том числе материальных, технических, информационно-технических. Если мы обратимся к одной из составляющих качества образования — ресурсному обеспечению, предназначенному для организации учебного процесса, в частности общей доле площадей — то увидим, что с 2000 по 2005 гг. в Украине она名义ально увеличилась (с 16 157 600 кв. м до 19 899 977 кв. м), но доля арендованной площади выросла на 386 853 кв. м (795 861 — 1182714), а сданной вузами под аренду возросла на 436 214 кв. м (681 191 — 244 977). Из этого следует, что сдача в аренду своих вузовских площадей превышает наем в аренду других помещений и никак не способствует возросшему в 3 раза числу студентов.

Если соотношение в общей площади помещений для учебной и учебно-вспомогательной работы составляло по Министерству образования и науки в 2000/2001 учебном году 31% : 17%, то в 2004/2005 гг. — 30% : 15%. Иначе — сокращение учебных площадей происходит за счет роста административных подразделений.

В Одесской области учебные площади вузов III-IV уровней аккредитации увеличились с 2001 по 2005 гг. на 202 547 кв. м. При этом соотношение аренды и сдачи в аренду в 2001/2002 гг. было 2,18: 1,6, а в 2004/2005 гг. — 5,4: 1,6. Общая доля площади учебных и учебно-вспомогательных подразделений составляет 44% : 14%. От 42% оставшихся общих площадей около 3% составляют площади для общежитий студентов, остальное — для административного персонала. При этом все профессора находятся в общей комнате с преподавателями, порою делят один рабочий стол на двоих. Для сравнения — в европейских вузах каждый профессор имеет свои кабинет. Одновременно речь идет о личностной заинтересованности в повышении конкурентоспособности — себя как специалиста, так и конкретного вуза и страны, давших путевку в жизнь.

Четвертая проблема — усиление ответственности правительства, вуза и конкретного подразделения за качество образования. Не детализируя, сослуюсь только на необходимость координации усилий всех институтов образования, научно-методических советов и усиления общего контроля.

Худенко А. В.: Переходим к вопросам и дискуссии. Предлагается обсудить барьеры, возникающие на пути реформирования высшей школы, и общие направления модернизации отрасли.

Подшивалкина В. И.: Не могли бы Вы выделить специфику реализации Болонского соглашения в разных странах Европы? Как расставляются акценты в процессе реформирования европейской системы образования?

Победа Н. А.: Главной проблемой, которая дискутируется, является выбор модели образования. Как уже упоминалось, обсуждаются две их них: английская и немецкая. Немцы считают, что их образование достаточно основательно, т. к. отражает долгосрочные цели. Они не торопятся копировать английскую систему. Большая часть специалистов в Украине тяго-

тет к немецкой модели; при этом очевидно, что мы явно не дорабатываем при переходе от фундаментального знания к практическому. Такие “ножницы” характерны и для многих стран Восточной Европы. Немцы критически относятся не только к другим европейским, но и к американским дипломам. У них сдают экзамены все: даже те, кто устраивается на работу из других стран, в том числе и с американскими дипломами.

Мы с вами не случайно назвали тему “круглого стола” социальным диалогом. Именно в рамках социального диалога со специалистами разных стран формируются эти международные стандарты.

Второе, что бы я выделила из проблем в области европейской системы, это автономность университетов. Мое предположение состоит в том, что самое главное в Болонском процессе — утверждение независимости университетов как социальных институтов, которые имеют право на равноправное существование в государстве наряду с другими институтами, в том числе с самим институтом государства.

В нашем с вами варианте это приводит к тому, что до некоторой степени стираются общие национальные программы. Украина демократично выстраивает свой институт образования: мы получили право на осуществление авторских программ. И тем не менее, в этом методическом разнообразии нужно отработать систему информационно-образовательного минимума: возможность сопоставления объема и качества знания и правила общего контроля. Этот “минимум” пока ни с кем не согласован.

В каждом вузе Украины реализуются свои научно-методические пособия по общим дисциплинам. Тем не менее, бывая на научных конференциях, выступая в качестве оппонентов и экспертов ведущих организаций по защите кандидатских и докторских диссертаций, мы знаем, что делает Киевский, Харьковский, Днепропетровский, Луганский и др. университеты. Разработан общеобразовательный стандарт по социологии. Он так и не был утвержден министерством. Но когда мы проверяли в ряде институтов и университетов г. Одессы программы по социологии, то обнаружили самые разные подходы к изложению курса социологии. Нужен ли нам государственный стандарт? Моя точка зрения состоит в том, что государственный стандарт нужен. Основная цель — представить необходимый и достаточный минимум знаний по тем или иным дисциплинам; а каков будет максимум — дело преподавателей, которые реализуют свою авторскую программу.

Вторая проблема в Украине состоит в наличии ВАК, как института контроля защищенных докторских и кандидатских диссертаций. В документах, связанных с Болонским соглашением, ВАК как институт контроля исчезает. Ни в одном европейском государстве не существует системы ВАК. Сами университеты присваивают ученые звания. Они и отвечают за качество выданных дипломов. Прав проректор ОНУ им. И. Мечникова проф. Е. Л. Стрельцов, который докладывал нам о системе образования в немецком вузе, где он был на стажировке, объяснял, что тройку, которую мы ставим из “жалости”, в Германии не ставят. Жесткость вполне оправдана

престижем вуза и потому, что если этот человек пойдет на работу и будет “уличен” в некомпетентности, то бренд того или иного вуза будет посрамлен. Поэтому мы должны свою снисходительность соотнести с требовательностью во имя доброго имени ОНУ в европейской образовательной шкале о рангах.

Вероятно, следует говорить не только о частных способах реализации реформ, но и об университете как социальном институте, который формирует цивилизационную систему, о том, является ли он “образцом”, обеспечивает ли процесс перехода от старого к новому не просто о движении от незнания к знанию, а о том, как высшее учебное заведение структурирует знание и дисциплинирует мышление категориями и понятиями.

Панков А. А.: Европейская научная и образовательная сферы весьма консервативны. Это касается и сроков образования, и процедур присуждения ученых степеней, особенности которых формировались в различных европейских странах столетиями. Поэтому к Болонской декларации в Европе существует не столь однозначное отношение, как кажется нам из нашего, тоскующего по Европе, “далёка”. Прежде всего, в дискуссиях на заданную тему вызывает обеспокоенность заявленное в Декларации стремление ко всеобщей унификации. Ряд экспертов даже разглядели за декларациями о повышении привлекательности и конкурентоспособности европейской системы образовательных услуг реализацию американской системы высшего образования. Многие университеты стран-участниц Болонского процесса сопротивляются внедрению унифицированных принципов образования. Руководство и преподавательский состав этих университетов полагают, что сильный (своими традициями и преподавателями) университет должен иметь собственное лицо, а приспособление к унифицированной системе — удел слабых. В неоднозначном свете предстаёт также всё более возрастающая роль тестирования как основного метода контроля знаний, характерного, прежде всего, для американских университетов. Особенно сложно сделать тестирование основным методом проверки знаний в гуманитарных науках.

Кроме всего этого, в ряде европейских университетов сопротивляются идея отказаться от таких особенностей своей системы образования как две докторские степени. Например, немецкое научное сообщество с большим сомнением отнеслось к перспективе утратить Doctor habilitus — степень полного доктора наук, аналога украинского или российского доктора наук. А бельгийцы не желают расставаться с Grand Doctor of Philosophy. Болонский процесс не признает второй докторской степени. Высшая ученая степень, предполагаемая в рамках этого процесса, это — Doctor of Philosophy (PhD), являющаяся аналогом украинского или российского кандидата наук.

Правда, среди тех, кто видит для нашей страны преимущества в присоединении к Болонскому процессу, одним из таковых представляется предполагающаяся ликвидация Высшей аттестационной комиссии, контролирующей процесс защиты докторских и кандидатских диссертаций и постоянно ужесточающей требования, предъявляемые к этим диссертациям. Но,

во-первых, никто еще из представителей Министерства образования и науки Украины ни одним словом не обмолвился о ликвидации или хотя бы о трансформации ВАК. Во-вторых, насколько можно понять из Болонской декларации (а надо сказать, это весьма неконкретный документ), программы подготовки PhD будут существовать лишь в некоторых избранных (кем и как?) университетах, имеющих соответствующую международную аккредитацию. Чем это отличается от нашей централизованной системы контроля процесса защиты диссертаций и где же тогда провозглашаемая автономия университетов?

Следует также отметить, что, по мнению критиков Болонской декларации, этот документ является скорее свидетельством кризиса европейского образования, нежели программой выхода из него. Возможно, такая оценка чересчур радикальна, но, тем не менее, очевидна неоднозначность и Болонского процесса, и отношения к нему, что нам необходимо понимать и учитывать. Как, впрочем, необходимо понимать и то, что для нашей страны, руководство которой постоянно провозглашает стремление к евроинтеграции, пока что альтернативы Болонскому процессу нет.

Попова И. М.: Трудно все-таки понять суть этой Болонской декларации и наши цели в ее реализации. Не знаю, что имеется в виду, когда говорят о грамотности, но по уровню образования мы на одном из первых мест в мире. А по конкурентным экономическим возможностям — на последнем. Так, может быть, нам не образование надо перестраивать, а перестраивать те условия, которые не дают возможность реализовать этот высокий потенциал? Напрашивается вопрос: что же следует делать? Мы опять приступаем к ликвидации того, что у нас хорошо, а то, что должны менять, оставляем без изменений. Такая логика мне непонятна. Я знаю, что наши выпускники конкурентоспособны. Дипломы всех специальностей, кроме юристов и медиков, признаются. Особенно высоко ценятся специалисты математики и инженеры. А перестраивать—то собираемся всех!

Победа Н. А.: В показателях развития человеческого потенциала образование выступает в качестве индикатора грамотности населения в целом по стране. Понятно, что это очень условно. Если вы посмотрите, как сегодня пишут студенты, то увидите, что они пишут с огромным количеством ошибок и на русском, и на украинском, и на английском языках. Это очень печально. По поводу грамотности мы имеем свои проблемы.

Теперь по поводу сохранения лица и признания позитивных достижений в области образования в СССР, в том числе и Украины. Об этом мы должны говорить в двух ипостасях:

1) что конкретно мы должны сберечь из того позитивного опыта, который нам дан не только советским прошлым, но и вековым путем развития образования в Украине и России, чтобы представить наше лицо в его самобытности и индивидуальности;

2) как идти путем совершенствования системы образования, чтобы знание не оставалось мертвым багажом, а стало реальной силой утверждения и укрепления нашей страны.

Романенко С. В.: Я бы хотела добавить по поводу того, каким образом уровень образования входит в интегральный показатель индекса человеческого развития. Он представлен в двух частях, во-первых, как уровень грамотности взрослого населения, то есть это количество грамотных людей, умеющих читать и писать. У нас — 97%. Хотя намечается некоторое снижение этого показателя на доли процента. Если раньше он составлял 99%, то на сегодняшний день — меньше. Вторая часть — доля учащейся молодежи. Доля молодежи, обучающейся в различных вузах, по сравнению с “советскими” временами выросла на 15%: если раньше это было 68–70%, то сейчас — 82% (по Одесской области). Иными словами — молодежь ориентирована на получение высшего образования значительно большей своей частью, чем ранее. Действительно, без диплома о высшем образовании нельзя устроиться сейчас даже продавцом в магазин. Вероятно, этот относительно высокий количественный показатель и позволяет Украине держаться на плаву.

Худенко А. В.: Не думаю, что Болонский процесс ограничивается только своей методической составляющей. Образование — это движение культуры. Или, говоря словами Канта, “общего чувства”, в котором плавятся моральный закон и логика рассудка. Это “чувство” не завершает два других (логическое и моральное), но дает им основание, делает их возможными. Это “чувство” — определяющее, фундаментальное и потому задает направление развития. Забвение либо пренебрежение сим основанием непременно заводит процесс в тупик, а само движение предстает как фикция. Членораздельное высказывание этого “чувства” — есть вопрошание о месте образования в европейской культуре, вообще — о европейском духе. Не задавшись этим вопросом, система образовательных институций оказывается в подвешенном состоянии: бессмысленным набором статистических показателей и пустых технологических приемов. Будучи подвешенной, ее вечно качает на волнах времен и народов. Дискуссии о показателях и приемах предстают как споры о вкусах или о прогнозируемых переменах.

Латинское изречение “О времена, о нравы!” можно читать по-разному. Можно обратить внимание на вариативность бытующих нравов, а можно поставить ударение на первом слове и говорить о времени как конститтивном априори не только нравов, но и их вариативности. В этом плане XX, да и XXI век являются временем времени. Я неслучайно дважды произнес “время”. Ведь оно подобно разрубленному кольцу — символу величия и священства. Но, с другой стороны, именно этот разрыв, в котором таится святость величия, и позволяет вытягивать время в линию и удваивать его. Иначе — скоростью мерить время.

Сегодня скорость столь велика, что есть опасность потерять время и тогда лишиться не только нравов, но и мира. На карте вселенной останется лишь знак — черная дыра, внутри которой помешаются профанные останки жизни. Оперируя знаком, тиражируя его и распространяя, можно, конечно, говорить о величии жизни, но скорость провоцирует на невоздержанное любопытство — безудержное желание все быстро сделать актуаль-

ным и подручным. В скорости невоздержанного любопытства знаков не хватает и жизнь симулируется копиями более высокого порядка. В этом порядке тень отца Гамлета более реальна.

О природе симулякров в современном мире впервые заговорили европейские философы. А вот программа материализации призраков заложена, по всей видимости, у обитателей Евразии. Вероятно, большевизм (так можно одним словом назвать невоздержанное любопытство) у них на генетическом уровне. Образно говоря, еще вчера Украина подписала Болонскую декларацию, а уже сегодня вузы Украины начали учить своих первокурсников “по Болонской системе”. Скоро о великом рывке можно будет писать “Чевенгур-2”.

Карнавальный тон последних слов связан отнюдь не с желанием принизить роль университетской хартии “Magna Charta Universitatum”, принятой в Болонье в 1988 году, Сорбонской (1998), Болонской декларации (1999) и Пражского (2001) и Берлинского (2003) коммюнике, в судьбе Европы и значимость для Украины факта участия в процессе утверждения современной системы образования. Наоборот, необходимо радоваться тому, что в Европу возвращается ее исконное единство — мысль. Она будет объединена не только “шенгеном”, евро и чиновниками Евросоюза, но своим корнем — образованием. При этом участие Украины в этом процессе, на мой взгляд, более существенно, даже чем вступление в ВТО.

Однако, наблюдая сегодня за симуляцией “Болонского процесса”, вспоминаешь слова Батай: “Всеобщий смех подразумевает отсутствие настоящей тоски, но ничего, кроме тоски, смех породить не может”. Переживаешь настоящую тоску от той невоздержанности, с которой реализуется эта программа. Сама Болонская декларация превращается в документ, трактуемый в духе 6-й статьи Брежневской конституции: она уже не реформирующая и ориентированная на поиск Единства, но стандартизирующая и дисциплинирующая. На повестке дня — контроль: за стандартизацией учебных программ и дисциплиной кредитной системы.

Важно отметить, что это самые слабые пункты всего проекта реформирования системы образования Европы. Поэтому они и наиболее жестко критикуются, и часто обсуждаются. Именно сам факт широкого обсуждения заставляет, именно заставляет, рассматривать Болонский проект как маркер пути становления современной системы образования — образования 21 века. Точки в этом пути нет. Она не поставлена в странах Евросоюза и не может быть поставлена в Украине. В этом плане подписание Украиной Болонской декларации — есть факт ее соучастия в пути становления современной системы образования. В этом пути невоздержанное любопытство, или любая попытка заглянуть “за путь”, оборачивается, по меткому выражению Уайтхеда, “прогрессизмом в мелочах” и, в конце концов, схождением с маршрута, забвением Мысли — потерей времени.

Если этот путь не ограничен целью, то чем же тогда? В своих лекциях, посвященных Канту, Зиммель отвечает: путь ограничен причиной. Эта путевая целесообразность без цели есть способность суждения, в лоне кото-

рой рождается и вскармливается мысль. Представляется, что путь Болонского проекта состоит в возвращении способности судить: выбирать, но не стандартизировать; сопрягать, но не дисциплинировать; быть агрессивным (в латинском значении этого слова — двигаться во вперед себя, обновлять), но не насиливать; побеждать, но не карать.

Характеризуя способность суждения, во-первых, необходимо отметить, что именно она дает всем нашим познаниям объективную реальность. Разве не истиной, которую древний Parmenides называл Богиней, должна следовать мысль? Но уж, отнюдь, не конкуренцией, где истина не ведет, но которой (конкуренцией) лишь доказывается не-ложность.

Во-вторых, памятуя Канта и вслед за ним феноменологию Гуссерля и Хайдеггера, укажем, что суждение в своей познавательной способности не лежит в границах чисто логической дефиниции. Оно не может исчерпываться подведением особенного под общее и простым применением общего знания к особенному, что было определено в "Критике чистого разума" как "определяющая" модальность способности суждения и позволило Бауману назвать эту операцию "законодательством разума". Уже в "Критике способности суждения" — и более рельефно в феноменологии — "способность суждения" предстала как сопряжение ноэзы — "вынесения суждения", и ее ноэматического коррелята — "вынесенного суждения". Штудии феноменологии несколько смешают эпицентр "способности суждения": оно есть членораздельное сопряжение, при котором не утрачивается единичность длящихся актов вынесения суждения и собственная "жизнь" отдельного, уже схваченного в единстве, вынесенного суждения. Таковое членораздельно высказанное сопряжение мы именуем диалогом.

Заканчивая этот небольшой экскурс в исследовании сути способности суждения, отметим, что в основании мысли, европейского духа вообще, пребывает именно диалог. Именно он определяет путь Болонского проекта и направление его реализации.

Диалог выступает одновременно и маркером пути Болонского проекта, и его *causa finalis*. Он не является полем однозначного решения. Как событие разума он способен на преодоление своих собственных заблуждений. В этом-то и состоит суть разума, как его определял Кант: он не есть невозможность ошибок, но способность их исправления. В этом плане ошибка имманентна диалогу: он сам провоцирует на соскальзывание с пути. Можно выделить, по крайней мере, две такие провокации диалога.

Первая, когда мысль занимает "технологическую" позицию и склонна поддерживать ту точку зрения, что она есть кладезь фактов, расположенных один к другому, и способна к "рациональному" конструированию. Образовывание такой мыслью можно назвать либеральной моделью образования. Такая провокация диалога артикулирует вопрос: "как учить?" В своем пределе либеральная стратегия порождает лишь поверхностную любознательность. Другая, "универсалистская", провокация дисциплинирует образование необходимостью ответа на вопрос: "что это?" Но гарантирует ли факт определения "этого" наличие мысли? Что с того, что студент

может дать определение, например, понятия “расколдовывание” или “социальный институт”? При этом необходимо выяснить, а необходимо ли ему вообще знать, что такое “социальный институт”? Как только мы начинаем это выяснять, мысль запускается по кругу.

Не есть ли движение по кругу самой большой провокацией диалога? Вполне возможно. Но сложность членораздельного сопряжения состоит, отнюдь, не в том, чтобы вырваться из круга, но в том, чтобы понимающее в нем остаться. Это диалоговое понимание не является исключительно методологической процедурой, но есть способ жизни. И таковым способом диалог высказывает себя как прагматическая интенция.

Нет сомнения, что прагматика диалога не характеризуется дисциплинарных правил и стандартов. Прагматика диалога состоит в имении-дела. В характеристике имения-дела уместно использовать и веберовское *Sache*, которое он “раскручивал” как событие со-бытия, и марксистское “совместный труд”. И в том, и другом случае речь идет о соучастии в общем, совместном деле.

В системе образования существует одна чрезвычайно сильная фигура имения-дела — Университет. Еще в средние века слово “universitas”, отмечал Жильсон, обозначало не ряд факультетов, учрежденных в одном и том же городе, а множество лиц — преподавателей и учеников, которые участвовали в процессе обучения в этом городе. Для этих участвующих Университет не являлся исключительно и комплексом знаний, но местом совместного дела. Это настоящее место, дающее возможность и способствующее рождению и вскармливанию мысли. В этом плане Болонский проект в своей прагматической части является проектом реформирования Университета. Проектом, который должен вопрошать о месте университета в современном мире.

Вероятно, неслучайно властители европейской мысли Деррида и Бурдье не написали ни строчки о Болонском процессе, но до самых последних дней были чрезвычайно внимательны к судьбе Университета, боясь его растворения в программах стандартизации и дисциплинации, а также в иллюзорной, исключительно политической борьбе за конкурентоспособность.

Болонский процесс в свое время начался с университетской хартии 1988 года. Все остальные документы фактически базировались на ней, что и обеспечивает им ресурсы дальнейшего развития. Это дальнейшее стимулируется развитием экономических и политических процессов в Европе. Мы же, увы, начинаем с конца многовекового европейского пути. И нам вначале следовало бы подумать о социальном и политическом статусе университета; его ресурсном оснащении, повседневной жизни преподавателей и студентов, которые должны в совместном труде — диалоге вскармливать мысль, которая пока еще боится появиться на свет в столь потенциально богатой стране, как Украина.

Подшивалкина В. И.: Не могли бы Вы привести 2-3 преимущества, которое имело наше, “советское”, образование, и 2-3 существенных недостатка системы, строящейся на основании Болонской декларации?

Худенко А. В.: Употребляя понятие “советская система” применительно к системе образования, я имею в виду не ее идеологическое содержание, но определенную дискурсивную формацию образовывания. Так вот, в своем выступлении я обратил внимание на совместный труд, т. е. на совместную научную работу преподавателей и студентов. Таковая совместность есть процесс “рождения и вскармливания” мысли. Диалог в этом контексте — содержательное определение совместности. Постоянно длящийся в пространстве и времени, он раскрывает способность судить. В диалоге не отделяются друг от друга способность рассудка и “моральное чувство”, но существуют в сопряжении; в нем прикладной аспект теоретичен, а теория исполнена практического смысла. В этом плане мне кажется совершенно беспочвенным спор о “фундаментальном” и “практически-ориентированном” образовании. Это мнимая оппозиция. К существу мысли она не имеет никакого отношения.

Что касается системы “Болонской декларации”, то мне не понятна система, которая внедряется только как набор стандартных программ, модулей и кредитов. Это голая форма, за которой может стоять и поверхностная любознательность, и слепая вера в возможность однозначных, плоских определений и решений. Я как-то видел тест, в котором один из вопросов звучал приблизительно так: “Иван Грозный — это: (а) киноактер; (б) русский царь; (в) американский политический деятель”. Даже если студент отвечает, что это “русский царь”, мне это совершенно не интересно. Интереснее то, что стоит за этим однозначным ответом. А за ним стоит поиск основания. Ведь “ничего нет без основания”. В поиске этого основания — территория мысли, на которой правит разум. А в банальном ответе — “русский царь” — правит машина.

То, что мне импонирует, когда говорят о реформировании системы образования, — это сокращение учебной нагрузки и предоставление университетам большей самостоятельности. Говоря о сокращении нагрузки, я имею в виду то, что в европейских университетах преподаватель не обременен 850 часами “голосовой” нагрузки, но посвящает себя предмету своих изысканий, совершенствованию методики преподавания, совместной работе со студентами. И не знают они, что такое ВАК и “специализированные” журналы.

Вот эти два вектора реформы почему-то не реализуются: на этой территории изменений нет. Конечно, это территория запрета. Она охраняется радетелями стандартизации и дисциплинации. Это территория власти, в которой способность суждения наказуема. Вот мы говорим о модулях и кредитах. Но для чего? Обеспечение конкурентоспособности?! Этакая либеральная фикция совместности, которая заменяет образование технологией. Может быть, есть смысл вернуться к образованию и перестать видеть в высших учебных заведениях фабрику по производству дипломированных специалистов.

Подшивалкина В. И.: Мне кажется, что пример с тестом о русском царе не совсем корректный. Этот тип вопросов призван отделять “двоечников”, вообще определить уровень подготовки студента на начальной стадии его

образования. На самом деле, в структуре и в разнообразии тестовых форм огромное количество приемов, которые могут определить и объем, и глубину полученных знаний.

Романенко С. В.: Была “советская” система образования. Она надежна. Я сама прошла эту школу и знаю, что все математики, которых выпускал тогда Одесский мехмат, славились на весь мир. Сейчас это уже миф. Болонский процесс — это уже совсем другое. Болонский процесс — это попытка объединить вузы, создать общее образовательное пространство, чтобы люди могли свободно перемещаться, обмениваться мнениями. Но то, что у нас происходит, это действительно сплошная симуляция. Сейчас вообще никакой системы нет. Это напоминает какой-то базар, где студенты пришли постоять в очереди и получить дипломы, а преподаватели пытаются за это время что-то быстренько им влить в головы, чтобы они с этими дипломами могли потом что-то сделать.

Лычковская О. Р.: Мы действительно утратили то, что привлекало и ценилось — фундаментальность. Излишняя специализация — это то, что пришло к нам с эпохой модерна, когда моделью образования стал человек-функция, быстро достигающий, часто с завидным профессионализмом, практических целей, принципиально не связанных с гуманистическим смысловым контекстом деятельности. Разрушается фундаментальное знание — из учебных планов исчезают или до неприличия сокращаются обще-гуманитарные дисциплины. Их место занимает мозаичный набор специальных, узкопрофессиональных дисциплин, разбухший объем которых часто не в состоянии объяснить даже представители профессионально ориентированных кафедр. Подготовка узких специалистов была необходима в определенный период. Нельзя сказать, что подобные прагматические представления об образовании никак не соответствуют модели западного образования. Именно в этом направлении развивались массовые американские университеты. “Американизация”, несомненно, изменила и облик европейского университета.

Но сейчас, даже если говорить о неких общих цивилизационных трендах, приветствуется обратный процесс: возвращается фундаментализация знания. И если посмотреть на образование в контексте его мировых стратегических тенденций, в том числе и на динамику Болонского процесса, то с очевидностью обнаруживается *усилие к преодолению его инструментально-операциональной ориентации*. Это обстоятельство ни в коей мере не означает отказ от направленности образования на рынок труда. Напротив, универсально сформированный человек, имеющий фундаментальные знания и творчески развитый, имеет несравненно больше возможностей получить работу, нежели узкоспециализированный функционер. Следует отметить, что фундаментально сформированный специалист, которого выпускала отечественная, советская система образования еще в 70 и 80-е гг. XX века, был конкурентоспособен на мировом рынке труда: мог решать многие задачи, попадая в самые неожиданные ситуации, находить решения в, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Комиссия ЮНЕСКО определила стратегию образования на XXI век словами “Учиться быть”, опубликовав под таким названием доклад. Это емкое определение фиксирует одновременно и сложный по содержанию результат образования, и принципиальную незавершенность образовательного процесса. В заключительной части исследования, подготовленного для Международной конференции и опубликованного ЮНЕСКО еще в 1977 году, читаем: “Различие между общим и профессиональным образованием будет все более стираться, так как умение адаптироваться к изменениям станет более важным качеством, чем обладание конкретными знаниями и навыками”.

Попова И. М.: Я хотела бы обратить внимание на то, что в Болонском процессе выделяют себя две стороны. Первая внешняя, формальная: Болонский процесс — это знак единства Европы. Вторая внутренняя, содержательная: возможность совершенствования учебного процесса. Попробую указать на то, что привлекательно во второй, содержательной, стороне. Это, прежде всего, упор на самостоятельную работу студентов. Во-вторых, организация контроля знаний не один-два раза в году, а в течение всего года. Есть еще другие положительные моменты, например, необходимость упорядочить логику обучения, совершенствовать структуру предлагаемых знаний, четко определив взаимосвязь различных курсов. Это делается с помощью формирования так называемых “модулей”. Если разграничить предлагаемые нам “новшества” с точки зрения того, что для нас “подъемно”, а что нет, учитывая реальные условия, в которых мы работаем, то как раз это мы вполне могли бы осилить. Следует пересмотреть программы наших курсов, чтобы устранить дублирование и направить обучение на постепенное углубление и расширение осваиваемых студентами социологических знаний.

Что касается других моментов предлагаемого реформирования, то дело обстоит иначе. Замечу при этом, что контроль в течении года — не новшество по сравнению с “советской” системой образования. Был, так называемый, “рубежный” контроль. Но нагрузка преподавателя должна складываться таким образом, чтобы он имел возможность осуществлять этот контроль эффективно и с пользой для студентов. А нагрузка, как известно, определяется не нами, а административными инструкциями. А это в конечном счете и образует те “реальные возможности”, при отсутствии которых добрые пожелания превращаются в фикцию. То же самое происходит и с желанием “во главу угла” поставить самостоятельную работу студентов. Эффективность наших усилий зависит, во-первых, от наличия литературы. В европейских университетах дают список литературы, который должен быть проработан. Преподаватель не носит с собой “килограммы” своих собственных книг, чтобы студенты могли извлечь нужные источники и распечатать их на ксероксе, заплатив, кстати, немалые деньги. Там преподаватель знает, что литературу студент может взять в библиотеке и его обязанность — ее освоить. Во-вторых, у преподавателя должно быть время, предусмотренные часы для того, чтобы проверить в течение семестра степень готовности студента. В этой проверке тестовая методика, даже очень

хорошие тесты имеют некоторые погрешности. Ничто не может заменить беседы преподавателя со студентом. Пока не задашь ему вопросы, не копнешь поглубже, трудно определить именно понимание проблемы. Только в беседе и можно понять что усвоено, насколько глубоко, готов ли и может ли слушатель в дальнейшем использовать полученные знания.

Возможность контроля предоставляют и семинарские занятия. Но тогда такие занятия должны быть в группе, состоящей не более чем из 6-10 человек. Если же в группе 20-25 человек, то семинарское занятие просто неэффективно и бесполезно. Первая реформа в начале перестройки, как мы помним, была направлена на совершенствование высшего образования. В соответствующих документах предполагалось, что группа должна быть не больше 10-12 человек. А сейчас, когда нам предписывают формировать группы, где должно быть не менее 25 человек, то это уже совсем другое. Итак, нужно четко разграничить, что возможно сделать в наших условиях, а для чего следует создавать необходимую базу. А главное — не разрушать все то, что было хорошего и что вполне соответствует движению по пути Болонского процесса. Я уже говорила о том, что многое на этом пути не является для нас новым.

Давайте прежде всего восстановим то, что было: постоянно пополняемые библиотечные фонды, семинарские занятия в группах по 6-10 человек, индивидуальные консультации и совместную работу со студентами над курсовыми и дипломными работами с достаточным количеством запланированных часов (но не по два-три часа на курсовую, как сейчас). Давайте назовем это Болонским процессом. Главное, чтобы дело было, а не погоня за модными ярлыками и фетишизация новых "симуляков". Пусть мода за делом идет и сопутствует ему, в конце концов.

Итак, еще раз о самом главном, что должно определять наше отношение к Болонским новациям. Имеем ли мы реальные возможности осуществить эти преобразования по существу, во всем их объеме, а не для "галочки". Мне это напоминает одну байку. То не байка даже. Я действительно была свидетелем такого разговора. Стоят две ухоженные дамы и выясняют, какая диета лучше. А бедно одетый мужчина говорит: "Я вам скажу, как можно похудеть, при этом разрешается есть все". Они заинтересовались. Он говорит: "Ешьте все, что захотите, но только на одну гривню в день". То же самое мне напоминают декреты относительно Болонского процесса: поистине "Они" делают вид, что финансируют вузы и оплачивают наш труд, а мы будем делать вид, что исправно выполняем их распоряжения. Вот и получится то, "как всегда", а ведь хотели "как лучше". Это, однако, "куда ни шло", а ведь есть и такая опасность: разрушая то, что есть, без учета конкретных условий, к которым адаптированы уже используемые методы, мы можем получить "как хуже". К этому нам не привыкать. Примеров такого рода реформирования у нас уж слишком много.

Каменская Т. Г.: Если сравнить, что, собственно, привносит непосредственно в учебном плане Болонский процесс в нашу украинскую вузовскую систему, то, в первую очередь, в поле зрения попадают три направления:

- повышение уровня владения студентами английским языком;
- изменения в процедурах контроля и оценок знаний студентов;
- увеличение доли самостоятельных усилий студентов в процессе обучения.

Особенно последнее нововведение актуализирует необходимость принципиальных изменений в работе преподавателей со студентами и с учебным материалом. Еще до Болонской Хартии в европейских странах решался вопрос вокруг все увеличивающегося объема знаний и, соответственно, вокруг все возрастающих временных затрат на его освоение. Возникла необходимость сместить акценты в образовании с информационно-содержательной плоскости (“чему учить”) на технологическую (“как учить”). Если в учебном процессе основная категория “как учить” — значит необходимо вооружить учащегося инструментарием познания и привить ему жажду знания, то для категории “чему учить” в условиях растущих объемов информации остается тактика узкой специализации.

В современной информационной среде приходится прибегать к репрографии знаний (свертывание информации, подача ее в более сжатом виде). Накопленный, наработанный объем информации более полно можно передавать с помощью технологических принципов и приемов, в результате чего упускаются эвристические правила. В таких условиях у студентов не до конца проходит процесс осмыслиения и усвоения знаний, к тому же формируется творческая апатия.

Этому способствовало развитие материально-технической базы учебного процесса. Сформированный человечеством “объективный третий мир журналов, книг, библиотек” (как называл мир знаний и информации К. Поппер), оснащенный электронными средствами, действительно решил проблему доступности различного рода знаний. В связи с этим изменилась и роль преподавательского состава. Преподаватели постепенно приобретали новый статус, переходя от роли авторитетных источников информации к роли “проводников” по изучаемым дисциплинам. На первое место вышли проблемы организации учебного процесса, развития педагогических технологий и технологий практического закрепления знаний. В этом же ключе получило развитие и модульное планирование образования как высоко систематизированное и строго регламентированное по отдельным блокам обучение. Длительное усовершенствование технологического аспекта в образовательном процессе вполне обосновано и логично вывело западную систему образования на очередной этап — широкой унификации на пространстве нескольких государств.

Для системы высшего образования Украины включение в Болонский процесс будет сопряжено с тремя главными проблемами, а именно:

- материально-техническое оснащение широкой доступности информации и знаний;
- новые принципы организации учебного процесса с приоритетностью задачи “как учить” над задачей “чему учить”;
- изменения в массовом сознании как студенческой молодежи, так и их

родителей в плане повышения уровня самоответственности и самонормирования.

Что касается организации учебного процесса, то речь пойдет о непосредственно учебной деятельности без рассмотрения вопросов менеджмента и технического сопровождения взаимодействия в системе трансформации знаний, то есть о методиках и технологиях преподавания.

Перечень форм организации знаний и умений у обучающегося субъекта уже достаточно изучен и широко доступен. Более инновационными в данном случае могут выступать педагогические технологии как комплексные операциональные системы.

В частности, из практического опыта известны в современном украинском образовательном процессе такие сложности, как "скатывание" студентов в подготовке к семинарским занятиям до уровня "выразительного чтения" с отксеренного материала. Чтобы избежать этого, необходимо лекционный материал переформатировать приблизительно таким образом: например, дается в лекции определение какого-то понятия и тут же в качестве задания на семинарское занятие сообщается, у кого из социологов есть иные толкования этого понятия и где студенты их могут найти, чтобы привести на семинарском занятии и проанализировать, сравнить с уже предложенным на лекции. То есть по некоторым темам можно проводить так называемые "лекции-полуфабрикаты" или "стимулирующие лекции".

Также возможны некоторые технологии с использованием вопросов студентов. Как известно, творчество начинается тогда, когда вопросы становятся важнее ответов (имеются в виду вопросы, возникающие у студентов в процессе обучения и развития). Возникновение вопросов свидетельствует об активности внутриличностного процесса осмысливания. Следовательно, вопросы необходимо сделать для студентов одним из основных средств обучения и даже контроля знаний. Организация процесса обучения может быть построена таким образом, чтобы студенты активно задавали вопросы и обсуждали изучаемый материал. Возможно только в живом общении с преподавателем. Компьютер этого не сможет обеспечить, потому что информация не тождественна знанию, тем более творчеству. После завершения лекции можно предложить студентам в письменном виде задать преподавателю по только что прочитанной теме вопросы. Необходимость такого задания может стимулировать более внимательное отношение к лекционному материалу, поскольку сами вопросы явно могут свидетельствовать о компетентности и грамотности студента.

Чтобы способствовать формированию понимания лекционного материала, можно в конце лекции предложить такую форму мини-контрольной работы: написать, где студенты видят применение только что полученных (изученных) знаний.

Игровой вариант: После того как преподаватель назовет тему лекции, он может предложить студентам написать, на какие, по их мнению, вопросы будет разбита эта тема и какие известные социологи явно могут упоми-

ваться в связи с этой темой. Написанное отложить до конца лекции, а после изложения материала сравнить.

Постоянное импровизирование интересными заданиями в ходе обучения переносит контроль со стороны преподавателя на самого студента. Безусловно, первоначально переработка учебного материала займет огромное количество времени и сил преподавателей, но в результате она принесет удобства и продуктивность как студентам, так и преподавателям.

Лисеенко Е. В.: Модернизация высшей школы Украины осуществляется в направлении, заданном Болонским процессом. Если под модернизацией понимать “доминирование инновации над традицией”, то Болонский проект и процесс его реализации в Украине действительно можно считать инновационной идеей и практикой.

Однако для эффективности процесса модернизации отечественного высшего образования необходимо учитывать, по крайней мере, такие факторы, как национальные интересы и национальный менталитет. В данной связи является важным изучение мнений, оценок, ожиданий самих преподавателей к происходящим изменениям в отечественной высшей школе.

В сентябре 2005 года в Южноукраинском государственном педагогическом университете им. К. Д. Ушинского было проведено пилотажное социологическое исследование, целью которого было выявление отношения профессорско-преподавательского состава данного университета к модернизации высшей школы Украины, инициированное Болонским процессом.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство преподавателей (63%) Южноукраинского педуниверситета не одобряют модернизацию высшей школы Украины по западноевропейскому образцу и считают, что Европейская система высшего образования не является образцовой. В то же время 15% преподавателей оценили Европейскую систему высшего образования как образцовую. Они познакомились с ней во время участия в научно-практических мероприятиях (конференциях, семинарах и пр.) (15%), из публикаций в специализированных академических изданиях (15%), из нормативно-правовых документов Министерства науки и образования Украины (13%), из сообщений в СМИ (8%), во время обучения / работы за границей (7%), от родственников, знакомых (7%), от коллег по работе (5%).

Обращает на себя внимание тот факт, что почти каждый четвёртый опрошенный преподаватель отметил, что система отечественного высшего образования, которая была создана ещё в советское время, является лучшей по сравнению с образовательными системами стран Западной Европы и США. При этом 8% преподавателей указали, что “система высшего образования Украины является неотъемлемой составляющей европейской системы высшего образования”, а значит, выделение Украины из процессов, происходящих в области образования на территории Европы, не представляется целесообразным.

Наиболее эффективными формами взаимодействия Украины с европейскими странами в области высшего образования почти половина опрошен-

ных (59%) считает проведение международных научно-практических конференций, обмен преподавателями и аспирантами — (53%), осуществление совместной научно-исследовательской работы — (53%). Среди других целесообразных форм сотрудничества между украинскими и европейскими вузами преподаватели назвали следующие: стажировка аспирантов и докторантов (45%), стажировка/обучение студентов (28%), приведение учебных программ к единым стандартам (21%).

Реализация Болонской декларации в социальном плане предполагает обеспечение европейской мобильности студенческой молодёжи. Каково отношение опрошенных преподавателей к идеи создания единой системы сравнения достижений в обучении для беспрепятственного перевода студентов из одного учебного заведения в другой, в том числе и за границей? Как свидетельствуют результаты опроса, 63% преподавателей поддерживают введение общих образовательных стандартов для свободной социальной мобильности студенческой молодёжи. В то же время каждый пятый респондент (20%) отрицательно относится к стандартизации и унификации высшего образования. 10% преподавателей считает, что стандартизация системы высшего образования приведёт к исчезновению национальных особенностей профессиональной подготовки, которая учитывает определённые экономические требования. 8% преподавателей вообще не видят необходимости в создании общих образовательных стандартов для мобильности студенческой молодёжи.

Таким образом, отношение преподавателей Южноукраинского государственного педагогического университета к модернизации системы высшего образования Украины, инициированной Болонским процессом, характеризуется неоднозначностью. Это, по всей видимости, объясняется отсутствием мощной материальной базы для научно-исследовательской работы, а также неглубоким знанием преподавателями украинских вузов иностранных языков и невысоким увеличением заработной платы преподавателей при расширении круга профессиональных обязанностей.

Победа Н. А.: Замечательные полеты мысли о целях образования и противоречиях “в пути” можно приветствовать, но все же надо приземлиться. Единое образовательное пространство может быть и мифом, и приближением к новой реальности. Это одно из следствий глобализации, неизбежность интеграции в изменившейся системе координат. Европейская конституция тоже пробуждается, но это не значит, что процесс консолидации закончился.

Что сделано кафедрой социологии в направлении движения к Болонскому процессу. Программы, по которым мы сейчас работаем, представляют собой инструменты четвертого поколения. Готовясь к новой аттестации, мы обновляли как программы, так и набор самих дисциплин. Каждый раз общую программу подготовки социологов мы сопоставляем с программами европейских и американских вузов. На заседания кафедры выносились такие вопросы, как: общая концепция подготовки бакалавров и магистров, подходы и организация производственной и педагогической практики, обо-

снование критериев рекомендации студентов-бакалавров в магистратуру, а магистров — в аспирантуру.

Наша программа при всей ее стабильности достаточно подвижна и сейчас. В нее постоянно вносятся новые дисциплины, спецкурсы по выбору студентов, сокращаются дисциплины, “оставшиеся” по вине преподавателей, укрупняется ряд спецкурсов.

Что касается непосредственно Болонского соглашения и его реализации в условиях ИСН — у нас обсуждена концепция и общие контуры перехода по основаниям кредитно-модульной системы, обозначены общие системные модули в границах гуманитарного, естественно-научного и экономического циклов, а также профессионально-ориентированных дисциплин и направлений специализации социологов в научно-исследовательской, управлеченческой и педагогической деятельности.

Профессора кафедры социологии: И. М. Попова, Э. А. Гансова, Н. А. Победа, В. И. Подшивалкина, обобщая методологический уровень преподавания, участвовали в создании коллективных учебников по методологии социального познания, истории украинской социологии, экономической социологии, социологии культуры, социоинженерной деятельности и т. д.

Кандидаты социологических и философских наук, доценты: А. Н. Яценко, О. Р. Лычковская, Т. Г. Каменская, А. А. Панков, А. В. Худенко, С. В. Романенко издали монографии и методические пособия по спецкурсам, осмыслия обширный объем источников не переведенных еще на украинский язык и расставляя акценты в логике освоения учебного материала.

Что не удалось сделать до сих пор? Критерии рекомендации в магистратуру работают, защищенные магистерские работы подтверждают надежность отбора. Но “оставшиеся” после отбора в магистратуру специалисты редко ходят на занятия, весьма условно осваивают программу. Качество выпускных работ специалистов также свидетельствует о невысоком уровне мотивации к самостоятельности и творчеству. Скорее всего это в чистом виде ориентация на получение диплома. Кому нужны такие специалисты? Зачем мы обманываем сами себя и производим непрофессионалов? Нам указывают на отсутствие юридических документов, регулирующих право учиться на “хорошо” и “удовлетворительно”.

Не отработаны тестовые задания по ряду дисциплин. Среди имеющихся тестов не все покрывают объем пройденного материала. Многие тесты имеют неоднозначное толкование. Вряд ли только тесты могут обеспечить качество образования. Но другие виды активной работы в аудитории в виде самостоятельных занятий не formalизованы, не снабжены критериями оценки, не обоснованы по временным затратам.

Пока еще невысок объем тестовых и проблемных заданий, переведенных на язык компьютерной обработки. Не приступили к работе по согласованию понятийного аппарата, необходимого минимума информационного и контрольного обеспечения в рамках конкретных модулей по профессионально-ориентированным дисциплинам.

Кредитно-модульная система — действительно “прогрессизм в частностях”. Главное — формирование ценностной системы гражданского общества, свойств и качеств, отвечающих гуманистическим принципам. Несмотря на то, что мы ведем исследование общественного мнения студентов относительно организации учебного процесса, качества преподавания и востребованности студенческого самоуправления с 1992 года, мы ограничиваемся, как правило, осмыслением этих результатов для коррекции системы обучения. Не ведется пока маркетинговых исследований востребованности специалистов-социологов в рамках Одесской области, равно как и соотнесенность их подготовки и востребованности в профессиональной структуре области.

Предлагаю перейти к обсуждению тех шагов, которые сделаны в заданном направлении и анализу позитивного и негативного опыта.

Романенко С. В.: Хотелось бы обратить внимание на необходимость формирования программы курса в рамках общей концепции и в рамках конкретного модуля с точки зрения активной учебной деятельности студента и создания локального электронного ресурса по социальным наукам.

Итак, кредитно-модульная система (КМС) как направление задана. Обсуждать, хорошо это или плохо уже поздно. Она уже стала реальностью для нашего университета и пути назад, похоже, не предвидится. Поэтому следует рассматривать ее как новую вынужденную реальность и попытаться заимствовать наиболее успешные наработки.

В нашем обсуждении мы практически забыли о студентах. Несмотря на то, что позиция их достаточно пассивна, они имеют свое собственное мнение по поводу обсуждаемой проблемы. С этим особым мнением, причем в глобальных всеукраинских масштабах (поскольку эксперимент по внедрению КМС начал еще в прошлом году), удалось познакомиться на страницах нескольких Интернет-форумов (“Миковский”, “Фом”). Большинство из высказавшихся “страдает” по старой советской (интересно, что они о ней знают?) форме преподавания, когда можно было позволить себе целый семестр ничего не учить, затем подготовиться за несколько дней к экзамену, сдать и моментально выбросить все это из головы. Другие возмущены необходимостью посещать все занятия. В целом, подводя итог, можно сказать, что КМС “достигла некоторых результатов”. Ей удалось вернуть студентов в аудиторию и заставить их работать в течение семестра.

Анализируя высказывания студентов-первокурсников отделения социологии по той же проблеме, но уже в рамках нашего вуза, можно прийти к выводу, что они уже 4-й месяц учатся в ситуации, когда практически не ясно, кто и как собирается оценивать их знания. Виды работ, критерии оценки зачастую весьма расплывчаты, а иногда и вовсе не оглашены.

В то же время каждый из нас ежегодно обновляет программы курсов, все они хранятся на кафедрах, регулярно предъявляются во время многочисленных проверок, однако не всегда являются востребованными студентами. Эта ситуация возникла не сегодня, так было всегда потому, что программа требовалась сверху и писалась для отчетности, а не для студентов.

Об этом же говорит и толщина наших программ. Для того чтобы студент первокурсник прочитал эту программу и понял о чем в ней говорится, он должен потратить несколько часов. Это сложный для чтения документ.

Пора вспомнить о том, что программа призвана быть реальным действующим документом, задающим правила игры для студентов и преподавателей в соответствии с общими стандартами. Программа должна быть “путеводителем” по занятиям для студентов.

Основная цель программы — задать способ прохождения от цели курса к результату. Например, я читаю социальную информатику. Цель курса — практическая: научить пользованию ПК, теоретическая — дать представление об основных концепциях информатизации общества. Тогда программа должна описывать: каким способом, посещая занятия, студент может достичь этой цели, что он при этом должен выполнить и как будет оценен. В рекомендациях, которые задают современные методики преподавания, предлагается уйти от тематического строения программы к содержательному, в котором описывается содержание и структура каждого занятия, начиная от формулирования темы, заканчивая формами и методами работы, критериями оценки и указанием аудитории, в которой все это будет происходить.

Программы, которые приводятся в качестве примеров нового образца — небольшие, напоминающие театральные. Чтиво весьма несложное, не занимающее много времени и доступное даже первокурснику. Если наша цель — сделать процесс преподавания более доступным и прозрачным для студента, то перейти к таким программам должно стать ближайшей задачей. Если же мы хотим его ещё более запутать и заколдовать, то новые программы, которые получились в результате простой компиляции старой программы с добавленными новыми листиками про КМС, уже позволили достичь этой цели.

Но это только внешняя, документальная сторона вопроса. Нашу сегодняшнюю систему обучения, которая сформировалась вследствие многолетнего перманентного реформирования советской, можно охарактеризовать следующим образом: тяжелая нагрузка и для студентов, и для преподавателей; долгие часы аудиторного контакта; чрезмерный объем материала по курсу (который с одной стороны преподаватель должен “вылить” на головы порою спящих студентов, с другой стороны — спящие студенты должны каким-то образом все это усвоить); дефицит возможностей изучать предмет в глубину; отсутствие разнообразия методов их изучения; устрашающая и нагнетающая тревожность системы оценок. Иначе — это обучение стрессом! Причем теперь не только сессионным, как в пресловутой советской системе, а стрессом пролонгированного действия, растянутым на целый семестр!

Если говорить о европейской системе преподавания, то она предполагает совершенно другие методы проведения занятий и обучения студентов. В частности, это называют переходом от “научения к учению”. Исходя из предположения о том, что среднестатистический студент приходит в вуз все-

таки за дипломом и особо трудиться над получением знаний ему лень, то он ждет, чтобы его научили. Но суть в том, что для того чтобы эти знания не выветрились сразу после выхода из экзаменационной аудитории, к получению этих знаний должен приложить усилия и сам студент: всегда ценится лишь то, во что вложен собственный труд. Старая истина — активная форма обучения дает более стойкий результат, нежели пассивная.

Каким же образом добиться этой активности? Во-первых, необходимо расширять диапазон методов, которые используются в различных занятиях. От традиционных лекций всего один шаг до лекций-дискуссий, групповых обсуждений сформулированной темы. Это проверенный способ “разбудить” студентов и заставить их активно работать на лекции. Очень многие коллеги пользуются этими методами и говорят об их предпочтительности. Нельзя забывать и об обратной связи (кстати, это простой способ отметить присутствующих студентов).

Но есть одно “НО”. Такие формы работы возможны только с подготовленным студентом, который прочитал материал к занятию и владеет какими-то знаниями по обсуждаемому предмету. На сегодняшний день мы в принципе владеем хоть и не достаточным, но необходимым ресурсом для реализации задачи активизации студентов. Это, во-первых, создание программ, в которых указаны правила игры и четко сформулированы задачи для студента, пришедшего на занятие: обозначена тема, указаны методы, которые будут использованы, рекомендована литература, заявлены критерии оценки. Во-вторых, решение проблемы с библиотекой, вернее — ее фактическим отсутствием. Один из способов решения достаточно прост. Он состоит в создании локального электронного ресурса ИСН, который на цифровых носителях содержит программы курсов, рекомендуемую литературу, первоисточники и, по сути, представляет собой электронную библиотеку по специальностям “социология”, “политология” и “международные отношения”.

Многие украинские вузы уже три-четыре года как освоили эту систему. Например, Киевский национальный университет им. Т. Г. Шевченко, в котором этот ресурс действует в режиме on-line, социологический факультет Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Нашей кафедрой также предприняты шаги по созданию локального электронного социологического ресурса. В рамках курсового проекта студента 5-го курса Никольского Олега выполнена работа по техническому решению этого вопроса. Ресурс существует в электронном виде, представляет собой документ, аналогичный web-странице и работающий по принципу гипертекста. Насыщенность его пока невелика. Он содержит в основном классику социологии. Работа велась сканированием текстов из книг, а также поиском первоисточников в Интернете. Сейчас ведется работа по насыщению его программами конкретных курсов и необходимыми для их изучения первоисточниками. Для этого планируется задействовать преподавателей, читающих курсы на отделении социологии. Приступить к созданию такого ресурса в масштабах института имеет смысл

в ближайшее время, пока наш отечественный Интернет (особенно российский) остается “щедрым”.

Проблемы, которые нужно решить на сегодняшний день, это закончить его наполнение, вывести ресурс из подполья: перенести его на институтский носитель и сделать доступным для студентов и преподавателей. Компьютерных мощностей в нашем институте вполне достаточно (например, институтский компьютерный класс), нужно только по-другому спланировать их использование. Кроме того, ресурс может существовать и рас пространяться на лазерных носителях. Не нужно забывать также о том, что он должен пополняться, а, следовательно, нужен человек, отвечающий за его бесперебойное функционирование и обновление.

В заключение хочу вернуться к тому, с чего начались размышления. Несмотря на то, что КМС оказалась навязанной нам, она не так плоха, в ней масса положительных сторон и перспектив. Главное, чтобы все это не превратилось в сплошную симуляцию обновления. В очередную “бумажную” систему, где от нас будут требовать такое количество отчетных бумаг, что за их составлением станет некогда преподавать!

Марчук И. П.: Качество подготовки выпускников высших учебных заведений, где критерием выступает профессиональная компетентность, рассматривается с позиции рекомендаций ЮНЕСКО. Сущность концептуальных требований к профессиональной компетентности сводится к расширению знаний, умений и навыков, необходимых непосредственно для повышения производительности труда, в сфере жизнедеятельности в целом.

Возможность трудоустройства с учетом перспективы обучения в течение всей жизни будет достигнута лучше через ценности, присущие качественному образованию; через разнообразие подходов и профилей дисциплин; через гибкость программ, позволяющих иметь много возможностей вхождения “в” и выхода “из” них; через развитие межпредметных навыков и умений, таких как коммуникация и языки; через способность мобилизовать знания, решать проблемы, работать в команде и развиваться социально.

Основная цель изучения иностранного языка в вузе — приобретение студентами профессиональной компетенции, составным элементом которой является иноязычная коммуникативная компетенция.

Развитие иноязычной компетенции связано, как известно, с формированием у студентов составляющих ее компонентов (компетенции лингвистической, речевой, психологической, социокультурной, предметной).

Под лингвистической компетенцией понимают сформированность лексической и грамматической компетенции. Лингвистическая компетенция проявляется в правильном распознавании и употреблении форм иностранного языка. Она предполагает знание правил и умение оперировать ими в целях продуцирования и рецепции языковых форм и структур в процессе оформления своей мысли и понимания мысли партнера по общению. Таким образом, лингвистическая компетенция подразумевает, прежде всего, знание различных аспектов языка, которые служат основой для правиль-

ного оформления и понимания высказывания как акта коммуникативной деятельности.

Предмет лингвистической компетенции — лексический аппарат, минимизированный с учетом целей, коммуникативных намерений и сроков обучения.

Особое значение приобретает при коммуникативном подходе к обучению работа с лексическим материалом на всех стадиях его усвоения: ознакомление, закрепление и практика в употреблении. Приоритет здесь должен быть отдан речевым упражнениям в системе коммуникативных заданий, ориентированных на студента. Активизацию лексического материала правильнее называть лексико-грамматической активизацией, поскольку лексика в ее изолированном виде существует только в словаре. Таким образом, достигается и многократная актуализация грамматического материала в ненавязчивом, как бы подчиненном лексике виде. Обычно лингвистическая компетенция развивается с использованием вербальной / текстовой основы.

Документ Совета Европы под названием “Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, преподавание, оценка” (“Common European Framework of Reference: Learning, Teaching, Assessment”) отражает итог начатой еще в 1971 году работы экспертов стран Совета Европы по систематизации подходов к преподаванию иностранного языка и стандартизации оценок уровней владения языком. “Компетенции” в понятной форме определяют, чем необходимо овладеть изучающему язык, чтобы использовать его в целях общения, а также какие знания и умения ему необходимо освоить, чтобы коммуникация была успешной.

Участники данного проекта попытались создать стандартную терминологию, систему единиц или общепонятный язык для описания того, что составляет предмет изучения, а также для описания уровней владения языком независимо от того, какой язык изучается, в каком образовательном контексте. В итоге была разработана система уровней владения языком и система описания этих уровней с использованием стандартных категорий. Существует 6 крупных уровней, которые представляют собой более низкие и более высокие подуровни в классической трехуровневой системе, включающей в себя базовый, средний и продвинутый уровни.

“Европейский языковой портфель”, разработанный в рамках проекта Совета Европы на основе монографии “Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка”, состоит из трех разделов: “Языковой паспорт”, “Языковая биография” и “Досье”. “Языковой паспорт” является отдельным документом, общим для всех моделей “Европейских языковых портфелей”. “Языковая биография” содержит листы самооценки, в которых представлены две группы дескрипторов. “Досье” является набором материальных свидетельств профессионально-ориентированных языковых умений. “Европейский языковой портфель” признается Советом Европы в качестве документа, отражающего достижения в изучении неродных языков. Он адресован широкому кругу лиц, изучаю-

щих иностранные языки в качестве инструмента профессиональной деятельности, и может использоваться при продолжении учебы или трудоустройстве в европейских странах.

Среди преподавания, стандарты, уровень требований претерпевают существенные изменения. В прошлом это была консервативная, в значительной степени предписанная система, которая требовала от преподавателя в основном репродуктивных навыков. С учетом динамики изменений в высшей школе особую важность приобретает умение преподавателя учитывать требования ситуации и микросреды и соответствующим образом выстраивать процесс обучения. Последнее требует иного, а именно рефлексивного подхода к преподаванию, т. е. анализа предшествующего опыта, осознания потенциала текущей ситуации и умения разрабатывать стратегию обучения.

В работе в новых условиях можно выделить 2 основные проблемы:

- дефицит методической компетентности;
- несоответствие дидактических материалов требованиям единого образовательного пространства.

Дидактические материалы, как правило, рассчитаны на использование в отдельно взятом вузе или, в лучшем случае, обращаются к какому-то одному тематическому направлению, иными словами, они не покрывают весь спектр специализаций, да и вряд ли могут это сделать, поскольку не оперируют универсалиями и имеют частный характер. Превалирует подход, направленный на развитие грамматической составляющей.

Необходимость в новых методических пособиях была частично разрешена нами в 2004 г. публикацией англо-украинского пособия, рассчитанного на студентов 1-3 курсов и аспирантов, обучающихся по специальности "Социология" (коллектив авторов: Марчук И. П., Ростомова В. Н., Рудик И. В.)

Основу пособия составляют аутентичные тексты, отобранные из англоязычной литературы по специальности и расположенные по принципу лексико-тематической принадлежности к тому или иному аспекту профессии.

Лексический материал обеспечен разнообразными послетекстовыми заданиями, разработанными в соответствии с требованиями современной методики.

Материал пособия организован таким образом, что он обеспечивает его надежное закрепление. Коммуникативная направленность пособия формирует у обучаемых навыки извлечения фактической и, частично, лингвистической информации из англоязычных текстов профессионально ориентированной тематики. Концепция и содержание пособия позволяют активно использовать эту информацию как в учебном процессе, так и в будущей профессиональной деятельности.

Каждый раздел пособия содержит серию вопросов и практических упражнений, которые обращают внимание студентов на важные аспекты излагаемых теоретических положений и способствуют формированию у них практических навыков интерпретации текста. Такая структура пособия обеспечивает должный контроль понимания материала, навыков и умений

его применения на практике. Цель — формирование навыков профессионально ориентированной межкультурной коммуникации в устной и письменной формах.

Достоинством пособия являются англо-русский терминологический словарь и раздел “Comprehensive exercises” с темами для докладов и дискуссий.

Часть философии пособия — подготовка специалиста, имеющего навыки самостоятельной исследовательской деятельности. В этом плане само пособие может рассматриваться как переходный этап между формированием базовых исследовательских навыков и выполнением исследований более серьезного уровня, а именно, написанием магистерских и кандидатских диссертаций.

Модель, используемая в пособии, носит название APREL — акроним, в котором

А обозначает awareness (осознание), Р — practice (практика), R — revision (пересмотр), Е — evaluation (оценка), L — learning (научение).

В данном пособии язык рассматривается как личностный ресурс, а не абстрактное построение.

Ветрова С. С.: Нормативно-рекомендательные документы о модернизации высшего образования Украины (№ 1/9-402 от 28. 07. 04) недвусмысленно указывают на то, что участие Украины в Болонских преобразованиях должно быть направлено только на ее развитие и приобретение новых качественных признаков, а не на утрату лучших традиций, снижение национальных стандартов качества. Безусловно, доводы коллег по поводу существенной формализации учебного процесса, дистанцированности студентов и преподавателей в ходе оценивания результатов учебного процесса в новом формате высшей школы небезосновательны. Однако не следует забывать о том, что организация процесса получения высшего образования предполагает не только учебно-воспитательную, но и серьезную научную деятельность студентов. Реализуясь в формате обязательности, практической полезности, доступности и прозрачности, взаимовключенности профессорско-преподавательского состава и студенчества, научные проекты призваны стать компромиссом для сторонников модели классического фундаментального долгосрочного образования и модели стандартизированного образования, быстро адаптирующегося к ситуациям общественной жизни.

Именно научная деятельность реализует задачи формирования навыков самостоятельной познавательной активности студенчества. Акцентирование аспекта самостоятельности в получении научно-практического результата позволяет соответствовать требованиям в части выбора изучаемых дисциплин, планирования режима обучения в течение жизни. Кроме того, это дает возможность обращения к собственной познавательной активности формирующейся личности, усовершенствования эвристических способностей, полученных в средней школе нового типа.

Безусловно, организация научной деятельности студенчества в условиях единого образовательного пространства есть многоаспектная комплексная задача. Ее решение требует не просто “внешнего” институционального

вмешательства (крайне необходимого) в части финансирования, нормативного обеспечения, информатизации, социальной поддержки студенческой молодежи и преподавательского состава и т. д. Гораздо важнее добиться качественных изменений в структуре мышления студенчества, перейти от традиционно воспроизводимой схемы пассивно-избирательного восприятия информации к проблемно-ситуационному анализу, предполагающему умения поиска и отбора источников информации, целеполагания, оценки соответствия задач и методов их реализации, структурирования работы и других познавательно-аналитических навыков. Недаром Каменская Т. Г. в своем выступлении подчеркивает важность предотвращения опасности бездумной репрографии информационного потока. Действительно, в условиях стремительного технологического развития цивилизаций роль преподавателя университета трансформируется в ключе навигатора в мире науки. Поэтому научная деятельность студенчества не может более рассматриваться исключительно на уровне успевающих учащихся, ее следует оценивать и приводить к образовательным стандартам. Количественная оценка возможна даже в традиционном смысле — по числу публикаций в научных изданиях, в зависимости от участия в конференциях, олимпиадах, конкурсах работ, методологических семинарах, творческих лабораториях и т. д. Имеет смысл и говорить о потребности разработки индекса или коэффициента научной активности студента как соотношения чисел выполненных обязательных и креативных заданий, научных проектов и т. д. Наполнение коэффициента научной активности студента, безусловно, требует детального обсуждения. Однако очевидность пересмотра отношения к научной деятельности налицо. Конкурентоспособность государства, и в этом следует согласиться с Победой Н. А., напрямую зависит от развитости научно-технической инфраструктуры отечественного образования, переживающего очередной виток реформаций и усовершенствований. Поступая в университет, абитуриент со школьной скамьи должен быть ориентирован на потребность научно-исследовательских разработок, на поиск и анализ информации по любой интересующей его теме.

Мосийчук Т. Е.: Для приведения социологического образования в соответствие с современными требованиями необходимо решение обозначенных и целого ряда других, не названных здесь проблем, в частности тех, которые возникнут на пути реформирования высшего образования.

Реформа в общеобразовательной и профессиональной школе выступает качественно новой ступенью в ее развитии и совершенствовании.

Сегодня в высшей школе произошли кардинальные изменения в преподавании социально-политических наук, их содержании, структуре, форме и методах. Появились новые учебные дисциплины. Резко изменились требования к личности специалиста с высшим и средним специальным образованием. Сейчас после окончания учебного заведения он должен рассчитывать на себя, на свои возможности, способности, знания, умения и навыки; уметь адаптироваться в новой обстановке; быстро и творчески решать поставленные жизнью проблемы.

Требования к знаниям и умениям, а также характеристика минимума содержания профессиональной образовательной программы по направлению "Социология", т. е. для социологов-профессионалов, обширная и глубокая. На их реализацию отводится весь срок обучения в вузе, а не один или два семестра в вузе, где социология изучается как одна из учебных дисциплин.

Именно потому наиболее полное представление о социологии как науке и учебной дисциплине должны получить студенты, обучающиеся на специальных факультетах университетов и специализирующих выпускников социологов для педагогической деятельности, работы в научно-исследовательских и государственных учреждениях. Несмотря на то что это представление складывается из содержания многих курсов: общей социологии; истории социологии; методики и техники социологических исследований; демографии, социальной антропологии; экономической социологии; основ менеджмента; социологии религии; социологии девиантного поведения; социальной экологии; социальной экономической статистики, социологии труда, семьи, культуры, образования; социологии международных отношений и многих других, мы до сих пор не практикуем выбор курсов в соответствии со специализацией.

Как было сказано предыдущими участниками методологического семинара, и в частности профессором Н. А. Победой, внедрение системы образования "Болонского содружества" актуально для отечественной системы образования прежде всего с точки зрения выравнивания возможностей подготовленных специалистов на мировом рынке труда.

Студенты уже сейчас получают две специализации: социолог и преподаватель социально-политических дисциплин, что дает большие возможности реализации личности в дальнейшей профессиональной деятельности, чем ранее. Но мы не знаем, каковы специализации, кроме социальной работы в европейских вузах.

Проблемы перехода от теоретического знания к практическому состоят в правильной организации и составлении самой модульной системы, составлении программ, выборе активных методов обучения, а также в способах контроля и оценивания студентов.

Рассматривая извечную проблему чему учить и как учить, следует отметить, что система отечественного высшего образования подвержена изменениям и находится в поисках адекватных методов обучения. Очевидно, что использовать надо классические, неоспоримые и вырабатывать новые, востребованные временем.

Особое значение имеет производственная практика. Она является завершением модулей-кредитов и выступает основанием для выдачи соответствующей квалификации студента.

В направлении подготовки социологов-преподавателей программой предусмотрен педагогический цикл от освоения курсов: "Педагогика", "Методика преподавания социологии", "Методика преподавания социологии в высших учебных заведениях" до прохождения педагогической практики.

Педагогическая и производственная практики социологов призваны ото-

брать и систематизировать формы, методы и приемы обучения, развить и закрепить полученные знания, систематизировать и структурировать, то есть преобразовать в интеллектуальные умения и навыки, сделать их инструментом в практической деятельности; а также вооружить студента навыками и умениями в организации учебно-воспитательной работы в школе, средних специальных и высших учебных заведениях. Для реализации этих задач кафедрой проводятся специальные учебные технологии, которые включают в себя:

- утверждение баз практики на основании заключенных договоров о сотрудничестве (общеобразовательные школы, лицеи, колледжи, училища — для проведения педагогической практики студентов-бакалавров; высшие учебные заведения — для студентов-магистров). Это дает возможность реализации многоступенчатого подхода в освоении умений и навыков педагогической работы, формирования психологической готовности к педагогической деятельности;
- заключение договоров о сотрудничестве с управлениями внутренней политики областной государственной администрации, отделами внутренней политики районной государственной администрации, мэрией и другими государственными и негосударственными организациями и объединениями с целью прохождения производственной практики студентов третьего курса;
- заключение договоров о сотрудничестве с областным управлением статистики и областным управлением службы занятости для прохождения производственной практики студентами-бакалаврами;
- разработка программ практики с учетом специализации базы и индивидуальных заданий, с последующим оформлением и сдачей отчетных документов для подтверждения прохождения практики, а также ее оценивания. Примечательно, что в западных европейских вузах студенты сами ищут себе базы производственной практики. И работают на соответствующих местах не менее 3 месяцев.

Несмотря на то что кафедрой регулярно проводятся установочные конференции перед началом практики с целью ознакомления студентов с программой и индивидуальными заданиями, а также заключительные конференции после завершения практики, на коллективном обсуждении всегда осмысляются трудности и барьеры при прохождении практики. Это дает возможность для постоянного усовершенствования как программ, так и индивидуальных задач. Материал, накопленный в ходе и после практики, становится эмпирической базой для проведения различных практикумов по курсам. В дальнейшей деятельности преподавателей-методистов, ответственных за проведение производственной и педагогической практики, основными задачами могут стать разработки рейтингового оценивания, так как в настоящее время нет единых критериев контроля и оценки качества работы студента в процессе практики. Такая работа потребует большего количества времени в учебной нагрузке преподавателя и также даст возможность усовершенствования качества подготовки специалистов.

Победа Н. А.: Уважаемые коллеги! Все, заявившие о своем желании участвовать в заседании “круглого стола”, обозначили свои позиции. Выяснилось, что семантическое поле понимания содержательных целей Болонского соглашения не только достаточно широко, но и противоречиво. Вместе с тем, наметились некие общие платформы.

Гуманитарные и социальные науки находятся в состоянии динамической трансформации, постоянно проходя точки болезненной бифуркации. Болонский процесс и связанные с ним изменения в организации высшей школы вызваны стремлением стимулировать создание образовательных продуктов мирового уровня. Они являются общим контекстом модернизации образования как отрасли экономики, значительно большей востребованности специалистов социологии, политологии, международных отношений на рынке труда. Более того, они уже не оправдывают “декоративность” нашего присутствия в системах социального знания, а мобилизуют на использование нашего потенциала в более полном варианте.

Новый уровень образования — XXI века — представляет собой другое Знание и иную форму его организации. Мы должны адекватно суметь освоить увеличивающийся объем Знания и обуздь дух менеджеризма, который пронизывает все звенья системы высшей школы и ведет к большим потерям в тех областях, которые не имеют прямого рыночного спроса.

Вероятно, защитным барьером может стать госстандарт как некая институциональная основа для удержания фундаментальных принципов, на которых основываются образовательные программы. Как вытекает из ваших выступлений, в структуре образовательной программы должен сохраняться и региональный компонент, позволяющий отразить специфику региона, традиции и научный потенциал вуза, и собственное лицо кафедр в вариативных программах национального образовательного стандарта. Они, на наш взгляд, могут служить основой для введения зачетных единиц трудоемкости (кредитов) в соответствии с Европейской системой перевода ECTS.

В ряду необходимых предпосылок науки находится и принятие согласованной в международном социологическом сообществе схемы социологических категорий. Преодолению зоны турбулентности между авторской и формальной (министерской) программами могут служить системные модули, которые не только контролируют усвоенные студентом знания на выходе, но и координируют тематический и содержательный разброс знания в заданных ими границах.

Сейчас самое время для выпускающих кафедр принимать программы и тестовые задания у тех специалистов, которые читают общегуманитарные и социальные дисциплины. Руководитель выпускающей кафедры должен задавать свои акценты при общем государственном стандарте, т. к. он отвечает за качество подготовки специалистов. В этом, на мой взгляд, состоит корпоративный интерес каждого подразделения, получившего право на выпуск специалистов определенного направления. Именно в рамках

системного модуля может происходить и реальная координация инфраструктурных, содержательных сюжетов по тематике курсов, исключение дублирования и т. д.

Первоочередным на взгляд участников “круглого стола” являются проблемы материальной базы высших учебных заведений, технической оснащенности, наличия стратегий в формировании фондов научной библиотеки, Интернет-ресурсов, возможность приглашения специалистов из других вузов Украины и ученых из стран Европы. Нам, вероятно, следовало бы заключать соглашения о сотрудничестве с профильными подразделениями ряда европейских вузов. Отделение международных отношений дает нам пример в этом вопросе, но мы не полностью используем даже этот ресурс.

Выводы и рекомендации “круглого стола” по совершенствованию качества образования и оптимизации вхождения в европейское образовательное пространство.

1. Сохранить свое лицо и наработанный опыт образовательных стандартов Украины, а именно:

- Считать целесообразным контроль государства за развитием системы образования (все частные вузы должны проходить лицензирование и аттестацию по единым критериям с государственными) с усилением контроля за качеством и лицензирования, и аттестаций;
- Сохранить право аттестовываться национальным университетам (обладающим высоким кадровым потенциалом и развитой исследовательской базой) по четвертому уровню, а вновь созданным институтам — только по третьему;
- Определить правовой статус институтов, входящих в структуру национальных университетов (включая право юридического лица и собственного финансового счета), в отличие от факультетов;
- Шире внедрять авторские программы по спецкурсам и дисциплинам специализации;
- Считать возможным право выбора дисциплин студентами, начиная с 4 курса (более ранняя специализация может помешать целостному представлению о границах компетентности специалистов).

2. Быть конкурентоспособными:

- С целью повышения контроля за качеством квалификационных работ бакалавров и магистров приглашать для работы в составе ГЭК по конкретным специальностям лиц, работающих в других городах с дипломом докторов по профилю или работающих в этой сфере не менее 5 лет. Предусмотреть в бюджетах университетов соответствующие расходы;
- Осмыслить приоритеты развития материальной базы (площади, техническое обеспечение, библиотечный фонд и т. д.) в разрезе ведущих университетов страны с выделением целевого транша (т. е. финансовых средств для тех институтов, факультетов, которые поддерживают конкурентоспособность в течение последних 5 лет);
- Обратить особое внимание на воспроизводство и совершенствование

направлений гуманitarных и социальных наук, учитывая целевую установку Украины на развитие социального государства;

– Считать необходимым более взвешенный подход к учебной нагрузке, в том числе нагрузке по руководству написанием курсовых работ, бакалаврских и магистерских работ. Постоянное сокращение нормативов не следует использовать в качестве способа экономии государственных средств. Как следствие — формальный характер исполнения с той и другой стороны. Наше предложение состоит в том, чтобы как минимум — сохранить прежние нормативы для магистерских работ — 44 часа, дипломных (выпускных) — 33 часа; как максимум — привести их в соответствие с европейскими стандартами. Следует различать также объемы времени на подготовку курсовых и выпускных работ на естественно-научных и гуманитарных факультетах;

– Рекомендовать научным центрам издать методические пособия по пересчету трудоемкости украинских стандартов и кредитно-модульной системы европейских вузов, реально определяя изменения в нагрузке в связи с возрастанием индивидуальной работы и объема времени, затрачиваемого на разработку и проверку тестовых заданий, контроль в рамках модулей;

– Обобщить опыт участия украинских студентов и преподавателей в проектах Tempus / Tacis;

– Усилить работу профильных Научно-методических советов на всех уровнях;

– Обратить внимание на реальное снижение заработной платы (нагрузка увеличивается, количество функций возрастает, а зарплата не растет адекватно этим изменениям).

Материалы “круглого стола” подготовлены Н. А. Победой, А. В. Худенко, Т. И. Кривошеей.

ПЕРЕКЛАДИ

БАБУШКА СЕМЯНКА И МАСЛЕННИЦА

For more information, contact: www.ams.org, 800-321-4267, or ams@ams.org.

ОТПЕРЕКЛАДИ

A decorative horizontal banner featuring a repeating diamond pattern with small flowers at the corners. The letters "EKA" are written in a large, stylized, purple font across the center of the banner.

— Otto

HYPERPOLARIZATION-INDUCED INHIBITION IN THE CEREBELLUM

IEU *International Energy Union*

Науковий журнал Національного університету «Одесський державний педагогічний університет імені Миколи Гоголя»
заснований в 1992 році

“СОЦІАЛЬНА ПОЛІТИКА КАНАДЫ” ПОД РЕДАКЦІЕЙ ДЖ. К. ТЕРНЕРА І Ф. ДЖ. ТЕРНЕРА

Глава 22. Для чего изучают технологию исследования?

Перевод: ассистент Гапуренко В. Б., кафедра социологии

Студент, работающий в социальной сфере, однажды сказал нам: “Когда я решил быть социальным работником, я, конечно, не думал, что мне нужно бы знать что-нибудь о научно-исследовательской работе. Почему я должен изучать исследовательские методы?”. Конечно, когда студент решает избрать профессию, направленную на помочь, понятие “помощь” используется в контексте оказания помощи людям, под чем обычно подразумеваются непосредственные услуги. Эта глава объяснит важность научно-исследовательской работы, а также познакомит студента с языком, понятиями и методами исследовательского процесса.

Понимание методов исследования важно по трем причинам.

Во-первых, профессионал нуждается в критической перспективе для того, чтобы оценивать существующую научно-исследовательскую деятельность. Всякий раз, читая исследовательские доклады в профессиональных журналах, — а вы знаете, как много их приходится читать, — важно не принимать данные без вопросов. Этот критический подход может быть развит только посредством понимания инструментария и техник исследовательской деятельности.

Вторая причина для развития исследовательских умений — это то, что знания, которые мы приобретаем, имеют множество применений: они не ограничены только пониманием или проведением исследований. Они становятся средством осмыслиения, а также средством рассмотрения проблемы. Мы учимся быть точными в наших определениях, рассматривать вопросы в более широких контекстах и думать логически и систематизированно. Эти важные умения могут хорошо служить нам как профессионалам или будущим профессионалам. Это средство осмыслиения может также помочь нам как студентам. Курсовая работа, которая хорошо определена, организована и представлена в структурированном и логическом стиле, производит впечатление на преподавателя и получает в результате более высокую оценку, чем менее структурированная работа. Руководители ведомств и правительственный учреждений также намного более восприимчивы к хорошо оформленным отчетам, устные они или письменные. Это усовершенствование составления отчета является умением, которое часто

неожиданно выступает как дополнительный продукт изучения проведения исследования.

Третья, и наиболее очевидная причина для познания исследовательских методов состоит в том, что в актуальных исследовательских проектах всегда существует возможность прибегнуть к непосредственному участию. Многие работы с организациями или правительством содержат в себе исследовательский компонент, даже когда их первичная обязанность — это прямое обслуживание клиентов. Чем большими умениями обладает социальный работник, тем более он (она) будет конкурентоспособен.

Начало работы

Начало работы в исследовании является часто более трудным, чем осуществление всего проекта, особенно если исследователь планирует, конкретизирует и осуществляет исследование. Иногда нанимают людей для помощи в исследовательском проекте, который уже разработан, что является намного более легкой задачей. Давайте начнем с самого начала и представим, что у нас есть грант для проведения исследования некоторого специфического аспекта человеческого поведения, и наша задача установить область исследования и избрать соответствующий метод исследования.

Часто решение изучать специфический аспект субъекта или проблемы принимается из-за *идеи*, которую исследователь возможно имеет. Предположим, что наш грант дан для проведения исследования адаптации детей в семейных домах, но при этом область исследования не определили также специфически.

Одна из очень важных задач на этом этапе — свести область исследования до контролируемых размеров. На начальном этапе множество данных никогда не выйдет из “глубины стола” исследователей, поскольку предмет, который исследуется, не был определен специфически и данные никогда не анализировались, потому что это была слишком громоздкая и затруднительная задача. Здесь может быть ценной идея. Из опыта, полученного в поле, и изучения существующих научно-исследовательских работ исследователь может развить идею.

В нашем примере, возможно, один или два аспекта проблемы воспитания детей приемными родителями навели на мысль, что размер приемной семьи, вероятно, является фактором адаптации приемных детей. Поскольку фактически имеется дело с детьми в приемных домах, исследователь интуитивно догадывается, что может иметь место существенное различие в адаптации приемных детей в семьях, которые имеют своих собственных детей, и в семьях, у которых нет собственных детей. Предмет исследования должен быть строго определен с самого начала.

Дальнейшее определение может быть развито посредством установления гипотетической связи между переменными, которые подлежат изучению во взаимосвязи специфическим методом. *Переменная*, как и подразумевает термин, это что-либо, что может изменяться в степени или величи-

не. Возраст и уровень образования — переменные. Некоторые другие [переменные]: размер семьи, доход, количество потребляемого алкоголя на человека, отношение к феминизму и частота добрачных и внебрачных связей. Гипотеза — это утверждение, которое определяет связь между двумя и более переменными. Приемлемой гипотезой для нашего исследования является следующее предположение: “Приемные дети, помещенные в фостерные семьи*”, где нет родных детей, легче адаптируются, чем приемные дети, помещенные в семейные дома, где есть дети”. Переменными в этой гипотезе являются:

1) наличие детей в фостерных семьях и 2) адаптация приемных детей в фостерных семьях.

В гипотезе есть 2 вида переменных, зависящих от того, как переменные соотносятся друг с другом. Хотя одна переменная может быть не связанной с другой, иногда легче идентифицировать переменные, если допустить кausalную связь. Переменная, которая принята за основание, называется *независимой переменной*, а та, которая принята за следствие, является *зависимой переменной*. В нашем примере факт отсутствия родных детей в фостерных семьях является независимой переменной, а адаптация приемного ребенка в этой семье — зависимая переменная. Когда мы устанавливаем связь между переменными, мы можем найти эту связь между независимой и зависимой переменными, но эта связь недостаточно сильна, чтобы мы могли сказать, что зависимая переменная является причиной изменения зависимых переменных; скорее она является фактором изменения, которое наблюдается в зависимой переменной. Могут существовать и другие переменные в нашем анализе, посредством которых раскрывается взаимосвязь между зависимой и независимой переменными. Они называются “вмешивающиеся” [связующие, коррелирующие] переменные. В нашем примере “вмешивающимися” переменными могут быть образование приемных родителей, их отношение к детям или возраст приемных родителей. Важно уметь различать независимые и зависимые переменные на всех этапах исследования.

С развитием гипотезы мы фокусируем наше исследование. Теперь становится ясно, что следует изучать и какого рода информация должна быть собрана для того, чтобы либо подтвердить, либо опровергнуть эту гипотезу. Не все исследования однако начинаются с развития гипотезы. Существует два основных типа исследований: *проверка гипотез* и *выработка гипотез*.

Предыдущий пример является примером проверки гипотез, который известен также как *дедукция*. Исходя из существующих знаний, исследователь делает вывод, что определенные переменные могут быть связаны друг с другом определенным специфическим способом, и развивается та гипотеза, которая может быть проверена *эмпирическим исследованием*. Эмпирическое исследование — это процесс сбора данных посредством пря-

* фостерные семьи — семьи, которые усыновляют, как правило, нескольких детей, создавая таким образом семейный детский дом

мого наблюдения или эксперимента; например, сбор данных относительно поведения людей в окружающей их обстановке.

Другой основной тип исследования — это выработка гипотез, который известен также как *индукция*. В таком исследовании данные собираются без развития гипотезы. В ходе анализа данных взаимосвязь между переменными становится очевидной и гипотезы генерируются.

Исследование выработки гипотез может быть также названо *дескриптивным исследованием*, потому что оно не предназначено проверять специфические взаимосвязи, но описывает события или человеческий опыт, или поведение.

Благодаря этим двум процессам развиваются структуру знаний в каждой дисциплине. Этой структурой знаний пользуются как литературой: когда мы “обращаемся к литературе” или “ищем литературу” мы рассматриваем не только существующие теории (которые обычно содержатся в учебниках), но мы также просматриваем профессиональные журналы, где содержатся доклады о текущих исследованиях. Это самый лучший способ идти в ногу со временем в любой области деятельности. В ходе профессионального обучения студенты вскоре узнают, как важно для них быть ознакомленными с научными журналами в их области знания.

Возвращаясь к нашему предыдущему примеру, — как только у нас возникла идея, которая привела нас к гипотезе, возможно, возникает необходимость исследовать существующую литературу, чтобы определить, было ли какое-нибудь основание для этой гипотезы согласно существующей теории. Мы, может быть, найдем некоторые исследования, имеющие отношение к нашей гипотезе, но ни одно из них не сфокусировано специально на наших переменных; мы, может быть, также найдем какое-либо исследование с указанием на то, что оно определялось нашей областью исследования. В любом случае, поскольку мы продолжаем наше изучение, этот обзор литературы является важной частью исследовательского процесса. Это переносит наше предполагаемое исследование в содержание существующего знания.

Очень важно при осуществлении литературного обзора составлять точный отчет о том, что вы нашли. Лучший способ осуществить это — использовать карточки-указатели. На каждой карточке указывать автора, заглавие, название журнала, дату и краткое содержание исследования, а также другие данные, которые вы, возможно, захотите использовать позднее, с соответствующими постраничными ссылками. Такой вид систематического резюме ваших изысканий будет очень полезен, когда придет время составлять отчет о вашем исследовании. Пример такого резюме, указанный в схеме, содержит общее заглавие и подзаголовок в верхних углах карточки. Позднее эти заголовки помогут структурировать ваш обзор.

Схема

Предлагаемый формат для анализа данных литературного обзора

Фостерные семьи

Джоунс, А. Б., "Адаптация детей",
Канадский журнал социальной работы,
Том, #, дата, стр.

Резюме наиболее важных выводов

Цитата с указанием номера страницы, которая могла бы быть использована в исследовательском отчете.

Адаптация детей

К тому времени, когда вы прочитали значительное количество относящейся к делу литературы, вы можете найти то, что вы хотите исправить или пересмотреть в вашей гипотезе, поскольку вы приобрели новые представления. Этот процесс усовершенствования гипотезы является частью концептуализации исследования. *Концептуальная структура или теоретическая конструкция*, как ее еще называют, развивается посредством литературного поиска, а также видов структуры, обнаруженных вами в литературе по исследовательским отчетам. Это серии логических утверждений, которые обосновывают, почему переменные изучают и связывают друг с другом методом, предложенным в гипотезе. Простая концептуализация нашего изучения жизни детей в фостерных семьях, возможно, может развиваться следующим образом:

Существует приемлемая структура литературы о фостерных семьях (Джоунс, 1960; Смит, 1975; Браун, 1978). Однако эта литература, главным образом, имеет отношение к формированию фостерных семей (Грин, 1976; Вайт, 1970; Голд, 1975). Некоторые исследования выделяли переменные, способствующие успешности воспитания детей приемными родителями. Джоунс (1970) выделял образование и профессию приемных родителей как значимые факторы, в то время как Смит (1978) определял религиозность как важнейшую переменную. Есть теории, которые рассматривали факторы, взаимосвязывающие легкость адаптации детей и пребывание детей в этих семьях (Грин, 1976). Также встречаются некоторые предположения, что размер приемной семьи способствует адаптации (Блэк, 1980). Тем не менее, недостаточно исследовано предположение относительно легкости адаптации приемных детей в домах, где нет родных детей. Чувствуется, что данная проблема — серьезный пробел в литературе. В соответствии с нашим исследованием рассмотрим следующие гипотезы: ...

Вне всяких сомнений, четкий способ подобной концептуализации извлек обоснованные выводы из существующей литературы, наметил границы области исследования и в последовательности логических утверждений установил связь данного исследования с существующей сферой знаний и научно-исследовательской деятельностью. Обе гипотезы и концептуальные структуры сфокусировали наше исследование. Они определили, какие переменные будут *операционализированы* и в каком контексте будут анализироваться после того, как будут собраны данные. *Операционализация* — это измерение. Решения о том, как измерять переменные, являются реша-

ющими, и они составляют часть следующего этапа исследовательского процесса, выбор соответствующего исследовательского проекта проверяет идею.

Как проверить ваши идеи

Если ваша идея претендует на значительность или полезность для других, она должна быть научно проверена. Во время строгого апробирования вашей идеи используются сугубо научные методы, вы можете убедиться, что ваша идея не случайное предположение или заблуждение, но скорее взаимоотношение, которое обосновано эмпирическим доказательством, и таким образом имеет эмпирическое определенное основание в реальности. Вы в таком случае почувствуете уверенность в предположении, что то же самое взаимоотношение будет существовать и в других подобных ситуациях. Уметь создавать такой вид утверждения полезно, поскольку это позволяет вашим коллегам использовать ваш опыт при принятии решений относительно принятия мер, а не действовать изолированно. В дальнейшем, чем большее число идей эмпирически подтверждается, тем более структура знаний может быть развита в рамках определенной темы.

Проект

Составляя исследовательский проект, необходимо иметь в виду следующее:

- 1) Проект должен быть понятным; это необходимо для того, чтобы другой исследователь смог проследить ваш ход мыслей и прийти к такому же заключению
- 2) Проект должен быть практичным в использовании рабочей силы, необходимого времени и наличных денежных средств. Не расходуйте все ваше время и деньги на сбор данных во избежание того, что может ничего не остаться для их анализа
- 3) Проект должен соответствовать цели исследования. Выясните, является ли вашей окончательной целью проверка гипотезы или выработанная гипотеза будет окончательно проверена другим проектом.

Odessa National University Herald

Вестник Одесского национального университета

ВІСНИК
ОДЕСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

Том 10 • Випуск 11 • 2005

Соціологія і політичні науки

Українською та російською мовами

Технічний редактор *M. M. Бушин*

Одесський національний університет імені І. І. Мечникова
2-й міський відділ освіти та науки
15, вул. Університетська, 2

Інститут соціології та політичних наук
Інститут філософії та соціальних досліджень
Інститут фізичних та природничих наук
Інститут хімічних та матеріалознавчих досліджень

Здано у виробництво 17.10.2005. Підписано до друку 12.12.2005. Формат 70x108/16.

Папір офсетний. Гарнітура SchoolBook. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 23,8.

Тираж 300 прим. Зам. № 52.

Надруковано у друкарні видавництва "Астропрінт"

(Свідоцтво ДК № 1373 від 28.05.2003 р.)

65082, м. Одеса, вул. Преображенська, 24.

Тел.: (048) 726-98-82, 726-96-82, (0482) 37-14-25

www.fotoalbum-odessa.com